

КОНСТАНТИНОВСКИЙ РУБЛЬ

Новые материалы
и исследования

МОСКВА
• ФИНАНСЫ И СТАТИСТИКА •
1991

ББК 5.2.
К 65

Авторы: А. С. Мельникова, В. В. Бартошевич
В. А. Калинин, Е. С. Щукина, И. Г. Спасский

Рецензент д-р истор. наук А. Г. Тартаковский

0502000000-047
к 010(01)—91 20-91

ISBN 5-279-00490-1 © Коллектив авторов, 1991

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений

Предисловие

А. С. Мельникова
КОНСТАНТИНОВСКИЙ РУБЛЬ И ИСТОРИЯ
ЕГО ИЗУЧЕНИЯ _____

В. В. Бартошевич
ЗАМЕТКИ О КОНСТАНТИНОВСКОМ РУБЛЕ 67

В. В. Бартошевич
ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ 135

В. А. Калинин
ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ШТЕМПЕЛЕЙ
КОНСТАНТИНОВСКОГО РУБЛЯ 167

Е. С. Щукина
К ВОПРОСУ О СОЗДАТЕЛЯХ ШТЕМПЕЛЕЙ
КОНСТАНТИНОВСКОГО РУБЛЯ 205

И. Г. Спасский
НОВОЕ О РУБЛЕ КОНСТАНТИНА 1825 г.
И ЕГО ПОДДЕЛКАХ _____ 227

Библиография _____ 267

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВИ — Вопросы истории, журнал, Москва
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ОН — Отдел нумизматики
ОПИ — Отдел письменных источников
ПСЗ — Полное собрание законов
ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР
НС — Нумизматический сборник

*Посвящается
светлой памяти
Ивана Георгиевича
Спасского*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей сборник «Константиновский рубль» является первой попыткой научного издания всего комплекса вещественных и письменных источников из музеев и архивов, связанных с историей создания редкой монеты и ее дальнейшей судьбой. Рассматриваются собственно монеты, проектные рисунки, штемпели, оловянные оттиски, снятые со штемпелей в процессе их изготовления, а также выявленные к настоящему времени поддельные рубли с портретом и именем Константина.

Статьи сборника посвящаются различным аспектам изучения истории этой замечательной монеты. Новые опубликованные здесь материалы и полемическая направленность ряда статей сборника послужат импульсом для новых изысканий об этом памятнике, в судьбе которого тесно переплелись важнейшие события России первой четверти XIX в.

Судя по всему, проблематике знаменитой монеты суждена еще долгая жизнь: многое в ней за последние два десятилетия после выхода книги И. Г. Спасского «По следам одной редкой монеты» (1964 г.) прояснилось, но многое остается неясным, к тому же новые данные породили и неко-

торые новые вопросы. Сборник, обобщивший как достоверные сведения, так и спорные взгляды, должен стать определенной вехой в изучении этой «остросюжетной» темы и в значительной мере облегчить дальнейшую работу исследователей.

А.С.Мельникова

**КОНСТАНТИНОВСКИЙ
РУБЛЬ
И ИСТОРИЯ
ЕГО ИЗУЧЕНИЯ**

Если спросить любого человека, хотя бы немного знакомого с историей денежного обращения в России, какую русскую монету следует признать самой известной, в девяноста случаях из ста будет получен ответ: константиновский рубль. Если далее продолжать расспросы и попытаться узнать — видел ли он эту монету, ответ скорее всего будет отрицательным. В нашей стране хранятся два экземпляра этой удивительной монеты — один находится в Государственном Эрмитаже, другой — в Го-

Константиновский рубль.

сударственном Историческом музее. Очень редко эти монеты покидают хранилища, чтобы украсить нумизматические выставки.

Константиновский рубль представляет собой серебряную монету с изображением на одной стороне государственного герба Российской империи — двуглавого орла с регалиями, окруженного венком из лавровых листьев. Под орлом имеются три буквы: С. П. Б. — знак Петербургского монетного двора, где эта монета чеканилась. По кругу монеты размещена надпись: «Рубль. Чистаго серебра 4 золоти. 21 доля». На другой стороне монеты помещен профильный портрет лысоватого человека с бакенбардами и коротким вздернутым носом. Под портретом дата — «1825», вокруг изображения — круговая надпись: «Б.М. КОНСТАНТИНЪ I ИМП. и САМ. ВСЕРОСС», что следует читать: «Божьей милостью Константин I император и самодержец всероссийский». На ребре (гурте) монеты надпись: «сер. 83 1/3 пробы 4 зол. 82 14/25 доли», смысл которой понятен — обозначены проба и вес монеты в старинных метрологических единицах — золотниках и долях. В переводе на современные метрологические единицы нормативный вес монеты составляет 20,73 г.

Императора Константина I русская история не знает. Однако рубль с его портретом и именем — не фальшивка. Он отчеканен на государственном Монетном дворе,

его вес и проба выдержаны в тех нормах, которые были приняты для российской монеты в 1798—1885 гг., оформление монетного поля и содержание гуртовой надписи обычны для русских монет.

Что это — нумизматический курьез, ошибка граверов Петербургского монетного двора? Или в выпуске этой монеты нашли отражение сложные взаимоотношения внутри царской фамилии и всей правящей

верхушки империи, возникшие после кончины императора Александра I в ноябре 1825 г., когда пришлось выбирать между двумя претендентами на русский престол — братьями бездетного императора — Константином и Николаем?

Если бы это был только нумизматический курьез, константиновский рубль не оказался бы в числе тщательно охраняемых государственных тайн на протяжении всего царствования Николая I (1825—1855). А именно так обстояло дело. О существовании монеты стало известно лишь через два года после смерти Николая. Отсюда следует, что в факте чеканки монеты с именем и портретом Константина I отразился династический кризис ноября—декабря 1825 г. Но даже и это весьма немаловажное обстоятельство не может объяснить в полной мере причины непреходящего интереса историков и нумизматов к самой монете и к истории возникновения замысла чеканки, его осуществления и последствий этой акции. На личности Константина Павловича вдруг сомкнулись интересы высокопоставленных чиновников, в том числе министра финансов Е. Ф. Канкрин (1776—1845), инициативе которого традиционно приписывается организация чеканки рубля с портретом и именем Константина, и первых дворянских революционеров-декабристов, избравших в качестве предлога для восстания защиту прав на русский престол Константина Павловича. Поэтому тщатель-

Цесаревич Константин Павлович в Бельведерском дворце. Рисунок с натуры его адъютанта Кия.

ное изучение всех обстоятельств, связанных с выпуском константиновского рубля, дает интересный материал для характер-

тики политической обстановки и поведения ряда исторических лиц в период междуцарствия и восстания декабристов.

Константиновский рубль имеет свою историю, в которой раскрытие исторического значения этого памятника длительное время было причудливо связано с многочисленными домыслами и вымыслами, одни из которых порождались отсутствием достоверной информации, другие — сознательным стремлением утаить или исказить правду.

В историю отечественной нумизматики константиновский рубль вошел вначале как раритет, интерес к которому значительно подогревался связью этого рубля со скандальными обстоятельствами воцарения Николая I. При жизни императора Николая I чеканка пробных рублей с именем Константина являлась запретной темой, хотя в придворных кругах какие-то смутные слухи ходили. Но после его смерти почетный член Академии Наук генерал Ф.Ф. Шуберт опубликовал в 1857 г. за границей каталоги своей нумизматической коллекции [1, с. 3805; 2; 3, с. 680]; в них описывался таинственный рубль. Публикацию сопровождала «историческая справка». Шуберт сообщал, что этот рубль между 1 и 14 декабря 1825 г. был послан с делегацией Сената в Варшаву на утверждение цесаревичу Константину Павловичу. Сообщалось также, что штемпели этой монеты были уничтожены.

Генерал Ф. Ф. Шуберт.

Так монета вышла из небытия и, разумеется, сразу привлекла к себе внимание коллекционеров-нумизматов. Русское общество живо интересовалось всякими новыми сведениями, связанными с обстоятельствами начала царствования Николая I, до самой его смерти строго охраняемыми как государственная тайна. Впрочем, в

1857 г. была широко обнародована официальная версия «происшествия» 14 декабря 1825 г. [4].

В 1866 г. константиновский рубль снова возник на страницах зарубежной печати. Владелец нумизматической коллекции, один из учредителей Археолого-нумизматического общества в С.-Петербурге, барон Б. В. Кене опубликовал историю рубля с портретом Константина [5, с. 206—213].

Б. В. Кене.

По его словам, рубль был отчеканен не на государственном Монетном дворе в Петербурге, а представляет собой частную работу, осуществленную по инициативе медальера Петербургского монетного двора Я.Я. Рейхеля (1778—1856), получившего словесное разрешение министра финансов Е.Ф.Канкрин. Работая «день и ночь». Рейхель изготовил единственную пару штемпелей и отчеканил пять монет без гуртовой надписи, которые представил Канкрину. Три из них были направлены в Варшаву, к предполагаемому императору Константину на утверждение, а две остались у министра. В ночь с 13 на 14 декабря, сообщает далее Кене, Рейхеля спешно вызвали к Канкрину с приказом привезти штемпели. Тут же, в кабинете министра, в присутствии Рейхеля штемпели были уничтожены, а оставшиеся две монеты расплавлены.

Историю опубликованного Шубертом рубля Кене изложил следующим образом. В 30-х или 40-х годах русский генерал, любитель монет, посетил игорный дом в южногерманском курортном городке Хомбурге. У одного из игроков он увидел несколько серебряных русских рублей, среди которых была необычная монета — рубль с портретом Константина. Генерал, имя которого осталось неизвестным, обменял этот рубль на обычный. После смерти генерала монету приобрел Ф.Ф.Шуберт. По мнению Кене, рубль Шуберта был одним из тех рублей, которые посылались в 1825 г. в Вар-

шаву. В 1830 г. во время польского восстания резиденция Константина была разгромлена и рубли с портретом Константина похищены. Таким образом они попали в обращение.

Это была первая подробная версия истории чеканки и дальнейшей судьбы константиновских рублей. Назывались лица, коим рубль был обязан своим появлением: Я.Я.Рейхель — гравёр Монетного двора, а с 1818 г. одновременно и директор технического отдела Экспедиции заготовления государственных бумаг, коллекционер, один из инициаторов организации петербургского Археолого-нумизматического общества, автор штемпелей константиновского рубля; Е.Ф.Канкрин, министр финансов, разрешивший чеканку рублей и затем приказавший уничтожить все следы работы. Было названо число отчеканенных рублей — пять экземпляров — и объявлено об уничтожении штемпелей и двух готовых монет. Объяснялась также история появления в коллекции Шуберта одного из уцелевших рублей. Что представляло собой здесь правду, а что переложение великосветских сплетен — читателям Кене судить было трудно. Участников истории возникновения константиновского рубля к этому времени уже не было в живых: Константин умер в 1831 г., Николай I — в 1855, Канкрин — в 1845, Рейхель — в 1856, Шуберт — в 1865 г. Характерно то, что все публикации о константиновском рубле выходили за границу.

Министр финансов Е. Ф. Канкрин.

События 1825 г. все еще оставались полузакрытой темой.

Несколько лет спустя с критикой версии Кене выступил нумизмат князь А. В. Трубецкой (1813—1889), имя которого известно широкой публике прежде всего в связи с

Князь А. В. Трубецкой.

дуэлью и смертью А. С. Пушкина. В 1873 г., находясь на дипломатической службе во Франции, он опубликовал брошюру (выпущено всего 40 экземпляров, каждый из которых был пронумерован) [6]. В ней высказывались сомнения в подлинности опубликованного Шубертом константиновского рубля. Подлинными, по словам Трубецкого, были другие пять монет. Историю их Трубецкой изложил следующим образом. Все монеты хранились в резиденции Константина

PRINCE ALEXANDRE TRUBETZKOY

ROUBLE

DE

CONSTANTIN

CESAREWITCH

GRAND DUC DE RUSSIE

1873

MARSEILLE

MONTRE CENTRALE E. CARON

MOULINAGE

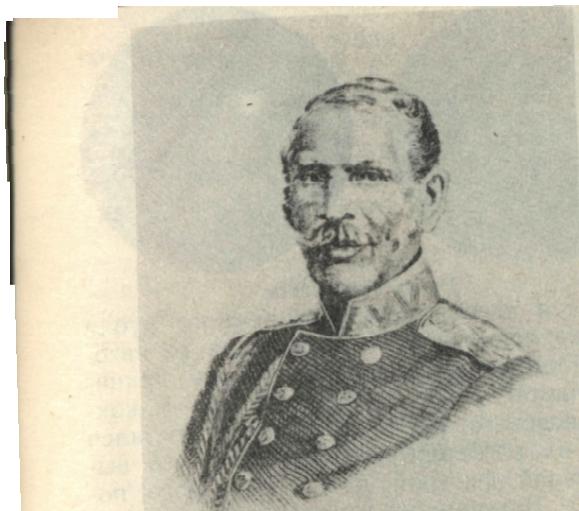
*Exemplaire de la
Bibliothèque de l'Hermitage*

TITRE CHASSEZ LAUSANNE
sur papier vergé de Hollande

N° 13

(Бельведере) в Варшаве. История уничтожения двух монет в кабинете Канкрин тем самым опровергалась. Эти пять монет были похищены в 1830 г. участником разгрома дворца, который затем эмигрировал во Францию. После его смерти вдова, нуждаясь в средствах, в 1867 г. решила продать эти монеты. А. В. Трубецкой принял участие в их реализации. Так как покупка всех пяти экземпляров была ему не по средствам, он предложил купить одну монету (через Кене) Эрмитажу, другую — графу С. Г. Строганову, председателю Археологической комиссии, страстному любителю нумизматики и владельцу богатейшей коллекции, еще одну монету — принцу Александру Гессенскому (брату супруги императора Марии Александровны), коллекционировавшему монеты с портретами представителей правящих домов в Европе.

Переписка с указанными лицами публиковалась в брошюре. Поскольку адресаты Трубецкого отказались купить монеты, князь, посетовав на то, что благородная попытка вернуть в Россию редчайшие рубли не увенчалась успехом, изложил их дальнейшую историю. Эти монеты купил якобы некий Э. Жиро — доверенное лицо «богатого американского собирателя из Кентукки» и две из них обменял Трубецкому. Сделка состоялась в 1869 г. Предполагалось обменять еще один из пяти рублей, но вскоре Жиро сообщил, что все приобретенные им монеты погибли с бага-

Граф. С. Г. Строганов. Гравюра
К. Кастелли.

жом американского собирателя, отправленным на пароходе «Город Бостон», который потерпел кораблекрушение. Завладев двумя монетами, продолжает далее Трубецкой, он подверг их тщательному изучению и даже сравнил с шубертовской монетой, когда оказался в Петербурге. Это сравнение окончательно убедило его, что рубль Шуберта является подделкой. Одну из своих монет Трубецкой в 1870 или 1871 г. передал в Эрмитаж (где она хранится до сих пор).

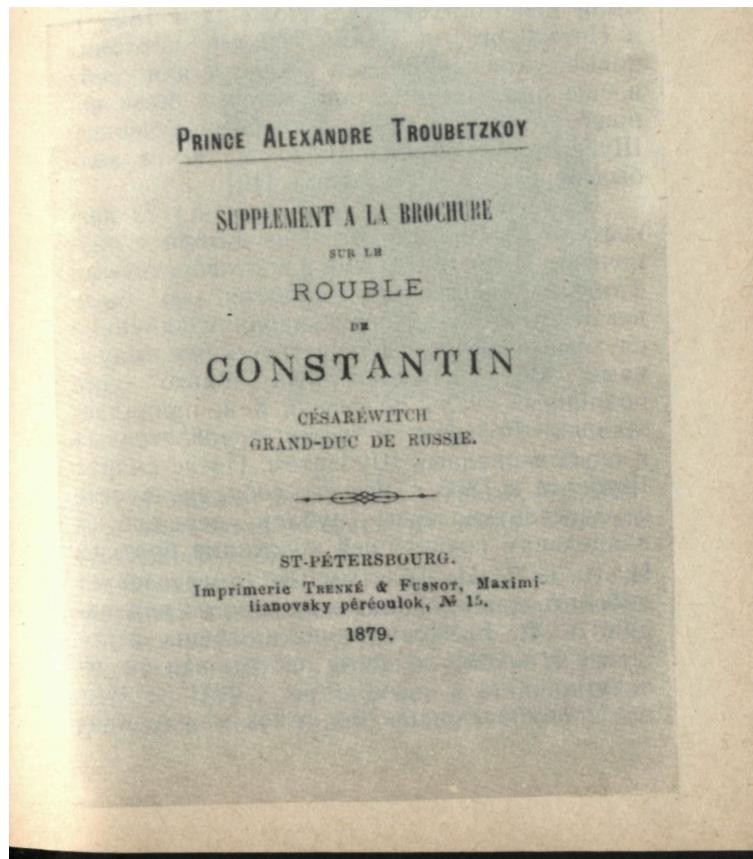

Рубль Трубецкого.

Новая версия константиновского рубля не была принята в Петербурге, а ее автора заподозрили в том, что он сам принимал участие в изготовлении подделок константиновского рубля и затем попытался сбыть их в Петербурге, прикрывшись вымышленной фигурой вдовы польского повстанца. Вступивший в полемику с Трубецким Кене писал: «Выпущенная в Марселе в 1873 г. брошюра... излагает от начала до конца вымышленную историю, чтобы заставить поверить, что объявившиеся в Париже подделки — подлинные монеты» [7]. Судьба константиновского рубля округлась все большим количеством загадок.

На страницы русской печати константиновский рубль проник только в 70-е годы. В 1874 г. в каталоге русских медалей, изданном Ю. Б. Иверсеном, была опубликована пара оловянных оттисков обеих сторон константиновского рубля, идентичных экземпляру Шуберта из собрания академика А.Ф.Бычкова [8, с. 14]. В 1878 г. Кене по-новому изложил свою версию истории

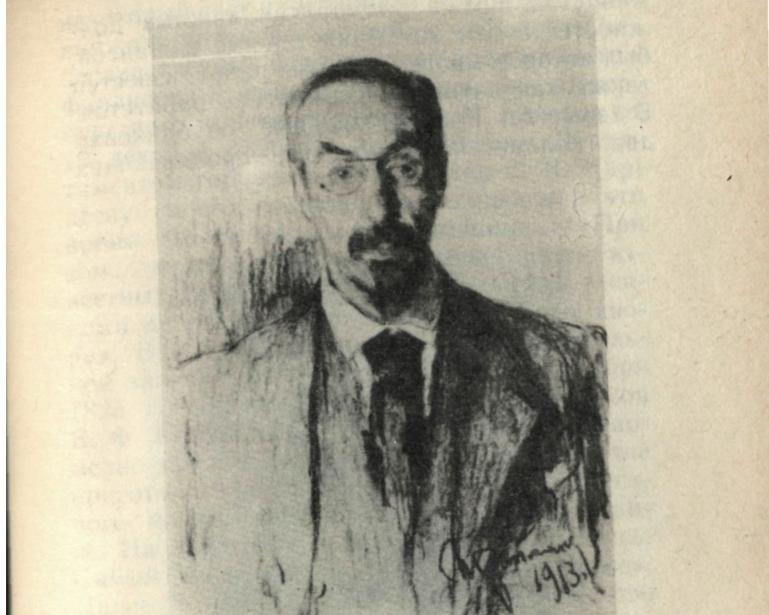
константиновского рубля, слегка дополнив ее новыми фактами [9, с. 327]. В частности, называлось имя генерала, обменявшего в игорном доме константиновский рубль (Крейдеман) говорилось о появившихся фальшивых константиновских рублях и о том, что штемпели константиновского рубля сохранились.

Трубецкой в ответ на эту критику в 1879 г. выпустил новую брошюру, где излагалась слегка видоизмененная прежняя история о пяти экземплярах, оказавшихся в Варшаве и затем попавших во Францию. Слухи о сохранившихся штемпелях Трубецкой сумел использовать в пользу своей версии: он объяснял, что штемпели были действительно уничтожены в 1825 г. в Петербурге, но затем Рейхель изготовил новые, отчеканив ими монету для себя и еще пять экземпляров, которые были положены в архив. Рубль, якобы полученный Шубертом от Крейдемана, на самом деле был передан ему Рейхелем [10].

Во всей этой полемике удивляет та легкость, с которой обращались авторы с различными недостоверными и противоречивыми фактами. Подлинные события им были неизвестны, но их без колебания заменяли слухами и самыми фантастическими выдумками. Ведь известен был только один подлинный рубль, по версии Кене принадлежавший Рейхелю и затем приобретенный и опубликованный Шубертом. После смерти Шуберта в 1865 г. все его собрание вместе с константиновским рублем перешло к владельцам крупнейшей коллекции братьям И. И. и Д. И. Толстым. К этому следует добавить два оловянных оттиска из коллекции А. Ф. Бычкова, явно имеющих отношение к какому-то этапу работы над штемпелями.

Полемика конца 70-х годов между Кене

И. И. Толстой. Художник И. Д. Гринман.

и Трубецким заключила первый, «романтический» этап истории изучения константиновского рубля.

В январе 1880 г. в журнале «Русская старина» появилась сенсационная заметка о константиновском рубле [11, с. 187-189]. Ее автор - Д. Ф. Кобеко (1837-1918). С 1865 по 1879 г. он занимал в Министерстве финансов пост управляющего Канцелярии

министра, позже ряд других важных должностей в том же Министерстве финансов, был автором многих научных работ; известен также как активный собиратель раритетов. В заметке Кобеко впервые опубликовал два подлинных документа, проливающих

Д. Ф. Кобеко. Гравюра
К. Кастелли.

некоторый свет на истинную историю появления константиновского рубля, — рапорты непосредственных исполнителей воли министра финансов. В донесении начальника Петербургского монетного двора Е. И. Еллерса от 19 декабря 1825 г. управляющему Департаментом горных и соляных дел Е. В. Карнееву (в его подчинении находился в это время Монетный двор) сообщалось: «При сем... представляются в ящике шесть известных штемпелей с 19-ю оловянными слепками за казенной печатью Монетного двора». В другом документе — сопроводительной записке Е. В. Карнеева от 20 декабря 1825 г., адресованной министру финансов Е. Ф. Канкрину, говорилось: «Здесь равномерно представляю все штемпели и прочие приготовления, сделанные на счет известного нового рубля, закупоренные в ящике. На Монетном дворе ничего не осталось. Самый даже рисунок у сего прилагаю». Далее Кобеко уведомлял читателей, что публикуемые документы вместе с упомянутыми в них шестью штемпелями, 19 оловянными оттисками и рисунком, а также сверток с пятью отчеканенными рублями хранятся в секретном архиве Канцелярии министра финансов. Не лишним будет упомянуть, что заметка Кобеко появилась уже после ухода его с поста управляющего Канцелярии министра.

Публикация Кобеко прояснила следующие основные моменты:

акция по изготовлению Константиновс-

кого рубля производилась с ведома и по указанию Канкрина;

осуществлялась она на Монетном дворе; готовились по меньшей мере три пары штемпелей;

рубль Ф. Ф. Шуберта оказался незаконченной пробой без гуртовой надписи;

изготовлено было не менее пяти законченных экземпляров рубля с гуртовой надписью;

с воцарением Николая I Канкрин принял энергичные меры к засекречиванию всего, что было связано с этой акцией.

Остальные вопросы оставались открытыми, что давало простор для предположений, догадок и домыслов.

Сама история появления константиновского рубля выглядела следующим образом. Когда в ноябре 1825 г. умер бездетный император Александр I, наследовать престол должен был его брат, Константин Павлович. Однако только царица-мать, Николай Павлович и несколько самых близких царской семье лиц знали, что в 1819 г. Константин отрекся от своих прав на престол. В 1823 г. это отречение было облечено в форму манифеста Александра I, в котором наследником назначался третий брат — Николай Павлович. Манифест хранился в секретном пакете, распечатать который следовало только после смерти Александра I. Известие о смерти императора в Петербург пришло 27 ноября и в тот же день, спустя несколь-

ко часов, этот пакет был прочитан в Государственном совете. Однако еще до вскрытия манифеста Константину присягнул Николай, начала присягать гвардия. Константин Павлович, который с 1815 г. находился в Варшаве, отправил с нарочным (им был младший брат, Михаил Павлович) свое подтверждение отречения от прав на престол, но ехать в столицу для публично-го заявления об этом категорически отказался. Две недели длилось междуцарствие, так как повсеместная присяга Константину формально делала его правителем страны. В этой обстановке на Петербургском Монетном дворе срочно начались работы по изготовлению пробного образца новой рублевой монеты с именем и портретом Константина. Были приготовлены проектные рисунки лицевой и оборотной сторон. По этим рисункам одновременно стали резаться три пары штемпелей. Пока на Монетном дворе резчики торопились приготовить штемпели и приступить к чеканке образцовых монет, междуцарствие пришло к завершению. Вечером 13 декабря Николай объявил Государственному совету манифест о своем воцарении. Весть об этом облетела столицу. Для участников тайного общества — будущих декабристов — она послужила сигналом к открытому выступлению. На 14 декабря назначалась переприсяга войск. Под предлогом защиты прав Константина, у которого брат узурпировал престол, солдаты под руко-

водством вождей тайного общества должны были отказаться присягать Николаю, захватить Зимний дворец и Петропавловскую крепость и, окружив Сенат, заставить опубликовать «Манифест к русскому народу», в котором провозглашалось уничтожение самодержавия и отменялось крепостное право. Предполагалось убийство царя.

После публикации Кобеко стало ясно, что министра финансов эта же весть о «переприсяге» побудила срочно ликвидировать следы неуместной акции по выпуску монет Константина I. Работы немедленно прекратились, и все материальные остатки ее — проектные рисунки, штампы, оловянные слепки и готовые монеты переправлялись с Монетного двора в Министерство финансов, где были надежно спрятаны в секретном архиве. Восстание 14 декабря, когда имя Константина противопоставлялось имени Николая, превратило действия министра финансов в отнюдь не безобидную ошибку, которая могла бы иметь для него самые плачевные последствия.

Восстание декабристов было подавлено, его руководители казнены, участники упрятаны за тюремные решетки, сменившиеся затем каторгой и ссылкой. События и люди 14 декабря стали запретной темой. Эту же участь невольно разделил и константиновский рубль. Но к 1880 г. восстание 14 декабря стало уже историей, и рубль перестал быть закрытой темой. Более того, еще в 1879 г. император Александр II

распределил сохранившиеся монеты между членами царской фамилии. Один из рублей по просьбе директора Эрмитажа А.А. Васильчикова был передан в Отдел нумизматики Эрмитажа (Васильчиков, правда, просил передать в музей все пять экземпляров, но царь решил иначе). Одну из монет Александр II оставил себе, другую передал принцу Александру Гессенскому, третью — великому князю Георгию Михайловичу, владельцу великолепного собрания русских монет, инициативе которого, видимо, принадлежало рассекречивание тайны министерского архива. Четвертая монета попала к великому князю Сергею Александровичу, который в последующем стал генерал-губернатором Москвы.

Медаль-сувенир для посетителей мюнц-кабинета великого князя Георгия Михайловича. Работа А. Шарфа. На гурте вычеканены имя владельца коллекции и дата посещения. В Эрмитаже имеются медали с годами от 1896 по 1908.

Многим казалось, что сообщение Кобеко, взволновав на некоторое время страсти коллекционеров-нумизматов, «закрыло» тему константиновского рубля. Все извлеченные из секретного архива пробные рубли обрели своих владельцев. Выяснилось также, что опубликованный в 1857 г. рубль Шуберта, попавший в 1874 г. в коллекцию братьев И. И. и Д. И. Толстых, имеет отличие от тех, которые хранились в Министерстве финансов: у него был гладкий гурт, в то время как пять рублей из архива имели гуртовую надпись. Из этого следовало, что с Монетного двора в 1825 г. вышли не только законченные пять монет и оловянные оттиски, которые снимались с штемпелей в процессе работы над ними, но и проба штемпелей на серебре, которая приобрела вид константиновского рубля без гурта.

После 1880 г. история константиновского рубля направляется по двум руслам. Он занимает прочное первенство в числе раритетов, за которыми охотились все владельцы крупных коллекций, достаточно состоятельные, чтобы иметь возможность приобрести эту баснословно дорогую монету. С другой стороны, возник подлинно научный интерес к истории появления рубля. Публикация Кобеко оставляла много неясностей. По двум документам нельзя было установить ни сроки работы над константиновским рублем, ни имена всех тех лиц, инициативе и труду которых они обя-

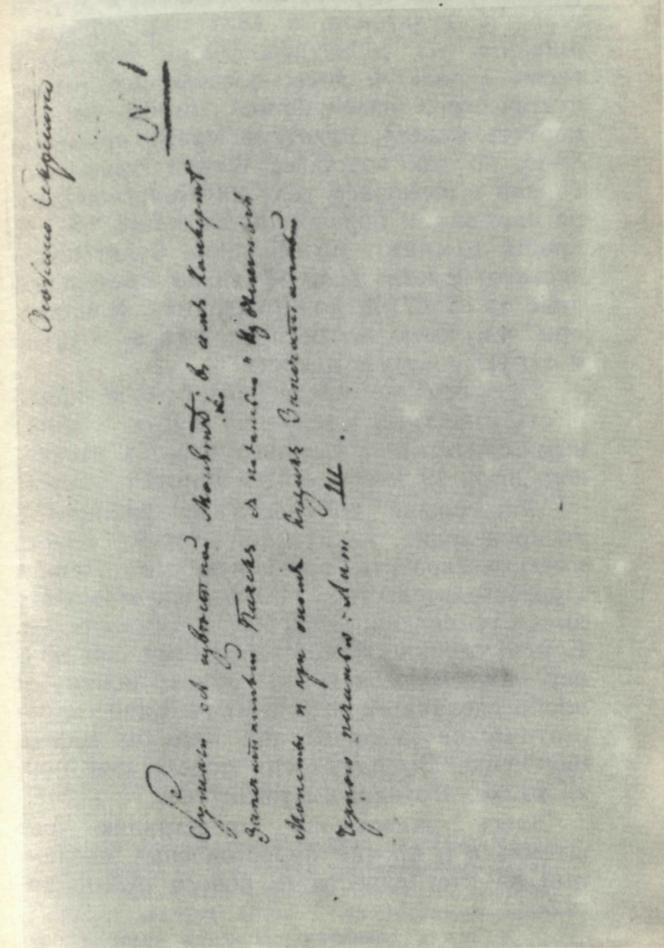
заны чеканкой, ни количество законченных рублей и проб. Впрочем, следует признать, что научный аспект изучения константиновских рублей волновал тогда очень немногих. Научная проблематика сосредоточивалась вокруг древних и средневековых монет, а русская нумизматика «императорского» периода, т.е. монет XVIII—XIX вв., была практически целиком отдана на откуп коллекционерам-нумизматам, а их более всего интересовали чисто практические вопросы — поиски уникамов и цены на них. Поэтому константиновский рубль после 1880 г. фигурировал чаще всего только в описаниях коллекций и аукционных каталогах [12; 13, с. XII и 261—262; 14]. Из числа работ, целиком посвященных этой теме, можно назвать работу И. К. Антошевского, который неудачно попытался свести концы с концами в разноречивых сведениях о константиновских рублях, а также брошюру С. Ф. Либровича, носившую откровенно беллетристический характер [15; 16, с. 696—697; 17; 18, с. 731—732].

Незадолго до революции к теме константиновского рубля обратился С. Н. Смирнов, который собирал материалы о междоусобице 1825 г. В архиве Отдела письменных источников Государственного Исторического музея хранится его переписка с главным хранителем музея А. В. Орешниковым, где он подробно описывал свои поиски документов и вещественных матери-

алов, связанных с этим периодом [19]. С. Н. Смирнов сообщал и о том, что им подготовлена брошюра, в которой якобы излагались все материалы, имеющие отношение к константиновскому рублю. Но наступил 1917 г., и издание брошюры осуществлено не было. Однако С. Н. Смирнов отпечатал несколько экземпляров фототаблиц (комплект состоял из 8 таблиц), один из которых передал в Эрмитаж. Эрмитажный экземпляр сохранился, но он никогда не публиковался. Это переплетенный типографским способом альбом, на титульном листе которого значится: «Таблицы к книге С. Н. Смирнова. Рубль императора Константина Павловича 1825 г.».

Первая таблица представляет собой фотографию конверта, в котором хранились «бумаги об известной монете». Текст на конверте гласит: «Особенно секретно. Бумаги об известной монете; в сем конверте запечатанный пакет с надписью: „Известныя монеты и при оном ящик запечатанный черною печатью“. Внизу — полустертая карандашная надпись „Министру финансов Е. Ф. Канкрину“».

На таблице 2 — другая фотография того документа, часть которого была опубликована Д. Ф. Кобеко, — рапорт начальника Монетного двора. Текст рапорта приводится целиком: «Имею честь донести Вашему Превосходительству, что полученная мною вчерашнего числа золотая Голландская монета, представляющая с одной сто-

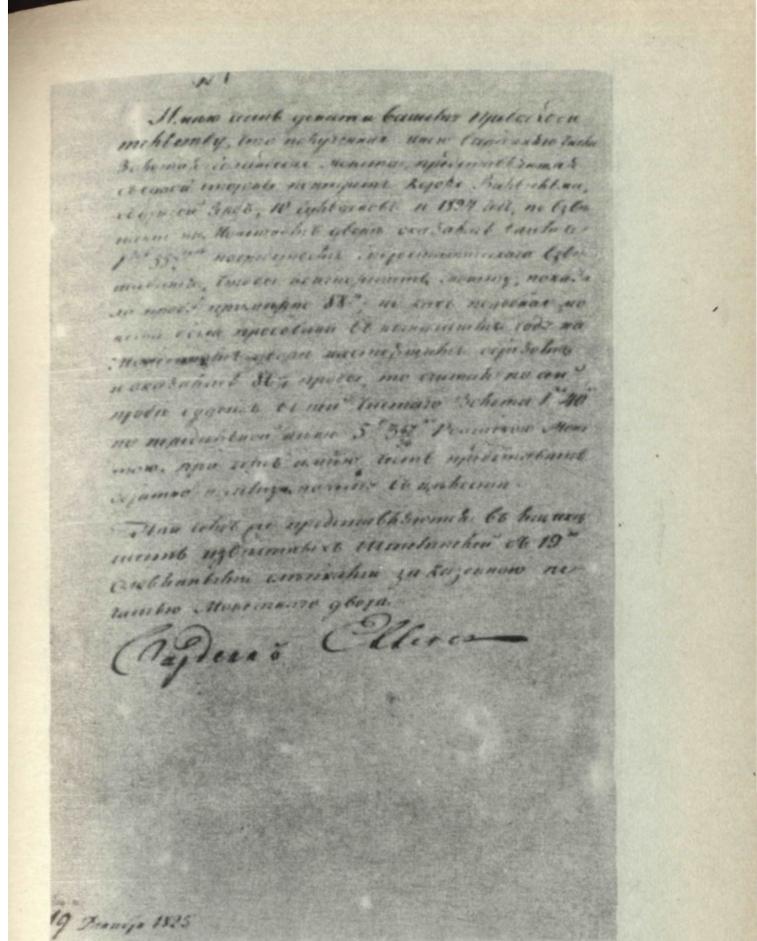
роны портрет Короля Вильгельма, с другой герб, 10 гульденов, и 1824 год, по взвешивании на Монетном дворе оказалась весом 1 зол. 55 доль; посредством гидростатического взвешивания, чтобы не испортить монету, показала пробу примерно 88-ю, но как подобная монета была пробована в нынешнем году на Монетном дворе настоящим образом и оказалась 86 1/8 пробы, то считая по сей пробе будет в ней чистаго золота 1 з. 40 д. по предельной цене 5р. 3 67/96 ко. Российскою монетою, при чем имею честь представить обратно и самую монету в целости.

При сем же представляются в ящике шесть известных штемпелей с 19-ю оловянными слепками за казенною печатью Монетного двора. 19 декабря 1825 г. Вардейн Еллерс».

Фотография документа на таблице 3 воспроизводит следующий текст: «Чсть имею возвратить врученную мне Вашим Превосходительством Голландскую монету вместе с описанием пробы и ценности ея. Кстати случилось, что некто пред сим принес таковую монету на обмен; почему и проба сделана верная; а иначе одно гидростатическое взвешивание* было бы весьма ошибочно. Выходит, что монета сия почти то же, что наш полуимпериял.

Здесь равномерно представляю все штемпели и прочия приготовления, сделанные на счет известного нового рубля, за-

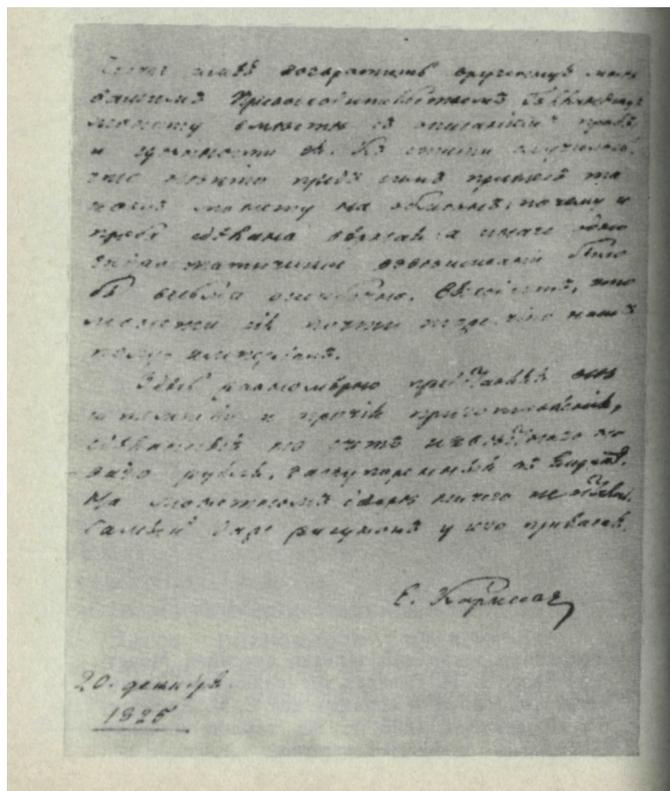
В тексте ошибочно написано «взвешиваие».

Фотокопия докладной записки вардейна Монетного двора Е. И. Еллерса управляющему Департаментом горных и соляных дел Е. В. Карнееву от 19 декабря 1825 г. Из таблиц к книге С. Н. Смирнова.

купоренные в ящике. На Монетном дворе ничего не осталось. Самый даже рисунок у сего прилагаю. Е. Карнеев. 20 декабря 1825».

На таблице 4 — фотографии нескольких

документов. Текст первого: «№ 13. Из представленных мною Государю Императору пяти хранившихся в Министерстве финансов Константиновских серебряных рублей. Его величество изволил оставить у себя два экземпляра. Генерал-Адъютант Грейг. Царское Село. 15 июня 1879». На другом документе, написанном великолепным почерком, читаем: «Из хранившихся в Министерстве Финансов пяти Константиновских серебряных рублей Государь Император изволил оставить у себя 15 июня 1879 года два экземпляра и 8 Февраля сего года один экземпляр. Остальные два экземпляра по Высочайшему повелению переданы — один в Императорский Эрмитаж 19 Июня 1879 года и один Его Императорскому Высочеству Великому Князю Георгию Михайловичу 16 Июня 1879 года. Министр Финансов Генерал-Адъютант Грейг». Внизу приписка, сделанная обычным почерком: «Мне известно, что из трех экземпляров, оставленных у себя Государем — один остался у Его Величества, один передан Вел. князю Сергию Александровичу и один Принцу Александру Гессенскому. 8-го Февраля 1880 г.»

На таблице 5 представлена фотография лицевой стороны проектного рисунка, которая названа: «Проектный рисунок рубля Императора Константина Павловича».

На таблице 6 — фотография оборотной стороны проектного рисунка, с такой же подписью.

№ 13

Мы отъезжая в
 Москву. По дороге мы переехали
 вблизи от села в деревне
 вблизи от деревни Фило
 воево. В деревне Фило
 воево у села Филово
 в деревне Филово.

Произошло в то время
 в деревне Филово.

Произошло в то время
 в деревне Филово.

Мы отъезжая в
 Москву. По дороге мы переехали
 вблизи от села в деревне
 вблизи от деревни Фило
 воево. В деревне Фило
 воево у села Филово
 в деревне Филово.

Произошло в то время
 в деревне Филово.

Произошло в то время
 в деревне Филово.

Произошло в то время
 в деревне Филово.

На таблице 7 изображены лицевая и оборотная стороны проектного рисунка рубля «Императора Константина Павловича», далее — лицевая и оборотная стороны константиновского рубля, под которыми помещена подпись: «Рисунки рубля Императора Константина Павловича к статьям барона Кёне в „Berliner Blatter für Munz-Siegel- und Wappenkunde“, 1866, и в „Revue Belge de Numismatique“, 1879». Внизу помещено еще одно изображение константиновского рубля, с подписью под рисунком: «Рисунки рубля Императора Константина Павловича, приложенныя к статье «Константиновский рубль в отделе «Нумизматика» «Всемирной иллюстрации» за 1878 г., т. XIX, Хя 489, 20 мая, стр. 357».

На последней таблице 8 под № 1—3 приведены фотографии трех пар слепков со штемпелей и подпись внизу: «Слепки со штемпелей, переданных в 1884 г. в Эрмитаж». Под № 4, 5 и 5а — три фотографии слепков, о которых сказано: «Слепки с неизвестных штемпелей, найденных в архиве М-ва Финансов в 1917 г.» Под № 6 представлен слепок с рубля А. В. Трубецкого («Слепок с рубля кн. А. В. Трубецкого» — сообщает подпись под фотографией). Штамп на фотоальбоме в левом верхнем углу оборота титульного листа указывает: «№ 87. Императорская Эрмитажная библиотека. Нумизматическое отделение. Шкап VII. Полка 3».

На заседании Российского нумизматического общества, которое состоялось в конце 1915 г., С. Н. Смирнов сделал доклад «О чеканке рублей Константина» [20]. Его работа была в сущности первой, к сожалению, незавершенной попыткой опубликовать все известные в начале XX в. письменные и вещественные источники, связанные с историей константиновского рубля. Сожалеть о том, что работа не была завершена, приходится еще и потому, что судьба и местонахождение двух опубликованных им письменных источников 1825 г. в настоящее время остаются неизвестными.

После работы С. Н. Смирнова наступает довольно длительный перерыв в истории изучения темы, хотя константиновский рубль продолжал свое движение по аукционам и коллекциям. Благодаря посредничеству С. Н. Смирнова в 1917 г. из Министерства финансов в Отдел нумизматики Эрмитажа были переданы проектные рисунки рубля и оловянные отлиски (их оказалось не 19, как указывалось в публикации Кобеко, а 17). Поскольку три пары штемпелей поступили в Эрмитаж еще в 1884 г., к 1917 г. большая часть содержимого «закупоренного ящика» попала в Эрмитаж. После Октябрьской революции оказался там и рубль, принадлежавший Александру II. В 1930 г. этот рубль был передан на постоянное хранение в Отдел нумизматики Государственного Исторического музея в Москве. В архиве ОН ГЭ хранится акт от

20 мая 1930 г.: «20 мая 1930 г., мы, нижеподписавшиеся, Ученый Секретарь Государственного Эрмитажа Философ М. Д. и Хранитель Отделения Русских монет Отдела Нумизматики Ильин А. А., с одной стороны, и Ученый Секретарь Государственного Исторического Музея Протасов Н. Д. — с другой, составили настоящий акт в том, что Философ и Ильин сдали, а Протасов принял для передачи в Государственный Исторический Музей экземпляр серебряного рубля имп. Константина Павловича. Основание: Разрешение Управления Уполн. НКП от 18 января 30 г. за № 11-95-308». Остальные рубли, переданные в 1879 г. членам царской фамилии (кроме рубля великого князя Сергея Александровича, судьба которого неясна), оказались за рубежом. Там же очутился и рубль без гуртовой надписи, тот самый, публикацией которого в 1857 г. началась история изучения константиновского рубля. Он был продан в 1913 г. вместе с русскими монетами XIX в. из коллекции И. И. Толстого.

Однако между 1916 и 1919 гг. появился еще один рубль без гуртовой надписи. Он принадлежал видному петербургскому собирателю Л. Х. Иозефу, одному из основателей Российского общества нумизматов в 1911 г. После смерти Иозефа в 1919 г. этот рубль оставался у вдовы, а затем, по предположению главного хранителя Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа И. Г. Спасского, он попал в собрание дру-

того петербургского собирателя — Ф. Ф. Рихтера (умер в 1938 г.). Рубль Рихтера показывал в Отделе нумизматики Эрмитажа в 1962 г. его дальний родственник, и тогда же рубль сфотографировали. Этот рубль в дальнейшем тоже перекочевал за границу*.

Хранитель Отделения русских монет Отдела нумизматики Эрмитажа, А. А. Ильин, подпись которого стоит на акте передачи рубля Александра II от 20 мая 1930 г., скончавшийся в блокадном Ленинграде в 1942 г., оставил рукопись «Рубль Константина». Он попытался проследить историю всех известных рублей Константина, включая и рубль Трубецкого. В рукописи рассматривалась также краткая история изучения проблемы, начиная с публикации Д. Ф. Кобеко и кончая незавершенной работой С. Н. Смирнова, у которого, по мнению А. А. Ильина, были какие-то сведения, так как он «думал написать целую книгу». Здесь же предлагается источниковедческий анализ тех материалов, которые никогда еще не привлекались для изучения константиновских рублей — трех пар штемпелей и оловянных оттисков. А. А. Ильин пришел к выводу, что из шести штемпелей четыре были закончены и два — не закончены. В слепках он различил несколько вариантов, впрочем, очень незначительных. Рукопись не была опубликована при жиз-

* В настоящее время находится в США, в частной коллекции.

ни Ильина и лишь в 1964 г. увидела свет в сокращенном виде [21, с. 101—103].

Самостоятельная жизнь константиновского рубля между тем продолжалась. К подделке Трубецкого, хранящейся в Эрмитаже (Ильин пришел к ошибочному выводу, что одна из сторон этой подделки отчеканена подлинными штемпелями монет времени Александра, хранившимися на Петербургском монетном дворе), начали добавляться многочисленные подделки — неизбежные спутники любой редкой монеты. Вопрос о действительном количестве отчеканенных в 1825 г. рублей с гуртовой надписью и без нее запутался окончательно. Судьба тех рублей, которые оказались за границей, оставалась неизвестной.

В 1964 г. к проблеме уникального рубля обратился крупный ученый, знаток русских монет, главный хранитель ОН ГЭ И. Г. Спасский. Он выпустил книгу [21, с. 101—103], где задался целью проследить судьбу каждой монеты, отчеканенной в декабре 1825 г. на Монетном дворе и вошедшей в историю отечественной нумизматики под именем «константиновский рубль». Это «детективное расследование» на деле вылилось в интереснейшее исследование важных страниц истории русской нумизматической науки в XIX—XX вв. И. Г. Спасский проделал прежде всего тщательную источниковедческую экспертизу всех вещественных материалов по константиновскому рублю: собственно рублей, штемпелей, оловя-

ных оттисков, а также проектного рисунка. Ему удалось не только доказать, что рубль Трубецкого — подделка (в чем не сомневались, кроме А. А. Ильина, все его предшественники), но и определить место его изготовления. На основании детального сравнения пунсонов, которые применялись при чеканке монет на Парижском монетном дворе, с пунсонами на рубле Трубецкого, Спасский пришел к выводу, что этот рубль был отчеканен на Парижском монетном дворе. С той же скрупулезностью были проведены самые детальные расследования обо всех лицах, когда-либо соприкасавшихся с константиновским рублем, в том числе и о таких мифических личностях, как генерал Крейдeman из рассказа Кене. Следуя «по следам» каждой монеты, И. Г. Спасский воссоздал «биографии» всех известных константиновских рублей: пяти экземпляров с гуртовой надписью и двух — с гладким гуртом. Путь каждого из них был прослежен с 1879 г., когда монеты покинули секретный архив Министерства финансов, до года выхода книги — 1964 г.

Но при всей своей полноте работа И. Г. Спасского оставляла неясными многие стороны истории этой замечательной монеты. Так, в публикации Кобеко 1880 г., как заметил сам И. Г. Спасский, очень подробно описывались штемпели, оттиски и даже авторский рисунок-проект, но о самих монетах сведения были крайне скудны. «Перво-

закончить штемпели к 10 декабря. 12 декабря началась чеканка пробных монет с гуртовой надписью. При этом два экземпляра были в тот же день отправлены управляющему Департаментом горных и соляных дел Е. В. Карневу для передачи министру финансов Е. Ф. Канкрину. А 14 декабря «во исполнение приказа» Е. В. Карневу были отправлены с Монетного двора рисунки и четыре «образцовых рубля из числа затисненных в субботу», т.е. 12 декабря, в добавление к двум, присланным ранее. Е. И. Еллерс докладывал также, что штемпели, оловянные оттиски «по отобрании» запечатаны казенной Монетного двора печатью и хранятся особо, «чем и самые пробы по сему делу приостановлены».

Итак, найденные документы подтверждали, что никакой отправки константиновских рублей в Варшаву не могло быть, коль скоро пробы «образцовых» рублей были изготовлены только 12 декабря. Был получен ответ и на другой вопрос: сколько отчеканено константиновских рублей? Их оказалось в общей сложности шесть — «образцовых» монет, т.е. законченных рублей с гуртовой надписью. Один из найденных документов сообщал также, что помимо «образцовых» монет были еще на Монетном дворе «прочие кружки, коими первоначально штемпели пробованы, но они были забыты так, что изображений на них не видно». Вышедшие с Монетного двора рубли с гладким гуртом, следовательно

но происходили из числа утаенных кружков («коими первоначально штемпели пробованы»).

В заметке Кобеко указывалось, что законченных рублей хранилось пять, а новые документы четко и недвусмысленно сообщали, что на Монетном дворе были приготовлены и отправлены в министерство шесть монет. Сомнения И. Г. Спасского о первоначальном количестве монет, которое не было подтверждено никакими записями и целиком оставалось «на совести лица, впервые назвавшего его», нашли документальное подтверждение. Так возник новый, «криминальный» аспект проблемы константиновского рубля — куда делся шестой рубль? В. В. Бартошевич предположил, что виновником исчезновения рубля был сам Кобеко, которого, как известно, очень интересовали различного рода раритеты, а его публикацию 1880 г. следует рассматривать как средство дезинформации о действительном количестве экземпляров, переданных в министерство.

Публикация В. В. Бартошевича окончательно определила новый аспект изучения проблемы константиновского рубля, наметившийся с выходом книги И. Г. Спасского: от узконумизматического к широкой исторической проблематике. Ведь сама инициатива спешного выпуска монеты с именем и портретом царя до манифеста о восшествии на престол, обусловленная целым рядом обстоятельств, связанных и с личной за-

интересованностью инициатора чеканки, и с объективной ситуацией междуцарствия в ноябре — декабре 1825 г., давала выразительный материал для социально-психологического прочтения исторических событий династического кризиса.

В современной исторической науке изучение социальной психологии участников исторического процесса является одним из наиболее перспективных направлений. Даже без соприкосновения с событиями 14 декабря 1825 г. тема константиновского рубля была бы в этой связи очень актуальна. То обстоятельство, что чеканка константиновских рублей оказалась в общей цепи событий, так или иначе связанных с первым революционным выступлением против самодержавия, сделало еще более значимым социально-психологический аспект изучения этой темы.

Актуальными оказались и чисто источниковедческие задачи, возникшие при изучении проблемы константиновского рубля: выявление критериев подлинности раритетов, а также разработка методики использования письменных источников при изучении нумизматических памятников XVIII—XX вв. Находка новых документов в ленинградских архивах в 1976 г. была результатом целенаправленных поисков с четко поставленной задачей — изучить широкий круг материалов, имеющих прямое и косвенное отношение не только к монетному производству, но и к социально-политической

обстановке, в которой оно осуществлялось. В целом же проблема константиновского рубля открыла широкую перспективу для решения теоретических задач, поставленных перед советской нумизматической наукой в последние годы: разработку методики использования в качестве полноценных исторических источников монет, изготовленных с помощью машинной техники, и определение их информативных возможностей среди прочих памятников истории XVIII—XX вв.

«Следствие» по делу исчезнувшей монеты провел в 1978 г. В. Л. Янин, член-корреспондент АН СССР, крупнейший специалист в области археологии и специальных исторических дисциплин [23, с. 213—220]. Детально рассмотрев все известные документы и факты, он выдвинул версию о том, что похитителем шестой монеты был не кто иной, как сам министр финансов Е. Ф. Канкрин. По его мнению, министр совершенно справедливо видел в константиновском рубле важного исторического свидетеля событий междуцарствия и прекрасно понимал материальную ценность раритета. В противном случае он не хранил бы все материалы, связанные с константиновским рублем, в секретном архиве министерства, а уничтожил бы их, поскольку по отношению к ним он был абсолютно неподконтролен. Для дезинформации он сам стал рассказывать легенду об отсылке пяти пробных рублей в Варшаву и об уничтожении

штемпелей в его присутствии (эта история появилась на страницах брошюры А. Трубецкого в 1873 г.).

В. Л. Янин ввел в обращение новый источник — нумерованный первым номером экземпляр брошюры Трубецкого, содержащий многочисленные пометы владельца ее, графа С. Г. Строганова. Строганов был одним из адресатов Трубецкого, кому предлагалось купить константиновский рубль. Смысл помет Строганова заключается в опровержении версии Трубецкого, изложенной в брошюре. Пометы Строганова датированы 24 декабря 1878 г. Из замечаний Строганова на полях брошюры следовало, что вскрытие секретного ящика в архиве Канцелярии министра финансов произошло уже в 1878 г., за год до раздачи рублей по воле императора Александра II и за два года до публикации Кобеко.

В публикации В. Л. Янина фигурирует еще один персонаж, связанный с константиновским рублем, — А. Ф. Бычков, владелец двух оловянных оттисков, опубликованных в 1874 г. Ю. Б. Иверсенем. Это оттиски, полагает В. Л. Янин, могли быть изъяты с Монетного двора тогда же и тем же лицом, кем был и изъят шестой рубль, т.е. Канкриным в декабре 1825 г. А. Ф. Бычков мог получить эти оттиски от наследников Канкринина; но, по мнению В. Л. Янина, можно предположить, что после смерти Канкринина он же был тайным владельцем шестого рубля. Бычков принадлежал к числу

наиболее видных русских нумизматов XIX в., он был действительным членом Археолого-нумизматического общества, а в 1851 г. сменил Кене на посту секретаря по иностранной переписке. Умер он в 1898 г., но о судьбе его собрания в России ничего не известно. В. Л. Янин выдвинул предположение, что константиновский рубль, «промелькнувший в 1898 г. на аукционе фирмы Гамбургера во Франкфурте-на-Майне», принадлежал Бычкову, решившемуся реализовать свое «засекреченное в силу обстоятельств» сокровище незадолго до смерти.

Ответом на статью В. Л. Янина была новая публикация В. В. Бартошевича [24, с. 85—108], в которой автор подробно обосновал свою версию о Кобеко как виновнике исчезновения шестого экземпляра. Но по содержанию статья оказалась значительно шире этого частного вопроса. Она важна прежде всего в источниковедческом плане. В научный оборот вводилась новая группа вещественных и письменных источников. К их числу относился подлинный оловянный оттиск константиновского рубля из собрания ОН ГИМ, представляющий совершенно новый вариант, несходный ни с оттиском Быčkoва, ни с сохранившимися оттисками из секретного ящика. По мнению автора, это означало лишь тот факт, что оттиски могли изготавливаться с любого из штемпелей в период хранения их в архиве Министерства финансов. Высказывалось предположение о возможности

появления новых, до сих пор неизвестных подлинных оттисков, коль скоро хранитель штемпелей Кобеко «волен был использовать как закаленные, так и незакаленные штемпели».

Из числа письменных источников наиболее интересной была докладная записка Канкрина Николаю I от 16 декабря 1825 г. В записке перечислялись образцы находящихся в обращении золотых и серебряных монет и испрашивалось разрешение об изготовлении новых штемпелей «с портретом ли Вашего величества?». Привлечение широкого круга свидетельств о деятельности министра финансов и, в частности, известий о том, что положение его после воцарения Николая было сначала непрочным, послужило для автора косвенным подтверждением вины Е. Ф. Канкрина. Бартошевич приводит архивные данные о том, что одним из проявлений усилий Канкрина снискать расположение императора было его предложение выпустить рубли с вензелем императора, сделанное 8 января 1826 г. (16 декабря он предлагал начать выпуск рублей с портретом Николая). Оба предложения были отвергнуты. Канкрин принял в начале следующего, 1827 г. еще одну попытку и поручил Рейхелю приготовить штемпели рубля с портретом Николая I. Но и этот проект был отвергнут [24, с. 88—92].

Другим источниковедческим аспектом статьи В. В. Бартошевича был анализ из-

вестной публикации Кобеко, трактованной автором как прием «талантливой дезинформации». Опираясь на документальные материалы о жизни и научной деятельности Кобеко, исследователь развил высказанное ранее И. Г. Спасским сомнение в том, что автор публикации 1880 г. едва ли не сознательно утаил сведения о количестве полученных в министерстве константиновских рублей.

Загадочная судьба исчезнувшего шестого экземпляра породила новую версию истории чеканки константиновского рубля. В сборнике «Нумизматика в Эрмитаже», вышедшем в свет в конце 1988 г.*, появилась статья В. А. Калинина [25, с. 99—124], основное содержание которой сводится к трем положениям.

1. Александр I не мог при жизни опубликовать свой манифест 1823 г. об объявлении наследником престола Николая. Причина этого объясняется так: «...основным препятствием для задуманного Александром возведения великого князя Николая на престол оказался принятый в царствование Павла I закон об «императорской фамилии». Несмотря на отречение (Константина. — А. М.) и существование «завещания» Александра в пользу Николая, в силу этого закона у Константина по-прежнему сохранились права на прес-

* В выходных данных сборника «Нумизматика в Эрмитаже» значится 1987 г.

тол» [25, с. 114]. Манифест Александра I был, таким образом, противоправным, противоречащим действующему закону; царь понимал это и боялся «неизбежного в случае прижизненной публикации манифеста вмешательства влиятельных придворных, правительственных и военных кругов в дела престолонаследия», вмешательства тем более опасного, что «возникшей вокруг престола политической борьбой сановного дворянства» обязательно воспользовались бы, «чтобы уничтожить или конституционно ограничить власть правящей в России династии», руководители тайных революционных обществ, чего «Александр не мог не предвидеть, так как знал об их существовании» [25, с. 114].

2. В силу изложенных обстоятельств Александром I, вдовствующей императрицей Марией Федоровной и великим князем Николаем «был разработан хитроумный план использования для этой цели (т.е. воцарения Николая. — А. М.) добровольной и немедленной в случае кончины Александра присяги отсутствовавшему в Петербурге Константину. Присягая цесаревичу, императрица-мать и великий князь Николай, по замыслу Александра, в конечном итоге должны были добиться от него вторичного подтверждения отречения, но уже не как от наследника престола, а как от вступившего на престол императора», после чего Николай воцарился бы как его законный наследник — в полном соответствии с ука-

зом Павла I об «императорской фамилии» [25, с. 114].

3. Составной частью «хитроумного плана» стала акция изготовления константиновских рублей. Распоряжение об их чеканке «было спровоцировано из дворца» [25, с. 118]; именно Николай и императрица-мать поручили министру финансов это «важное задание» [25, с. 120].

Судьбу изготовленных на Монетном дворе «образцовых» рублей с портретом Константина автор представил следующим образом. Канкрин, исполнитель воли императорской фамилии, получил 12 декабря две готовые монеты; одну из них он должен был представить «инициаторам поспешных приготовлений, чтобы отчитаться о выполнении порученного ему важного задания», другую — ожидавшемуся в Петербург Константину. Видимо, первый представленный им рубль остался во дворце. Другой рубль, так и не понадобившийся Константину, а также еще четыре готовых экземпляра, полученных с Монетного двора 14 декабря, были затем переправлены Канкриным в Министерство финансов. Именно эти пять монет и были обнаружены в 1880 г. Д. Ф. Кобеко. Судьба же шестого экземпляра началась и закончилась в декабре 1825 г., но следствие об этом исчезнувшем экземпляре нельзя считать законченным [25, с. 121].

Заканчивая рассказ об истории изучения константиновского рубля, нельзя обой-

ти последние зарубежные публикации. Это прежде всего небольшая иллюстрированная брошюра западногерманского собирателя, председателя франкфуртского Общества всеобщей истории денег Вилли Фукса. Вышла в свет она в начале 80-х годов во Франкфурте-на-Майне [26]. Работа представляет собой краткое (и не всегда верное) изложение истории константиновского рубля, основанное на книге И.Г.Спасского «По следам одной редкой монеты», но главное ее содержание и ценность составляют фактически документально подтвержденные сведения о судьбе всех известных в настоящее время константиновских рублей и их подделках. В.Фукс не только был участником ряда аукционов, где фигурировала эта монета, но и оказался владельцем одного из рублей с гладким гуртом и нового варианта знаменитой подделки — рубля Трубецкого.

После публикации В. Фукса стало достоверным, что рублей с гладким гуртом было три, о чем раньше только предполагали исследователи. К известным рублям Рейхеля — Шуберта — Толстого и Иозефа — Рихтера добавился третий, который побывал в руках собирателей Алексева — Исаева — Гаршина и оказался в конечном счете в коллекции В. Фукса. Выяснилась также любопытная деталь: снимок рубля Трубецкого, приобретенного Фуксом, свидетельствует, что эта монета, полностью повторяя изображение лицевой и оборотной стороны эрмитажного

экземпляра*, обнаруживает тем не менее одно существенное отличие: рубль Трубецкого собрания Эрмитажа имеет прямое соотношение сторон , рубль из коллекции В. Фукса — «правильное» соотношение . Это свидетельство того, что изготовленные подделок могло быть возобновлено сохранившимися штемпелями рубля Трубецкого, но с учетом данных публикации И. Г. Спасского 1964 г., где была дана фотоиллюстрация рубля Трубецкого собрания Эрмитажа и указано на необычное для русской чеканки XIX в. соотношение сторон этого рубля.

В 1984 г. в США появилась небольшая заметка «The Smithsonian's Constantine Rubles», подписанная инициалами R. Z. [27, с. 34—39]. Автор этой статьи — главный редактор журнала Русского нумизматического общества, издающегося в Александрии, Рандольф Зандер, — описывает два раритета, оказавшихся в Национальном музее США (Смитсоновский институт, Вашингтон): рубль с гуртовой надписью, принадлежавший ранее великому князю Георгию Михайловичу, и второй экземпляр рубля Трубецкого из его же собрания, идентичный эрмитажному экземпляру. Описание этих рублей сопровождают краткие экскурсы в

* Автор указывает лишь на более крутой завиток в верхней части цифры 5 в дате «1825», отличающую публикуемую монету от эрмитажного экземпляра.

историю их появления на международных аукционах.

Приведенный краткий обзор истории изучения константиновского рубля показал, что в настоящее время вопрос этот вышел за рамки чисто нумизматического сюжета. За всеми перипетиями истории чеканки константиновских рублей и их последующей судьбой, пока еще не известной во всех деталях, просматриваются некоторые стороны истории внутренней жизни Российской империи XIX в., и на их фоне история константиновского рубля дает любопытный материал для изучения социальной психологии эпохи. Константиновский рубль еще ждет своего полного и всестороннего изучения.

Стр. 21. Титульный лист и контртитул брошюры А. В. Трубецкого 1873 г.

Стр. 25. Титульный лист брошюры А. В. Трубецкого 1879 г.

Стр. 37. Фотокопия пакета с документами о константиновском рубле из Министерства финансов. Из таблиц к книге С. Н. Смирнова.

Стр. 40. Фотокопия сопроводительной записки управляющего Департаментом горных и соляных дел Е. В. Карнеева министру финансов Е. Ф. Канкрину от 20 декабря 1825 г. Из таблиц к книге С. Н. Смирнова.

Стр. 42. Фотокопия записки министра финансов С. А. Грейга от 15 июня 1879 г. о передаче императору Александру II двух константиновских рублей. Из таблиц к книге С. Н. Смирнова.

Стр. 43. Фотокопия документов о передаче константиновских рублей 15 июня, 8 февраля, 19 июня и 16 июня 1879 г. Из таблиц к книге С. Н. Смирнова.

Стр. 50. Схема распределения константиновских рублей с гуртом и без гурта. Из книги И. Г. Спасского «По следам одной редкой монеты».

1. T. F. de Schubert. Catalogue du cabinet de monnaies et de medailles russes. I part. — Carlsruhe, 1857.

2. Monnaies et medailles russes d'apres l'etat donne par le cabinet du general d'infanterie T. F. de Schubert. I partie. — Leipzig, 1858.

3. F. de Schubert. Monnaies russes des dernieres trois siecles depuis le czar Ioann Wasilieviz Grosnyi, jusgu'a l'empereur Alexandre II, 1547—1855. Avec une atlas. — Leipzig, 1857.

4. Корф М. Восшествие на престол императора Николая I. — 4-е изд. — СПб., 1857.

5. Kohne B. Der Konstantin-Rubel. «Berliner Bbatter für Munz-Siegel-und" Wappenkunde». — В. III. — Berlin, 1866.

6. Prince Alexandre Troubetzkoy. Rouble de Constantin cesarewitch grand due de Russie. — Marseille, 1873.

7. B. de Koehne. Le rouble de l'empereur Constantin de Russie. Revue Beige de numismatique. — V. XXXVII, 1879.

8. Иверсен Ю. Б. Неизданные и редкие русские медали. — СПб., 1874.

9. Константиновский рубль//Всемирная иллюстрация. — 1878. — Т. 19.

10. Prince Alexandre Troubetzkoy. Supplement a la brochure sur le rouble de Constantin cesarewitch grand-duc de Russie. — SPb., 1879.

11. Кобеко Д. Ф. Рубль Константина Павловича 1825 г. // Русская старина. — 1880. — Т. 27.
12. В. кн. Георгий Михайлович. Описание и изображение некоторых редких монет моего собрания. — СПб., 1886.
13. В. кн. Георгий Михайлович. Монеты царствования имп. Николая I. — СПб., 1890.
14. Гиль Х. Х. Таблицы русских монет двух последних столетий. — СПб., 1883.
15. Антошевский И. К. Константиновский рубль 1825 г. — СПб., 1904.
16. Исторический вестник. — 1904. — Май.
17. Либрович С. Ф. Необыкновенный рубль 1825 г. — СПб., 1904.
18. Исторический вестник. — 1909. — Май.
19. ОПИ ГИМ. — Ф. 136. — Ед. хр. 42.
20. Протоколы Российского общества нумизматов. — № 2 за 1915 г. — Пг., 1916.
21. Спасский И. Г. По следам одной редкой монеты. — Л.-М.: Советский художник, 1964.
22. Бартошевич В. В. Константиновский рубль // Вопросы истории. — 1976. — № 6.
23. Янин В. Л. К истории константиновского рубля // Вопросы истории. — 1978. — № 2.
24. Бартошевич В. В. Об одном спорном вопросе в истории константиновского рубля // Тр. ГИМ. М., 1980. — Вып. 53.
25. Калинин В. А. Константиновский рубль и междущарствие 1825 года // Нумизматика в Эрмитаже, Сборник научных трудов. — Л., 1987.
26. Fuchs Willy. Der Konstantin-Rubel von 1825, seine Geschichte und seine Falschungen.
27. Journal of the Russian numismatic society. — N 14. — Spring 1984. — Alexandria, USA.

В. В. Бартошевич

**ЗАМЕТКИ
О КОНСТАНТИНОВСКОМ
РУБЛЕ**

Любые сведения о константиновских рублях имеют несомненную ценность. Однако особый интерес представляет информация о самой акции изготовления пробных рублей Константина и ее засекречивании после воцарения Николая I, поскольку многое в ней дает дополнительный материал для характеристики политической обстановки и поведения ряда исторических персонажей в период междуцарствия и восстания декабристов.

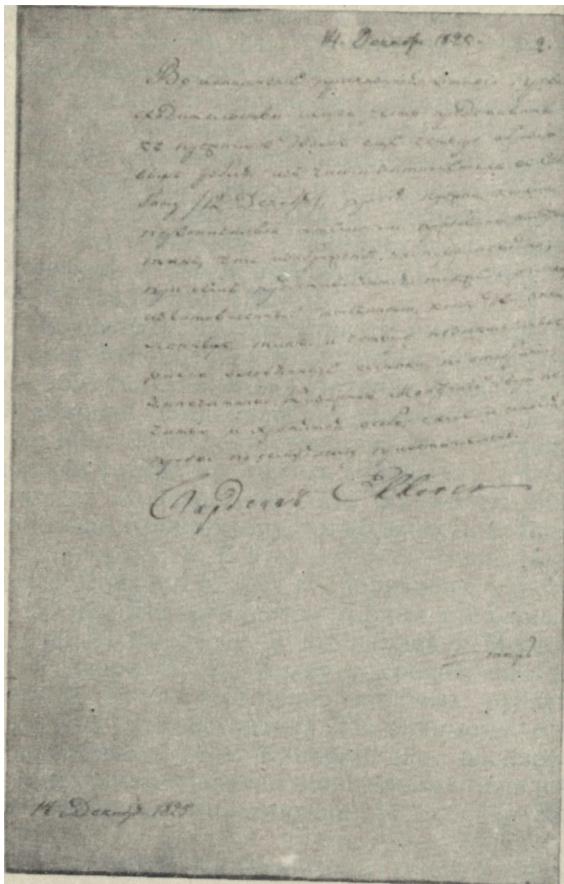
Историко-познавательная ценность изучения феномена появления константиновских рублей угадывалась давно, но сначала отсутствие, а позже скудость достоверной информации делали возможным появление всякого рода легендарных версий — вплоть до утверждения, будто чеканку рублей произвели еще при жизни Александра I. Далеко не полны наши знания об этой акции и сегодня. Поэтому надо полагать, что раскрытие всех ее аспектов, которые могли бы представить интерес для историков, — дело будущего. Тем не менее некоторые из этих аспектов можно, по-видимому, обозначить уже теперь.

В этом плане целесообразно попытаться проследить, как сопрягаются действия Е. Ф. Канкрин и его сотрудников в период междуцарствия 1825 г. с основными событиями, характеризующими возникновение и развитие династического кризиса. Не будем при этом углубляться в анализ мотивов, которыми руководствовались в своих поступках оба основных кандидата на русский трон, в данном случае достаточно иметь в виду, что каждый из них исходил вовсе не из великодушных побуждений, как это пытались представить М. А. Корф и некоторые другие дворянские историки. Для Константина отказ от прав стать наследником был вынужденным актом, пойдя на который он отнюдь не собирался помочь воцариться брату. Николай явно мечтал о троне, но знал, что не пользуется популярностью, боялся воспользоваться своими сомнительными правами без поддержки Константина и осмелился решительно действовать только после того, как окончательно убедился, что вожденной помощи не получит. Помня об этом, проследим внешнюю канву событий.

26 ноября. Варшава. Получив накануне известие о смерти Александра I, Константин посылает в Петербург своего брата Михаила с официальными и частными письмами к императрице-матери Марии Федоровне и брату Николаю. Подтверждая в них отказ от своих прав на всероссийский престол и напоминая, что это решение еще в 1822 г. было санкционировано императором Алек-

сандром, Константин в официальных письмах именуется Николаем императорским титулом и просит свое письмо к нему считать принесением присяги [1, с. 52—53, 127—129, 141, 149—150].

27 ноября. Петербург. Получив утром весть о смерти Александра I, Николай, а за ним находившиеся во дворце военные и гражданские чины присягают Константину. В экстренном заседании Государственного совета вскрывается пакет с манифестом Александра I от 16 августа 1823 г., назначающим наследником престола Николая. Однако петербургский военный губернатор М. А. Милорадович, в руках которого в тот момент была реальная власть в столице, объявляет, что Николай уже отказался от прав на престол, предоставленных ему манифестом Александра I, присягнул императору Константину и ожидает, что члены Совета последуют его примеру. Получив подтверждение этому от самого Николая, члены Государственного совета, среди них и Канкрин, присягают Константину. Затем присягают Сенат и Синод, гвардия и другие воинские части петербургского гарнизона, начинается присяга в министерствах и других учреждениях. Николай посылает Константину письмо, извещая, что он и его окружение принесли ему присягу. Военный министр А. И. Татищев отправляет к Константину своего адъютанта А. И. Сабурова с рапортом о присяге, принесенной войсками. Канкрин поручает Сабурову вручить Константину' и его донесение — о присяге,

Фотокопия донесения вардейна Монетного двора Е. И. Еллерса управляющему Департаментом горных и соляных дел Е. В. Карнееву от 7 декабря 1825 г.

7 декабря. Получены письма Константина к Николаю и матери от 2 и 3 декабря — он не признает себя императором, принесенную ему присягу объявляет нарушением воли Александра I, приехать в Петербург отказывается и угрожает уехать за границу, «если все не устроится сообразно воле покойного нашего императора». Получено также письмо Константина председателю Государственного совета П. В. Лопухину. Государственный совет в самых резких выражениях обвинялся в нарушении верности Александру I и подаче примера «к неисполнению верноподданнического долга». Содержание всех писем решено сохранить в тайне. Николай начинает писать черновик манифеста о своем восшествии на престол. Выполняя указание Канкрин, Карнеев, получив от Еллерса первые две медали, «на рождение государя императора Константина Павловича», рассылает их в подарок указанным Канкринным лицам [1, с. 76, 82, 86—87, 142—143, 151—152, 153—155; 3, с. 208—209].

8—9 декабря. Николай продолжает работу над проектом манифеста и поручает Н. М. Карамзину отредактировать текст [1, с. 76—77, 82, 87].

10 декабря. М. М. Сперанскому поручается окончательная редакция манифеста Николая. На Монетном дворе «день и ночь» продолжается «соревнование» медальеров, готовящих, штемпели константиновского рубля. Еллерс посылает Карнееву новую партию новодельных медалей: семь «на рождение государя императора Константина Павло-

вича» и три «на рождение государя Александра Павловича» [1, с. 77, 82, 87; 3, с. 210].

11 декабря. Работа над подготовкой манифеста Николая близится к завершению: Сперанский представляет текст проекта, и Николай, сделав несколько частных замечаний, в целом его одобряет. На Монетном дворе близится к завершению работа над одной из трех пар штемпелей константиновского рубля [1, с. 78].

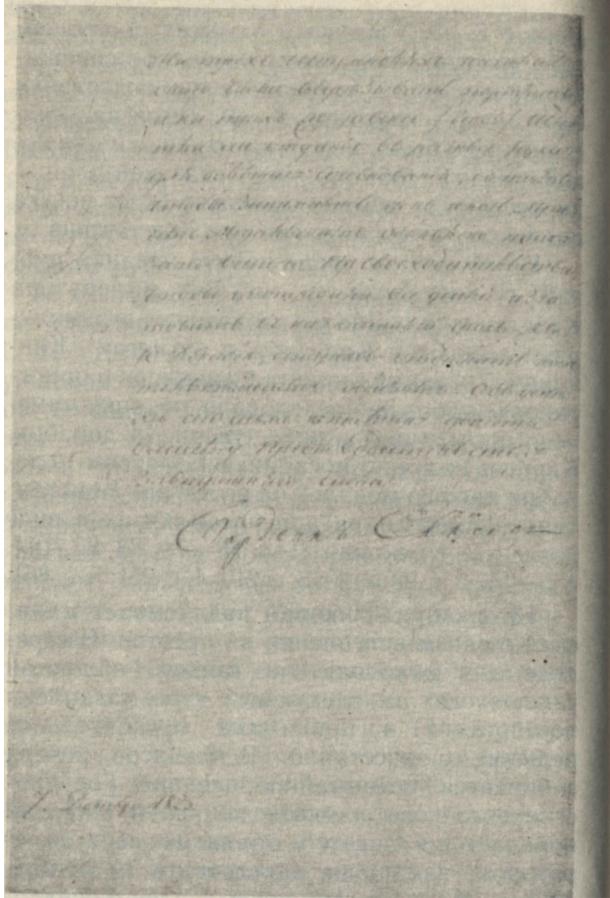
12 декабря. Из Таганрога прислано срочное донесение начальника Главного штаба И. И. Дибича, содержащее сведения об «ужасном заговоре» революционеров. Вечером Николай получает об этом еще одно известие — от Я. И. Ростовцева. Приходят письма от Константина, подтверждающие его решительный отказ как издать манифест об отречении, так и приехать в Петербург; в письме матери Константин без обиняков заявляет, что если бы он приехал, то «это имело бы такой вид, будто бы я водворяю на трон моего брата; он же должен сделать это сам...». Николай со Сперанским, а затем с матерью читает свой манифест «в окончательной форме», назначает на 14 декабря переприсягу и пишет Дибичу: «...послезавтра поутру я — или государь или без дыхания». Его жена делает в дневнике восторженно-сентиментальную запись: «Итак, впервые пишу в этом дневнике как императрица. Мой Николай ... стал передо мною на колени, чтобы первым приветствовать меня как императрицу».

На квартире Е. П. Оболенского представители шести гвардейских полков обсу-

дают с К. Ф. Рылеевым замысел вооруженного выступления, затем очередное совещание проводится в главном центре подготовки восстания — квартире К. Ф. Рылеева, «постановлено было, в день назначенный для новой присяги, собраться на Сенатской площади, вести туда сколько возможно будет войска под предлогом поддержания прав Константина...».

На Монетном дворе начата чеканка рублей с портретом и титулом императора Константина I. Два изготовленных экземпляра посылаются Карнееву, а от него — Канкрину. Указания министра финансов о приостановке работ не последовало, чеканку намечено продолжить в понедельник 14 декабря. Карнеев получает посланную Еллерсом 10 декабря партию медалей на рождение Константина и Александра для рассылки их в виде презентов Канкрину [1, с. 78—79, 83, 87, 144, 155—157; 2, с. 98—120; 3, с. 210; 4, с. 251; 5, с. 86].

13 декабря. Николай подписывает манифест о своем вступлении на престол. В середине дня руководители тайного общества узнают, что на следующее утро назначена переприсяга и принимают окончательное решение о восстании. В 8 часов вечера собирается чрезвычайное заседание Государственного совета, около полуночи Николай появляется в Совете и объявляет себя императором, начавшим царствовать 19 ноября 1825 г. Министр финансов и член Государственного совета Е. Ф. Канкрин узнает, что императора Константина «не было» [1, с. 21; 2, с. 120—132; 4, с. 642—644; 6, с. 249].

Фотокопия донесения вардейна Монетного двора Е. И. Еллерса управляющему Департаментом горных и соляных дел Е. В. Карнесу от 14 декабря 1825 г

14 декабря. Дворянские революционеры поднимают в столице восстание против самодержавия и крепостничества, используя в качестве предлога защиту прав Константина, у которого Николай похищает престол. По указанию Канкрин срочно свертываются все работы по изготовлению константиновских рублей и принимаются меры к их строжайшему засекречиванию [3, с. 210].

При сопоставлении приведенных фактов прежде всего бросается в глаза полнейшая неосведомленность Канкрин (а следовательно, многих других высших сановников равного с ним положения) о перипетиях династического кризиса и перспективах его разрешения, в результате чего его действия парадоксально не соответствовали реальному ходу событий. Иначе говоря, история с константиновским рублем служит ярким доказательством того, что вопрос о престолонаследии Романовы решали как свое внутрисемейное дело, как дележ родового наследства, скрывая ход этого дележа даже от высших чинов империи — министров, членов Государственного совета, Сената и пр.

Декабрист С. П. Трубецкой писал позже, что если бы Николай после отказа Константина издать манифест прибегнул к помощи Государственного совета или Сената, которые могли своими актами дать объяснение случившемуся, «и не издал бы манифеста от своего имени, то он восшел бы на престол спокойно» [7, с. 72]. Трудно сказать, насколько справедливо это утверждение, одна-

ко не вызывает сомнения, что использованный революционерами повод для восстания в этом случае если бы и не отпал, то наверняка стал менее удобным. Но члены царской семьи боялись прецедента: если Николай получит престол с помощью государственных учреждений, то не станет ли это дурным примером для будущего, не породит ли соблазн ущемления самодержавной неограниченной власти? Поэтому предпочли решать вопрос келейно и в глубокой тайне, даже когда поняли, что это чревато опасными последствиями. Говоря словами того же С. П. Трубецкого, «здесь уже боязнь унизить самодержавную власть взяла верх над всякими другими рассуждениями» [7, с. 72]. Инициатива Канкрин с константиновским рублем самым наглядным образом показывает, к какой невообразимой сумятице и неразберихе вела эта политика даже в верхах правительственного аппарата, призванного быть опорой существующего строя.

Следует обратить внимание и на то, что история с константиновским рублем позволяет лучше понять психологию современников междоусобицы и восстания декабристов. Для последующих поколений период междоусобицы 1825 г. — это период междуцарствования Александра I и Николая I, когда императора в России не было. Однако современники событий воспринимали происходящее несколько иначе. Для большинства из них сам акт принесения присяги Константину превратил цесаревича в императора. И

этот взгляд был господствующим. Правда, иное мнение высказывал сам Константин, указывавший, что присяга должна приноситься после издания манифеста нового царя о вступлении на престол, но в связи с беспрецедентностью ситуации сначала мало кто обратил внимание на эту тонкость. Императрица Мария Федоровна, объясняя сыну письмом от 3 декабря положение, создавшееся после принесения ему присяги, вразумляла: «...Вы уже император... Вы не можете отныне действовать иначе нежели в формах, подобающих этому священному сану; государь же не может обращаться к нации иначе как через манифест» [1, с. 152]. Генерал-адъютант А. П. Ожаровский пишет в эти дни из Варшавы: «...если в Петербурге уже принесли присягу вел. кн. Константину как законному монарху, то он волей-неволей уже император» [1, с. 86]. Близкий к придворным кругам сенатор П. Г. Дивов 10 декабря сделал в дневнике запись о своем разговоре с министром иностранных дел К. В. Нессельроде, в ходе которого они обсуждали вопрос о титуле Константина в случае его отказа от престола, и даже 14 декабря, в день восстания, уже после того, как Дивов вместе с другими сенаторами был ознакомлен с письмами Константина об отказе от престола, знал манифест Николая и присягнул новому царю, он вновь вернулся к этому вопросу: «Любопытно знать, каким титулом будет именоваться Константин Павлович: императорским величеством или императорским

высочеством?» [8, с. 463, 464]. В показаниях ряда декабристов во время следствия Константин неоднократно именуется «бывшим императором». Все это свидетельствует об убеждении современников, что после присяги Константин не мог не стать, хотя бы формально и на короткий срок, императором всероссийским. Действия Канкрин показывают, как эта убежденность претворилась у него в конкретные поступки. В этой убежденности состоит разгадка его безбоязненности при создании константиновского рубля.

Не следует упрощать вопрос, представляя дело так, будто министр финансов вообще ничего не знал о разразившемся династическом кризисе и не допускал мысли о воцарении в конечном счете Николая. Как член Государственного совета он еще 27 ноября ознакомлен был с манифестом Александра I, назначающим наследником престола Николая. Не мог он ничего не знать и о слухах, которыми в то время была наполнена столица. Чего он действительно не знал, так это конкретных фактов, характеризующих развитие кризиса, и поэтому до последнего дня допускал, что престол может остаться за Константином, в противном случае он уже 7 декабря, когда в Петербург пришли письма Константина с отказом признать законность принесенной ему присяги, остановил бы начатые на Монетном дворе работы. Но если он знал, хотя бы и в самом общем виде, о возникшем кризисе, то почему не учитывал той опасности, которую ему

лично несло изготовление константиновских рублей в случае воцарения Николая? Только потому, очевидно, что в его представлении такой опасности не существовало. Канкрин, судя по всему, рассуждал так: раз присяга принесена, то Константин уже император, если же по приезде в Петербург (а приезда его Канкрин, как и многие, явно ожидал со дня на день) он и издаст манифест о передаче престола Николаю, то это будет манифест императора Константина, и, следовательно, хоть какое-то время он будет считаться царствовавшим. Добавим к этому, что при таком ходе событий декабристы начисто лишились бы возможности использовать избранный ими предлог для восстания. Но тогда и вся акция по изготовлению константиновских рублей приобрела бы совершенно иную окраску и не содержала бы в себе ничего «крамольного», поскольку изготовление монетных проб с портретом императора неоднократно практиковалось и в прошлом.

В этой связи можно отметить, что история с константиновским рублем проливает некоторый дополнительный свет на факт использования декабристами в качестве первоначального импульса для восстания, направленного против самодержавия, лозунга сохранения верности императору Константину I. Если даже представители сановной верхушки не только убеждены были, что Константин после присяги стал императором, но в некоторых случаях и действовали в соответствии

их можно было скрыть от Николая I, и тогда их сверхсекретность после 14 декабря — результат личной инициативы Канкринна, спасающего свою репутацию; если они велись официально, то их нельзя было утаить, и тогда последующая жесткая и длительная секретность принимает более широкий политический смысл, становясь дополнительной деталью, характеризующей отношение Николая I ко всему, что было связано с событиями междуцарствия и восстания декабристов.

Несомненным доказательством того, что изготовление константиновских рублей велось вполне официально и вместе с тем не было особо секретным делом, стало обнаружение деловой переписки о ходе этих работ (см. иллюстрации). Хотя найдена она лишь частично (вполне вероятно, что впоследствии некоторые бумаги были уничтожены), характер и содержание известных на сегодняшний день документов не оставляют сомнения, что переписка велась интенсивно, не имела грифа секретности и проходила по установленной для обычных деловых бумаг цепочке: Общая канцелярия министра финансов — Департамент горных и соляных дел — Монетный двор при движении бумаг сверху вниз и в обратном порядке при движении их снизу вверх. Это не означает, конечно, что проводившиеся работы вообще не относились к разряду не подлежащих огласке. Таковыми, т. е. не подлежащими огласке среди широкой публики, были многие работы, касаю-

щиеся монетного производства, в частности и работы по созданию любых пробных монет. Но важно то, что изготовление константиновских рублей не сопровождалось особыми мерами для сохранения тайны. Больше того, из-за срочности заказа, вызвавшей организацию «соревнования» медальеров и частые донесения о ходе работ, количество привлеченных к делу исполнителей и посвященных в него чиновников в данном случае было значительно большим, чем при обычном изготовлении монетных проб.

Считая вопрос ясным, автор настоящих заметок высказал несколько лет назад убеждение, что нельзя ту степень секретности, которая придана была изготовлению константиновских рублей после воцарения Николая I, переносить на период, когда императором считали Константина [13, с. 87]. Однако эта точка зрения встретила однажды существенное возражение. Вопрос был поставлен так: если работы велись в обычном порядке, то почему рубли отчеканены с браком, особенно в оттиске гуртовой надписи? Неужели хорошо оснащенный Петербургский монетный двор не мог без брака изготовить несколько пробных монет, предназначенных для показа императору? И далее: гурчение и чеканка производились в то время раздельно, в данном же случае, как указывал еще в 1964 г. И. Г. Спасский, рубли скорее всего были «изготовлены на печатном станке системы Дро, производившем обжимку (тиснение) гурта одновре-

менно с тиснением монеты; однако наладка его не была произведена...» [14, с. 56—57]. Относительно местонахождения этого станка И. Г. Спасский тогда же заметил, что «по всей вероятности, такой пресс был в распоряжении Медального отделения» [14, с. 57]. А если это так, если рубли чеканили на неиспользуемом и потому неналаженном станке и даже не в Монетном, а в Медальерном отделении, то разве не свидетельствует это о том, что работы велись хотя и официально, но в строжайшей тайне?

Приведенные доводы на первый взгляд кажутся убедительными. По крайней мере они представляются как бы еще одной «загадкой» константиновского рубля, загадкой тем более существенной, что тут мы имеем дело со случаем, когда «говорят сами монеты». И они ведь действительно о чем-то «говорят». Но о чем именно? Изучение этого вопроса показало, что загадка является мнимой, вызванной отсутствием в литературе данных о конкретных условиях работы Петербургского монетного двора в 1825 г. Архивные документы дали ей простое, хотя и несколько неожиданное объяснение.

6 мая 1825 г. вардейн Еллерс направил Карнееву представление, в котором докладывал, что девятый серебряный передел длится с августа 1820 г., за это время переделано в монету серебра более чем на 18,2 млн. руб., а более чем на 277 тыс. руб. серебра «числится в сорах и угаре», и просил в связи с этим разрешения «означенный 9^и

серебряный передел кончив ныне же и произведя оному очистку, составить счет, а между тем сделать все нужные приготовления к новому переделу...» [15, ф. 37, оп. 17, д. 1104, л. 17—18]. 19 мая Карнеев послал по этому вопросу докладную записку Канкрину, повторив в ней доводы Еллерса и подчеркнув, что «9^и серебряный передел может почесться одним из самых обширных» [15, ф. 37, оп. 17, д. 1104, л. 19—20]. Разрешение министра было получено. 24 июня 1825 г. Еллерс доложил Карнееву, что «действие, означенного передела 15 числа сего июня остановлено» [15, ф. 37, оп. 17, д. 1104, л. 29].

За 1825 г. сохранились так называемые «Седмичные записки вардейна С.-Петербургского монетного двора о состоянии и обращении капиталов и металлов» — краткие еженедельные отчеты Еллерса, содержащие сведения о наличии и выделке на Монетном дворе золотой и серебряной монеты за каждую неделю, а также «Ежедневные записки о действии серебряного передела», представлявшие Еллерсом даже в то время, когда передел не действовал. По ним можно детально проследить ход событий после остановки передела. Сначала в «Седмичных записках» вместо данных о чеканке серебряной монеты появилась формула: «По серебряному переделу сводятся остатки и приготавливаются к очистке» [15, ф. 37, оп. 17, д. 1046, л. 25, 26], затем на короткий срок станки снова заработали — монеты чеканились «из сведенных остатков» [15, ф. 37,

оп. 17, д. 1046, л. 27—28]. После этого девятому серебряному переделу был подведен окончательный итог: переплющено серебра 55 240 пудов, изготовлено монеты на 18 млн. 425 тыс. руб., в том числе банковской на 13 млн. 587 тыс. руб. и разменной на 4 млн. 838 тыс. руб. [15, ф. 37, оп. 17, д. 1047, л. 158—428]. Производство серебряной монеты было прекращено на полгода, в 1825 г. оно больше не возобновлялось. Столь большой перерыв вызван был тем, что в ходе подготовки нового передела велись сложные и трудоемкие работы. Главное место в них занимало создание нового, технически более совершенного устройства для очистки соров, но вместе с тем текущий профилактический ремонт коснулся, конечно, всех звеньев производства.

Для нас непосредственный интерес представляет выяснение положения дел в ноябре—декабре 1825 г. Вплоть до 14 ноября Еллерс в «Седмичных записках» почти стереотипно указывал, что «по серебряному переделу производится очистка» [15, ф. 37, оп. 17, д. 1046, л. 29—47]. В записке за неделю с 14 по 21 ноября он доложил: «По серебряному очистка кончена и производится исправление печей и прочего» [15, ф. 37, оп. 17, д. 1046, л. 48]. В следующих трех записках — с 21 ноября по 12 декабря та же мысль выражена формулой: «По серебряному производится приготовление к новому переделу» [15, ф. 37, оп. 17, д. 1046, л. 49—51]. Наконец в записке за

неделю с 12 по 19 декабря указывалось, что «серебряный передел начат» [15, ф. 37, оп. 17, д. 1046, л. 52]. Но означает ли это, что он мог быть начат с чеканки константиновских рублей? Нет, не означает. 19 ноября Еллерс отправил в Департамент горных и соляных дел подробное представление, в котором докладывал о ходе приближающихся к концу подготовительных работ и испрашивал разрешения начать десятый пробный серебряный передел с назначением поименно предлагаемых им должностных лиц и их денежных окладов [15, ф. 37, оп. 17, д. 1108, л. 1—3]. Карнеев сначала доложил об этом министру финансов [15, ф. 37, оп. 17, д. 1108, л. 4—5], а затем, 5 декабря, вардейну было послано предписание, утверждавшее его предложения [15, ф. 37, оп. 17, д. 1108, л. 6—7]. После этого Еллерс начал отдавать необходимые распоряжения по Монетному двору. Любопытно его письменное распоряжение старшему медальеру П. А. Лялину от 10 декабря 1825 г.: «Вследствие предписания Департамента горных и соляных дел от 5 декабря учинено распоряжение о начатии вновь серебряного передела, под именем десятого пробного, в котором какие именно сорта монеты выделывать, имеет быть особое распоряжение (по-видимому, особое распоряжение, «какие именно сорта монеты выделывать», ожидали в то время получить от нового императора. — В.Б.). Отправление же должностей по оному возложено: мин-

цмейстерской на маркшейдера Николая Грачева, минцпробирерской на гитенфервальтера Алексея Чадова и особенного чиновника для надзора и свидетельства по положению на г. берггауптмана Федорова.

О чем давая знать вашему благородию, рекомендую распорядиться с вашей стороны приготовлением потребных для сего передела штемпелей с именем показанного минцмейстера и годом, так чтобы за оным не могло быть никакой остановки, поступив во всем том на установленном порядке» [15, ф. 570, оп. 13, д. 47, л. 54—55].

19 декабря Еллерс в специальном представлении доложил Карнееву: «...десятый пробный серебряный передел вчерашнего 18го числа пришел в настоящее действие» [15, ф. 37, оп. 17, д. 1108, л. 8]. В соответствии с этим в «Седмичной записке» за неделю с 12 по 19 декабря и указывалось, что «серебряный передел начат».

Итак, новый передел начался 18 декабря, когда все работы по изготовлению константиновского рубля были прекращены и засекречены. Но так как 12 декабря, когда чеканились «крамольные» рубли, от начала передела отделяют всего шесть дней, то, быть может, близкое окончание подготовки к новому переделу дало возможность осуществить в Монетном отделении чеканку пробных монет, пусть и несовершенную, 12 декабря? Отнюдь нет. Начало нового передела не означало еще готовности к монетной чеканке. Начинать нужно было с плавки се-

ребра, а пока она шла, на других участках производства продолжались подготовительные работы, о чем сказано в «Седмичной записке» с 19 по 26 декабря: «По серебряному производилась сплавка и предуготовительные работы» [15, ф. 37, оп. 17, д. 1046, л. 53]. Затем последовали «табельные дни» в связи с Рождеством. Чеканка серебряных монет возобновилась лишь в 1826 г.

Таким образом, к моменту изготовления константиновских рублей выпуск серебряных монет на Петербургском монетном дворе уже несколько месяцев не производился, были подведены итоги девятого серебряного передела и велась интенсивная подготовка к началу нового десятого пробного передела, включавшая в себя, конечно, разборку, ремонт и отладку проработавших почти пять лет станков. Чеканку пробных рублей пришлось поэтому осуществлять в необычных условиях в Медальерном отделении. Там же, конечно, производилась и закалка штемпелей. Связывать это с какой-то особой секретностью нет никаких оснований.

Заметим далее, что если исходить из функционирования монетного передела, то тогда действительно «никак не объяснить, почему были взяты, как на подбор, бракованные кружки», и вполне понятно, что И. Г. Спасский выдвинул в связи с этим предположение о чеканке «министерских» экземпляров на печатном станке системы Дро, производившем одновременно с тиснением монеты обжимку гурта. Это пред-

положение принял в свое время и автор настоящих заметок. Однако теперь вполне возможно более простое решение этого вопроса: в период, когда один передел закончился, а другой не начался, кружкам с бракованным гуртом в Монетном отделении неоткуда было взяться, так как все они были пущены в производство. Но бракованные, оставшиеся от работы гуртильного станка после остановки плавильных печей и предназначенные вместе с выбракованными при чеканке «из сведенных остатков» рублями к переплавке с началом нового передела, должны были быть, и Еллерсу не составляло труда распорядиться о передаче их в Медальерную палату. А негурченные кружки могли быть в наличии или вырезаны для этого случая в самой Медальерной палате. Тогда переходить при производстве проб от одного старого станка к другому не было необходимо: как опробование штемпелей на негурченных кружках, так и чеканка экзemplяров с гуртовой надписью могли осуществляться на ручном винтовом прессе. При этом понятно, что при его плохой наладке возникали недостатки в тиснении и, возможно, усугублялись дефекты гурта.

Таким образом, все производственные изъяны константиновских рублей объясняются тем, что они изготовлялись в период бездействия монетного передела на устаревшем, плохо налаженном оборудовании и к тому же, скорее всего, использовались кружки с бракованной гуртовой надписью.

Отсутствие данных об изготовлении константиновских рублей в «Седмичных» и ежедневных записках Еллерса за декабрь 1825 г. тоже вполне объяснимо: если все работы велись в Медальерном отделении и при этом негурченные кружки были взяты или изготовлены в нем самом, а бракованные гурченные переданы на его баланс, то и отчетность за произведенные работы и израсходованное серебро проходила не по Монетному, а по Медальерному отделению (отчеты Медальерного отделения пока не обнаружены, к тому же надо иметь в виду, что они были месячными, а к концу декабря изготовление константиновских рублей было уже накрепко засекречено, поэтому в декабрьском отчете о нем вряд ли упоминалось).

Объясняя причины изготовления константиновских рублей с браком, найденные документы интересны еще в одном отношении. Канкрин прекрасно знал о том, что делается на Петербургском монетном дворе, знал не в общем плане, а детально, ибо ему докладывались как регулярные донесения Еллерса о ходе работ после окончания девятого серебряного передела, так и его «Седмичные записки». В этой связи раскрывается степень его личной заинтересованности в осуществлении задуманной акции. Казалось бы, что если несанкционированное изготовление портретных рублей никак не входило в его обязанности, то положение на Монетном дворе тем более должно было удерживать от этой затеи. Однако не

удержало. Значит, слишком велико было желание ее осуществить. И не приходится сомневаться, что это было желание самого Канкрина — ведь любому лицу, которое выдвинуло бы подобный проект, он, при отсутствии личной заинтересованности, мог обоснованно заявить, что изготовление рублей в данное время невозможно. Но в своих интересах он заставил сделать это возможным, хотя и не на очень высоком уровне.

Чем же была вызвана столь большая заинтересованность? Попробуем рассмотреть и этот вопрос.

*

Судя по действиям Канкрина, может показаться, что он являлся горячим сторонником Константина и с нетерпением ожидал его воцарения. Однако на самом деле все обстояло, по-видимому, наоборот: нумизматические инициативы Канкрина свидетельствуют скорее о его растерянности и страхе в связи с перспективой предстать перед Константином I. На первый взгляд это выглядит странным, потому что по сравнению со своим предшественником графом Д. А. Гурьевым, который не имел никаких деловых данных, чтобы возглавлять Министерство финансов, и, по язвительной характеристике Ф. П. Толстого, «как министр... не пользовался ни малейшим уважением... зато по кухмистерской части достиг неуязвимой славы изобретением великолепной гречневой каши («гурьевская»)», Канкрин был

энергичным, чрезвычайно работоспособным и, безусловно, грамотным финансистом и администратором. Начав службу мелким чиновником, не связанный с придворной аристократией ни происхождением, ни приобретенным родством, начисто лишенный светского лоска, он обязан был своим выдвижением не придворным связям, а прежде всего собственным способностям и службистскому усердию. Поэтому опасаться за свою судьбу при смене самодержца ему, казалось бы, не следовало. Но есть основания догадываться о другом.

Е. Ф. Канкрин больше всего известен как один из влиятельных министров Николая I. М. А. Корф утверждал, что, когда в 1840 г., состарившийся и тяжело больной, он заикнулся было об отставке, Николай I ответил: «Ты знаешь, что нас двое, которые не можем оставить своих постов, пока живы: ты да я» [16, с. 282]. Возможно, что так оно и было, ибо в конечном счете неутомимая финансовая деятельность Канкрина не только превосходно вписалась в общую систему николаевской реакции, но и стала ее неотъемлемой частью. Можно поверить и рассказу, записанному А. В. Никитенко, будто Канкрин однажды заявил: «Я министр финансов не России, а русского императора» [17, с. 7], однако в этом циничном откровении была, возможно, и некоторая доля горечи, не случайно ему приписывали утверждение, что заслуги свои он видит «не в том, что им сделано, а в том, чего он не допустил сделать» [18, с. 229].

Трудно судить о том, чего он «не допустил сделать», но о том, что он сделал или пытался сделать, свидетельствуют факты. Коснемся лишь тех из них, которые имеют отношение к рассматриваемому вопросу.

В конце 10-х и начале 20-х годов в аристократических кругах столицы Канкрин слыл чуть ли не антикрепостником. Причиной был его известный проект ликвидации крепостного права, который он в 1818 г., будучи в то время генерал-интендантом русской армии, по собственной инициативе послал Александру I. Проект этот не был сколько-нибудь радикальным (достаточно сказать, что процесс освобождения крестьян растягивался в нем до 1880 г. и предполагал выкуп ими не только земли, но и личной свободы), однако в нем содержалась резкая критика крепостничества. Отмечая, что «последствия крепостного состояния, по самому свойству своему ничем не ограниченного... привели наконец нашего крестьянина в ужасающее положение. Губернии, находившиеся некогда в цветущем состоянии... разорены до того, что крестьяне лишены там первых потребностей жизни...», Канкрин указывал, что изменения существующего положения вещей требуют еще и «справедливые опасения, возбуждаемые идеями, распространяемыми через военных, возвратившихся из чужих краев и имеющих еще возвратиться из Франции». Полагая, что «почти никто не подозревает опасности поко-

иться на огнедышашей горе», Канкрин писал, что хотя «опасность эта, без сомнения, еще не так близка от нас, но для предотвращения зол такого рода следует принимать надлежащие меры гораздо ранее пагубной развязки». При этом он возражал против того, чтобы вместо полного уничтожения крепостного права делались попытки его законодательно ограничения, подчеркивая, что «дело не в том, чтобы определить меру зла, но чтобы вырвать самый корень зла» [19].

Известно, что будучи болезненно самолюбивым, Александр I не любил, когда проекты решения важнейших государственных проблем разрабатывались без его прямого поручения. Помимо этого императора не могло, конечно, не покоробить бестактное напоминание об «опасности находиться на огнедышашей горе» и возможности «пагубной развязки», тем более что исходило это от человека, который сам в то время крепостными душами не владел, а волшебное средство против «пагубной развязки» практически предложить не мог. В результате царь стал смотреть на генерал-интенданта как на человека беспокойного и не внушающего доверия, а распространявшиеся о проекте слухи породили к автору враждебное отношение в кругах консервативного дворянства. Впав в немилость, Канкрин вынужден был подать в отставку, и в апреле 1820 г. его отставка была принята. Приехав после этого в Петербург, он обратился к Александру I с прошением о единовременном вспомощество-

вании, ссылаясь на стесненные денежные обстоятельства, но получил отказ. Современникам казалось, что карьера его кончилась.

Однако в 1821 г. положение внезапно изменилось. На очередном конгрессе Священного союза в Лайбахе (Любляне) Александр I предложил свои услуги в подавлении революций в Неаполитанском королевстве и Пьемонте. Русская армия получила приказ готовиться к походу, а Канкрин как специалист по организации снабжения войск был срочно вызван в Лайбах. Поход не состоялся, но в личной судьбе Канкрин наступили после этого перемены: в конце 1821 г. он назначается членом Государственного совета по Департаменту государственной экономики, а в апреле 1823 г. император к удивлению великосветского общества сделал его министром финансов, дав «по расстроенному здоровью» отставку Гурьеву.

Это неожиданное решение обусловлено было, по-видимому, рядом факторов. Сыграли свою роль, надо полагать, как особенности противоречивого характера Александра, так и тот факт, что незадачливый «антикрепостник» своей неукротимой работоспособностью и педантичной исполнительностью импонировал всеильному А. А. Аракчееву и в определенной степени пользовался его покровительством (предложенный Канкриным проект не мог его особенно шокировать: ведь ему самому, как это ни курьезно, Александр I в том же 1818 г. поручал разработать проект отмены крепостной зави-

симости «с тем, чтобы проект сей не заключал в себе никаких мер, стеснительных для помещиков»). Наконец, первостепенное значение имело, конечно, то, что русские финансы в начале 20-х годов были в полнейшем расстройстве и в правительственных сферах царя в связи с этим явная растерянность. Найти в сложившейся обстановке человека, который уверенно взялся бы за расхлебывание «гурьевской каши», было не просто, и поэтому многие из тех, кто знал и понимал истинное положение вещей, смотрели на Канкрин чуть ли не как на спасителя. Как бы там ни было, он выпутался из неприятной ситуации, стал министром и, пока был жив Александр I, мог чувствовать себя относительно спокойно.

В случае воцарения Константина положение могло измениться для него коренным образом. Всем известно было, что либеральный дух Константин Павлович считал величайшим злом, которое нужно искоренять самым решительным образом и с которым нельзя входить ни в какие компромиссы. («Мерилом его понятий, — писал Н. И. Греч, — может служить то, что, по его мнению, следовало бы запретить «Русскую историю» Карамзина.»). Конечно, Канкрин был далеко не единственным, кто из боязни «покоиться на огнедышащей горе» пытался найти приемлемое для душевладельцев решение крестьянского вопроса, и не он один делал это по собственной инициативе, вызывая тем неудовольствие императора. Однако он мог опа-

саться, что именно ему давняя «вина» не простится, так как личные взаимоотношения с Константином были у него весьма сложными. Еще в начале 1813 г., когда Канкрин был генерал-интендантом 1-й Западной армии, произошел инцидент, в результате которого он, как рассказывают его биографы, «чуть было не вышел в отставку вследствие столкновения с великим князем Константином Павловичем, потому что взял под свою защиту жителей одного города против злоупотреблений военного начальства. Только благодаря заступничеству Кутузова дело уладилось» — после того как фельдмаршал пригрозил зарвавшемуся цесаревичу, что если тот будет пытаться устранять нужных ему людей, от он сам подаст в отставку [20, с. 21; 18, с. 23].

Есть и другие факты, свидетельствующие о том, что на благосклонность Константина Канкрину рассчитывать было трудно. В ЦГИА СССР хранится любопытное дело, относящееся к маю — июню 1824 г. [21]. 8 мая 1824 г. Константин послал Канкрину письмо с просьбой оказать содействие состоявшему при нем генерал-майору П. Н. Дьякову и его двум братьям. Три брата заявляли, что хотят дать своим крестьянам (750 душ мужского пола) свободу от крепостной зависимости и передать в их собственность обрабатываемые ими земли за выкуп в 575 тыс. руб. с выплатой крестьянами этой суммы в рассрочку. Но так как по «недостаточному состоянию своему» они на длительную рассрочку пойти не могут, то про-

сят, чтобы 575 тыс. руб. выплатил им Заемный банк или Казначейство, а крестьян взяли в казенное ведомство и с них затем взыскали указанную сумму с положенными при ссудах процентами. Подчеркивая, что братья Дьяковы характеризуются «отлично во всех отношениях службою», Константин писал Канкрину: «... прошу Вашего превосходительства не оставить оказать к удовлетворению просьбы их Ваше содействие...». К этой просьбе Канкрин отнесся с предельным вниманием, но неожиданным для ходатая образом: добросовестно наведя справки и сделав соответствующие расчеты, он на цифрах показал цесаревичу, что просьба господ Дьяковых вызвана не заботой о крестьянах, а стремлением нажиться за счет казны: имение их по самым высоким оценкам стоит не более 450 тыс.руб.; поскольку каждый крестьянин в силах выплатить в год не более 20 руб., то 750 крестьян выплатить 575 тыс. руб. с процентами в установленные для ссуд сроки не в состоянии и т. д. В заключение министр финансов внешне почтительно, а по существу с иронией спрашивал у цесаревича, не будет ли его повеления доложить этот вопрос императору. Понимая, что при докладе Александру I Канкрин приведет те же убийственные доводы, Константин 6 июня 1824 г. ответил: «...находя причины в отношении Вашем изъясненные по коим нельзя удовлетворить просьбы г.г. Дьяковых весьма уважительными, не могу и просить Ваше превосходительство взойти к его

императорскому величеству с докладом по делу их». Надо думать, что через полтора года воспоминание об этой истории доставило Канкрину немалое беспокойство.

Тревога Канкринина в значительной мере усиливалась еще и тем, что одним из самых упорных и опасных его врагов был князь К. Ф. Друцкой-Любецкий — министр финансов Царства Польского, в котором реальная власть с 1815 г. находилась в руках Константина. Характеризуя отношение Любецкого к Канкрину, М. А. Корф писал, что борьба с Канкриним «сделалась целью всех его стремлений, скажу почти всей его жизни. Сперва он увлекался — так, по крайней мере, многие думали — желанием свергнуть Канкринина и занять его место...» [22, с. 130]. Став министром финансов Царства Польского в 1821 г., Любецкий в 1825 г. уже являлся конкурентом Канкринина, и у последнего были веские основания опасаться, что в его лице Константин имеет готовую кандидатуру на пост министра финансов империи. Интересно в этой связи отметить, что хотя на престоле оказался не Константин, а Николай, Любецкий, по-видимому, не отказался от попытки предложить себя вместо Канкринина: в начале апреля 1826 г. он появился в Петербурге во главе польской делегации и был принят Николаем I, а сенатор П. Г. Дивов в связи с его приездом записал в дневнике: «...говорят будто князь Любецкий, министр финансов Царства Польского, займет место Канкринина. Я не удив-

люсь этому странному назначению, так как один из адъютантов императора внушил ему чрезвычайно выгодное мнение об этом министре и даже намекнул, будто Любецкий был назначен покойным императором в Варшаву, с целью подготовить его к посту министра финансов в империи» [8, с. 478].

Таким образом, воцарения Константина Канкрин попросту боялся и боялся до последнего дня междуцарствия, так как в тайны разрешения династического кризиса посвящен не был. Что касается Николая, то он был для него, как и для многих других, в определенном смысле фигурой «терра инкогнита». Не зря А. И. Герцен в «Былом и думах» указывал, что «Николая вовсе не знали до его воцарения; при Александре он ничего не значил и никого не занимал». Но все же о его грубости, жестокости, невежестве и властолюбии министр финансов в какой-то мере должен был быть наслышан. Офицеры 2-й гвардейской дивизии, которой командовал Николай, давали своему начальнику весьма нелестные характеристики, и совсем не знать об этом было бы мудрено. Поэтому можно догадываться, что возможность увидеть на троне Николая, хотя она и представлялась менее опасной, тоже не могла Канкринна радовать. Есть глухие указания на то, что для наиболее приемлемого для себя разрешения династического кризиса он принял участие в попытке возведения на трон 66-летней вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Сведения эти исходят от племянника

Марии Федоровны — принца Евгения Вюртембергского. В конце ноября 1825 г. он приехал в Петербург, оказался свидетелем происшедших событий, принял участие в подавлении восстания 14 декабря, но на всю жизнь запомнил обиду: «Даже для меня, — писал он в своих воспоминаниях, — близкого, находящегося здесь родственника, на верность и преданность которого можно было рассчитывать больше, чем относительно кого-либо другого, даже для меня делали строгую тайну из всего хода дела...» [1, с. 237]. Там же, в воспоминаниях, он невнятно рассказал о том, что некие не названные им «собеседники» под строгой тайной сообщили ему, «что они угадывают план императрицы-матери захватить управление государством», и в связи с этим спрашивали, что бы он стал делать в этом случае. В ходе рассказа был упомянут, опять-таки невнятно, герцог Александр Вюртембергский — родной брат Марии Федоровны и дядя автора воспоминаний: «То, что мне сообщили, как предположение и в порядке строгой тайны, при той осторожности, какую императрица проявляла в отношениях со мною, показалось мне правдоподобным. Вскоре мой дядя, герцог Александр Вюртембергский, передал мне это как вполне достоверную, по его мнению, вещь. Я был весьма поражен...» [1, с. 237].

Из такого осторожного изложения видна лишь суть дела, реальные участники его остаются нераскрытыми, роль Александра Вюртембергского понять трудно. Но суще-

ствует другой источник, вносящий некоторую ясность. В 1856 г., за несколько месяцев до смерти, Евгений Вюртембергский пригласил в свое поместье известного историка Т. Бернгарди и в течение нескольких дней имел с ним доверительные беседы. Бернгарди около 40 лет вел не предназначенный для опубликования дневник, в котором подробнейшим образом записывал все сколько-нибудь значительные встречи. И вот что он записал по интересующему нас вопросу о беседе, состоявшейся 10 июня 1856 г.: «Много бедствий произошло в то время от скрытности, так как ни император Николай, ни его мать, состоявшие одни только в переписке с цесаревичем Константином Павловичем, никому не говорили всей правды и никто не знал достоверно, без всякой утайки, о чем собственно велись переговоры и в каком положении были дела. Это вело к всеобщей, пагубной неизвестности... В эти тревожные дни, когда повсюду царила полнейшая неизвестность, двое министров обратились к принцу Евгению Вюртембергскому с вопросом: «Что бы он сделал, ежели бы вдовствующая императрица была объявлена самодержавной правительницей?»

— Один из них был человек мне очень близкий, — сказал принц. — Вы вероятно догадаетесь, кто были эти господа!

Вскоре он назвал их прямо: это были, как оказалось, принц Александр Вюртембергский и граф Канкрин. Принц Евгений отделился от них очень скоро, сказав, что он как

иностранец, как человек не русский, не имеет или не признает за собою, в этих делах, никакого голоса» [23, с. 46—47].

Сомневаться в достоверности этих сведений нет оснований: у Евгения Вюртембергского не было причин возводить поклеп на своих родственников, а вместе с тем его рассказ довольно точно отражает интересы и характеры названных в нем лиц. Претензии Марии Федоровны, вдохновлявшейся успехом Екатерины II, общеизвестны — еще в 1801 г., когда убит был Павел I, эта честолюбивая немка хотела занять его трон [24, с. 335—340], поэтому вполне вероятно, что при реальной поддержке влиятельных сил, учитывая затруднительность положения своих сыновей, она погыталась бы овладеть ситуацией и на этот раз. Понятно также стремление осевшего в России Александра Вюртембергского возвести на трон родную сестру. Канкрин такой «немецкий» вариант разрешения династического кризиса тоже устраивал: он мог рассчитывать, что с пожилой соотечественницей, мало смыслящей в финансах, а вместе с тем в какой-то мере обязанной ему успехом своего воцарения, сумеет поладить и для себя лично добьется, так сказать, «ограничения самодержавия». Понятны и причины обращения к Евгению Вюртембергскому: он был известен как боевой генерал русской службы и являлся близким родственником Марии Федоровны и Александра Вюртембергского, его поддержка должна была иметь для них серьезное зна-

чение. Понятны и мотивы его негативного отношения к сделанному предложению: когда-то Павел I собирался объявить его наследником русского престола, в связи с чем у него навсегда испортились отношения с Александром I [24, с. 242—245]. Поэтому можно поверить, что еще раз быть втянутым в сомнительные династические комбинации он не имел никакого желания.

Весь этот дворцовый «заговор» свелся, по-видимому, лишь к осторожному зондированию настроений нескольких влиятельных лиц и пассивному выжиданию [25], но для нашей темы он интересен тем, что позволяет уяснить позицию и поведение Канкрин в дни, предшествовавшие 14 декабря 1825 г. Наиболее подходящей для себя фигурой на троне он считает императрицу-мать. Но ее воцарение более чем проблематично; Николай, шансы которого покрыты тайной, менее желателен, так как, если верить молве, он невежествен, груб и деспотичен, но все же он предпочтительнее Константина, от которого исходит главная опасность, чреватая опалой. И вот, пытаясь удержаться на своем посту в том случае, если трон останется за Константином, Канкрин идет на ряд угоднических мер. Возможно, не все они нам известны, но по крайней мере три его «ласкательские» акции очевидны.

Первой из них нужно, на наш взгляд, считать отправку 27 ноября с А. И. Сабуровым донесения Константину о присяге, при-

несенной Министерством финансов. Текст этого донесения не найден, но не вызывает сомнения, что если в нем, как принято считать, докладывалось о принесении присяги, то это было сделано авансом. Чиновники Министерства финансов — не солдаты, которые по команде строились и присягали целованием креста и Евангелия; каждый чиновник ставил свою подпись в специально оформленных присяжных листах. Сделать это в учреждениях министерства за несколько часов было, разумеется, невозможно. Архивные документы показывают, что только 28 ноября Канцелярия Канкрин разослала подчиненным департаментам и другим учреждениям копии сенатского указа «о приведении к присяге на верность подданства его императорскому величеству Константину Павловичу» [26], а заполненные присяжные листы представлялись в ту же Канцелярию довольно длительное время: из Департамента мануфактур и внутренней торговли — 1 декабря, из Заемного банка и Экспедиции заготовления государственных бумаг — 2 декабря, из Департамента государственного казначейства — 3 и дополнительно 4 декабря, из Департамента горных и соляных дел — 4 и дополнительно 12 декабря [27]. Таким образом, 27 ноября о принесении присяги министерством не могло быть и речи. Но Канкрину важно было как можно быстрее верноподданнически донести Константину, что он присягнул, и заверить, что вверен-

ное ему министерство — одно из важнейших после военного — признает его самодержцем всероссийским. В этом, как видно, и состоял истинный смысл его донесения.

Второй угоднический шаг Канкрин, о котором мы теперь знаем, — это изготовление и раздаривание новодельных медалей «на рождение государя императора Константина Павловича». По своему смыслу и значению эта акция созвучна чеканке константиновских рублей, а тот факт, что раздаривались медали совершенно открыто, косвенно подтверждает, что и изготовление рублей первоначально не облекалось мерами особой секретности.

Говоря о медальных презентях, хотелось бы сделать одно пояснение. Иногда задают вопрос: зачем Канкрин, начав дарить медали в честь рождения Константина, решил затем присоединить к ним и медали на рождение Александра I? Понятным было бы распространение в то время медалей на его смерть или на какие-то его деяния, но дарение медалей на рождение недавно умершего и еще не похороненного императора выглядит по меньшей мере странно.

Действительно, медали на смерть Александра I были бы в то время более уместными. Однако никакая памятная медаль не могла выпускаться без «высочайшего» утверждения ее проекта. Решиться на самовольную чеканку и распространение неутвержденного образца Канкрин, разумеется, не мог. Поэтому известная медаль работы Ф. П. Толстого на смерть Александра I

появилась позже, ее рассылка и раздача в золотом, серебряном и бронзовом вариантах происходили по указаниям Николая I в марте—июне 1826 г. [28]. Что касается медалей на деяния Александра, то их новоделы можно было использовать, но Канкрин вовсе не собирался заниматься прославлением умершего царя. Ему хотелось угодить Константину, а в его честь существовала только одна медаль — на рождение. Ее он и начал раздавать, не смущаясь тем, что день рождения Константина вовсе не в декабре, а в апреле. Но вскоре, как видно, спохватился: приближалось 12 декабря — день рождения Александра I, который почти четверть века официально отмечался как одна из самых чтимых «календарных» дат. Дарить в этот и ближайшие к нему дни медали на рождение Константина и не вспомнить про реальный день рождения Александра было бы совсем уж неприлично. Канкрин нашел выход из положения в том, что некоторым лицам решил дарить по две медали — маневр, разумеется, неуклюжий, шитый белыми нитками, но искусством изящной, тонкой лести Егор Францевич Канкрин не владел никогда.

Наконец, третья известная нам угодническая мера — изготовление константиновского рубля. Не исключено, что Канкрин начал ее донесением Константину от 27 ноября: уже в нем он мог испрашивать разрешение на чеканку портретной монеты. В этом случае А. И. Сабуров оказывается косвенно

причастным к затее с рублем, и тогда становится более понятным, почему через много лет Канкрин вспомнил о нем, пригрозил в своем министерстве и использовал для распространения ложных слухов об отправке в Варшаву вместе с донесением комплекта изготовленных монет. В этом случае становятся ясными и действия Канкрина по изготовлению рублей: запросив у Константина разрешение на их чеканку, он на случай одобрения его инициативы решил срочно запастись готовыми экземплярами.

В своих расчетах Канкрин, как известно, ошибся: дело обернулось так, что Константин оказался не царствовавшим ни одного дня, и уже одно это придало изготовлению рублей с его портретом и императорским титулом скандальный характер, а восстание декабристов сделало эту акцию, помимо воли ее организатора, совсем уж двусмысленной. В результате над Канкриным нависла грозная опасность немилости и опалы со стороны Николая I, и ему пришлось приложить немало усилий, чтобы выйти из того затруднительного положения, в котором он неожиданно оказался [13, с. 87—92].

*

*

*

Из вопросов, имеющих главным образом «внутриумизматическое» значение, представляется целесообразным подробнее остановиться на том, какой константиновский рубль мог попасть на аукцион 1898 г.: рубль великого князя Сергея

Александровича или экземпляр, похищенный из секретного архива. Фактических сведений, позволяющих сделать на этот счет однозначный вывод, пока, к сожалению, не найдено. Несколько лет назад автор этих заметок высказал мнение, что в свете новых данных более предпочтительной становится версия о продаже в 1898 г. экземпляра, похищенного из министерства. В связи с этим иногда спрашивают, есть ли достаточно веские основания для такого утверждения, особенно если иметь в виду сказанное о Сергее Александровиче И. Г. Спасским: «К нумизматике и собиранию монет владелец причастен явно не был: в противном случае не миновать бы ему избрания почетным членом соответствующих обществ, очень ценивших высоких покровителей; проще всего ему было и расстаться со своим рублем» [14, с. 70].

Прежде всего заметим, что причастие или непричастие к нумизматике и собиранию монет само по себе не является сколько-нибудь надежным критерием для суждения о том, трудно или легко было владельцу расстаться со своим экземпляром. И. И. Толстой, к примеру, имел коллекцию мирового класса, однако в 1913 г., хотя ничто его к этому не принуждало, продал все свои русские монеты XIX в., включая константиновский рубль и множество других раритетов. Материальных затруднений он не испытывал, какого-либо давления на него никто не оказывал, причина была лишь в том, что, составив для себя обширный план нумизматических исследова-

ний, он пришел к выводу, что научным изучением русских монет XIX в. никогда заниматься не будет, а поэтому их незачем и держать у себя.

Таким образом, вопрос заключается не просто в наличии или отсутствии коллекции, а в том, вписывается ли тот или иной нумизматический материал (в данном случае константиновский рубль) в сферу научных интересов или (при отсутствии таковых) собирательских пристрастий владельца. В таком плане этот вопрос может быть отнесен и к Сергею Александровичу. Но в данном случае он имеет, на наш взгляд, второстепенное значение и начинать надо поэтому не с него.

Для Сергея Александровича константиновский рубль был прежде всего отцовским подарком. И не просто отцовским подарком, а подарком императора, вскоре убитого ненавистными революционерами. Для человека, который, по словам С. Ю. Витте, «был с одной стороны, взглядов очень узкоконсервативных, а с другой стороны, он был религиозен, но с большим оттенком религиозного ханжества» [29, т. 1, с. 201], это должно было придавать подарку вид особо почитаемой реликвии. В этом отношении Сергей Александрович по сравнению с другими владельцами знаменитой монеты находился в совершенно особом положении. Нужно также учитывать, что цесаревичу Константину этот великий князь приходился внучатым племянником — родство не такое уж отдаленное. Можно поэтому полагать, что рубль, которым он владел, был для него дорог и как память о нео-

бычной судьбе одного из родственников. Все это означает, что расстаться с ним ему было отнюдь не «проще всего», наоборот, трудно даже вообразить причины, которые могли бы заставить его это сделать. Очевидно, из того и исходил В. Л. Янин, когда писал, что если предположить продажу на аукционе экземпляра Сергея Александровича, то «не понятны в этом случае мотивы, побудившие столь видного представителя императорской семьи расстаться с фамильной реликвией» [30, с. 218].

Имея это в виду, можно в качестве дополнительного мотива рассмотреть вопрос и о том, представлял ли константиновский рубль для Сергея Александровича интерес не только как семейная реликвия, но и как коллекционный материал. Нумизматом этот великий князь, судя по всему, не был. Правда, есть данные, что ему как будто принадлежал один из сребреников Владимира [31, с. 130, 206], но сведений об обладании двумя монетами, хотя бы и очень редкими, недостаточно, чтобы предполагать увлечение их владельца нумизматикой. Зададимся, однако, простым вопросом, который почему-то до сих пор не ставился: что побудило Александра II подарить один экземпляр рубля именно ему? Подарки Георгию Михайловичу и Александру Гессенскому понятны — оба были страстными нумизматами, но почему третьим оказался Сергей Александрович? Только потому, что он был сыном царя-дарителя? Но

У Александра II в 1879 г. в живых было пять сыновей (из них трое старше Сергея Александровича и один младше), братья царя, для которых Константин являлся родным дядей, тоже не отказались бы от такого подарка. Так почему же все-таки рубль достался именно ему?

Ответ состоит в том, что Сергей Александрович был крупным коллекционером широкого профиля, собирательским интересам которого соответствовало получение константиновского рубля. Коллекционирование старины определило его меценатское отношение к развитию археологии и музейного дела, участие в реставрации ряда памятников древнерусской архитектуры и т. д. В 1881 г. Александр III поручил ему руководство Историческим музеем в Москве. В качестве влиятельного покровителя (а уж влиятелен он был хоть куда: сын Александра II, брат Александра III, а Николаю II приходился не только дядей, но и свояком — женаты они были на родных сестрах) не избежал он и разного рода почетных избраний, в том числе связанных с нумизматикой: в 1876 г. избран почетным членом Русского, а в 1888 г. — Московского археологического общества, избирался почетным председателем VI (в 1884 г.), VII (в 1890 г.), IX (в 1893 г.), XI (в 1899 г.) и XII (в 1902 г.) Археологических съездов [32, с. 427; 33, с. XIII—XV; 34, стлб. 856—857]. Его личная собирательская деятельность была весьма разнообразной — он коллекционировал живопись, акварели, ми-

ниатюры, табакерки и многое другое. В конце 1908 г. его вдова передала часть собранной мужем коллекции Эрмитажу и Русскому музею. В Русский музей поступили полотна русских художников и иностранцев, работавших в России: В. Л. Боровиковского, Д. Г. Левицкого, Ж.-Л. Вуаля, Д. Доу и др. [35, с. 30—35]. Эрмитаж получил 182 предмета, в том числе 98 миниатюр, 38 табакерок, несколько камей, медальонов и т. д., а также пять полотен иностранных мастеров [36, с. 24—29]. Судя по разнообразию предметов коллекционирования, все собрание, казалось бы, носило совершенно сумбурный характер. Но это не совсем так. Если не единственный, то явно преобладающий интерес у собирателя был. Этот интерес определялся нравственно-политическим обликом Сергея Александровича, который даже в глазах С. Ю. Витте «был ультраретроград, крайне ограниченный и узкий человек...» [29, т.2, с. 211]. Из 24 полотен его коллекции, находящихся в Русском музее в настоящее время, 18 — портреты представителей дома Романовых, одно — портрет «прекрасной дамы» Павла I А. П. Лопухиной-Гагаиной, еще три — интерьеры царских и великокняжеских покоев [37, см. по указателю на с. 437].

Но интерес Сергея Александровича к «романовской» тематике распространялся не только на живопись. Получив однажды в подарок портрет жены Александра I ра-

боты Доу, он в благодарственном письме дарителю заметил: «Я давно уже собираю портреты и изображения Елизаветы Алексеевны» [38]. «Портреты и изображения» — выражение не совсем вразумительное, однако понятно, что под «портретами» великий князь имел в виду портретную живопись, а под «изображениями» — все другие виды иконографии: портретные миниатюры, портреты на табакерках, часах, булавах, кольцах и пр. Разнообразные «изображения» Романовых собирались им так же усердно, как и портреты. Из 98 миниатюр, переданных в Эрмитаж, удалось получить сведения о 92. Портретными оказались 88, из них 68 (т.е. около 74% от общего числа и 77% от числа портретных) посвящены Романовым [39]. Особое приращение собиратель испытывал, как видно, к «александровской» эпохе: «портретов и изображений» Александра I и его супруги в коллекции было более трех десятков. Понятно, что Сергея Александровича интересовала и иконография цесаревича Константина. Но она, как известно, сравнительно бедна; нам удалось получить сведения лишь о двух портретах Константина в его собрании — одном юношеском маслом [37, с. 380, № 6786] и еще одном акварельном [40, с. 63, № 2069]. Из этого следует, что портретный рубль должен был чрезвычайно цениться Сергеем Александровичем как одно из раритетных «изображений» Константина.

Приведенных данных, очевидно, достаточно, чтобы сделать вывод: рубль Константина представлял для Сергея Александровича двоякую ценность — прежде всего как семейная реликвия, а затем и как редкая вещь в его иконографическом собрании.

Означает ли сказанное, что возможность появления этого рубля на аукционе 1898 г. следует начисто исключить? Такое утверждение было бы, по-видимому, не совсем корректным: иногда ведь и «небываемое бывает». Но такое происходит редко, при каких-то необычных обстоятельствах, поэтому поверить в него можно лишь в двух случаях: либо если эти необычные обстоятельства выяснены, либо если отсутствует возможность какого-либо другого решения вопроса. Когда И. Г. Спасский работал над книгой «По следам одной редкой монеты», альтернативы не существовало: известно было о пяти «министерских» экземплярах, но четыре из них попасть на аукцион не могли, поэтому приходилось считать, что попал пятый — рубль Сергея Александровича. С появлением другого возможного решения нужно сравнивать их вероятности. При таком сравнении вероятность продажи похищенного экземпляра представляется весьма высокой [13, с. 85—108], а экземпляра Сергея Александровича — ничтожной.

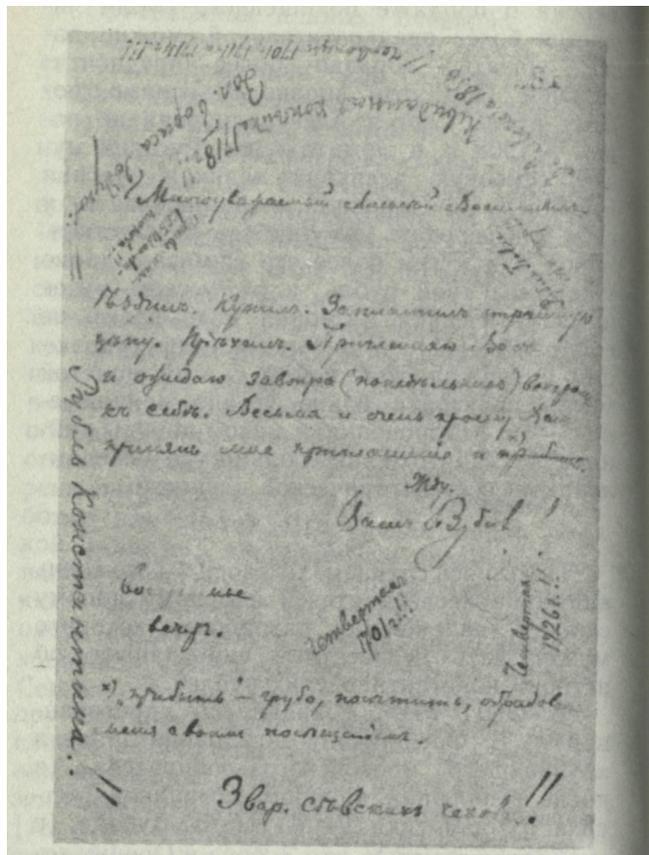
Разумеется, нужно продолжать поиск прямых доказательств. Но пока они не найдены, остается исходить из того, что

версия о продаже похищенного рубля является более предпочтительной, можно даже сказать — гораздо более предпочтительной. При этом вполне объяснимо, почему рубль Сергея Александровича не попал в 1908 г. в Эрмитаж или Русский музей: семейную реликвию великая княгиня Елизавета Федоровна могла оставить у себя или передать кому-нибудь из родственников мужа, тем более что Эрмитаж давно уже имел свой рубль, а в Русском музее нумизматический материал в то время не собирался [41]. А в бурные годы революции и гражданской войны с этой монетой могли произойти какие угодно приключения — от захоронения в каком-нибудь тайнике до уничтожения людьми, не осведомленными о ее исторической ценности.

*

Пользуясь случаем, хотелось бы привлечь внимание исследователей к одному новому сюжету, дальнейшая разработка которого может дать неизвестные еще данные об истории константиновских рублей.

В ОПИ ГИМ сохранилась адресованная А. В. Орешникову загадочная записка крупнейшего московского собирателя (а после революции научного сотрудника Отдела нумизматики ГИМ) П. В. Зубова (в этой связи заметим, что Зубова и Орешникова в течение многих лет соединяла самая тесная дружба и сугубо доверительные отношения). Записка не датирована, текст ее следующий:

Фотокопия записки П. В. Зубова А. В. Орешникову о покупке константиновского рубля и ряда других редких монет.

«Многоуважаемый Алексей Васильевич. Ездил. Купил. Заплатил страшную цену. Приехал. Приглашаю Вас и ожидаю завтра (понедельник) вечером к себе. Весьма и очень прошу Вас принять мое приглашение и прибыть.

Воскресенье,
вечер.

Жду.
Ваш Зубов».

Слово «прибыть» Зубов зачеркнул, поставил над ним знак сноски, а под текстом дал и саму сноску: «*«прибыть» — грубо, посетить, обрадовать меня своим посещением». Затем, испытывая, как видно, восторг и волнение, автор записки на свободных от основного текста местах вкруговую, вкривь и вкось озорно разбрасывает названия купленных им за «страшную цену» нумизматических редкостей. Расположенные в хронологической последовательности, они составляют следующий список:

- «Зол. [отой] Бориса Годунов [а]!!»
- «3 вар. [ианта] севских чехов !!»
- «Четвертак 1701 г. !!»
- «Червонцы 1701 г., 1711 г. и 1714 г. !!!»
- «Невиданная копейка 1718 г. !!»
- «Четвертак 1726 г. !!»
- «Гривенник СПб Иван [а] Антонов [ич] а!!»
- «3 ливонеза 1856 г.] »*
- «Рубль Павла с портр [етом]!!»
- «Рубль Константина !!»

* В волнении Зубов вместо «1756 г.» машинально написал «1856 г.» — Примеч. авт.

«Рубль Константина !!» написано крупными литерами вдоль левого края страницы [42].

Содержание записки порождает ряд вопросов. Куда ездил Зубов и у кого он купил столь внушительное пополнение для своей знаменитой коллекции (при этом надо иметь в виду, что в записке Орешникову он мог назвать не все приобретенные монеты, а лишь те, которые считал наиболее важными)? Когда это было? Какой константиновский рубль он приобрел — подлинный или поддельный? Какова судьба этой монеты?

Не предвещая ответов, приведем некоторые предварительные соображения.

Вопрос о времени покупки требует дальнейшего изучения, однако первым ориентиром может служить то, что часть приобретенных раритетов, в том числе наградной золотой Годунова, Зубов опубликовал в «Материалах по русской нумизматике», изданных в 1897 г. [43, № 3, с. 2]. Значит, покупка состоялась до 1897 г.

Далее. Можно не сомневаться, что Орешников внимательно ознакомился с приобретениями своего друга и высказал о них свое мнение. При этом есть данные, определенно указывающие на то, что константиновский рубль оба нумизмата признали подлинным. В библиотеке ОН ГИМ хранится принадлежавший Зубову экземпляр второго издания (1898 г.) «Таблиц русских монет двух последних столетий» Х. Х.

Гиля. К книге приложена составленная и подписанная С. П. Фортинским «Справка», раскрывающая ее историю и аргументированно доказывающая, что она «представляет собой рабочий экземпляр П. В. Зубова, в котором он красной тушью отмечал монеты, находившиеся в его собрании, заливая кружок или квадратик, обозначающие наличие той или иной монеты, полностью, если монета была хорошей сохранности, или наполовину, если он желал заменить ее другим экземпляром, лучшей сохранности» [44]. Константиновский рубль отмечен Зубовым в этих таблицах как представленный в коллекции. В «Справке» указано: «Отметки П. В. Зубова сделаны им в каталоге в период с 1898 по 1904 год». Позже, не довольствуясь таблицами Гиля, Зубов стал составлять собственные рукописные таблицы. Значительная их часть сохранилась и находится сейчас в ОПИ ГИМ. В них константиновский рубль также отмечен как имеющийся в собрании [45].

Отметки П. В. Зубова позволяют несколько конкретизировать сведения о его рубле: в обоих случаях отмечен экземпляр без гуртовой надписи, в то время как вариант с гуртовой надписью значителен отсутствующим, а полная заливка кружка красной тушью в таблицах Гиля (в рукописных таблицах в кружке ставился крестик) указывает на хорошую сохранность монеты.

Удалось получить первые исходные данные и о судьбе этого рубля. В рукописных таблицах Зубова есть несколько ссылок на работу Х. Х. Гиля и А. А. Ильина «Русские монеты, чеканенные с 1801 по 1904г.», которая вышла, как известно, в 1904 г. Значит, таблицы были составлены не ранее 1904 г., и константиновский рубль какое-то время после их составления находился в коллекции. Однако в дальнейшем, но не позднее 1911 г. он был у Зубова вместе с рядом других ценностей похищен. Об этом свидетельствует его письмо Орешникову от 30 июня 1911 г. Совершив перед этим поездку по Волге до Казани, Зубов находился тогда в своем имении во Владимирской губернии. В его отсутствие Орешников получил из Крыма предложение купить какой-то константиновский рубль и один из вариантов гривенника 1726 г. Переслав это предложение Зубову, Орешников спрашивал, не те ли это монеты, которые были у него украдены. Павел Васильевич 30 июня 1911 г. ответил: «...Письмо Людзера прочитал и возвращаю его Вам. Писать ему подожду, пока не выяснится Ваша поездка, так как, если будете в Севастополе, Вы предполагаете монеты посмотреть. Думаю, что рубль Конст. Павловича не мой — их так часто предлагают, гривенник же 1726 г. у меня остался. Думаю, что монеты фальшивые. В Казани у одного коллекционера нашел два польских образка, которые, как я почти (подчеркнуто П. В. Зу-

бовым. — В. Б.) уверен, происходят из моей коллекции. Куплены они недавно. Написал Васильеву [46] и просил его иметь в виду кражу у меня и оказать содействие, если представится случай, в раскрытии ее» [47, л. 102—103]. Судя по содержанию этого письма, ограбление Зубова произошло скорее всего в не очень отдаленном от его написания времени — если не в 1911 г., то быть может, в 1910 или 1909 г. Любопытно в нем, помимо прочего, указание на то, что «так часто предлагают» фальшивые константиновские рубли. В начале августа 1911 г. Орешников был уже в Крыму — это видно из письма к нему Зубова от 8 августа [47, л. 104—105], однако никаких вопросов о предлагавшемся константиновском рубле в этом письме нет.

Итак, достоверная информация о зубовском экземпляре сводится пока к следующему. В неустановленное время, но до 1897 г. Зубов приобрел хорошей сохранности константиновский рубль без гуртовой надписи, который как сам он, так и Орешников признавали подлинным. В течение длительного времени рубль этот находился в собрании Зубова, но затем, скорее всего в 1909—1911 гг., был похищен.

При дальнейшей разработке этого сюжета наибольший интерес представляло бы выяснение двух вопросов.

Прежде всего — у кого приобрел Зубов свой экземпляр? Невольно создается впечатление, что и сам Зубов, и его друг

Орешников стремились как приобретение рубля, так и его пропажу не предавать широкой огласке. Во всяком случае, пока не обнаружено никаких данных, что об этих двух нумизматических сенсациях (приобретение и хищение) знал кто-либо из крупных нумизматов, кроме Орешникова. Показательно и другое. С 1890 г. Зубов состоял действительным членом Московского нумизматического общества, а в 1898 г. принял даже на себя обязанности товарища председателя. Важной составной частью заседаний общества была демонстрация его членами имевшихся у них нумизматических редкостей. В отчеты общества попало сообщение о том, что на одном из заседаний 1898 г. член общества С.Г.Голиков демонстрировал «цинковую подделку рубля Константина» [48, с. 81]. Не раз показывал в обществе свои редкие монеты и Зубов, однако константиновский рубль им не демонстрировался. Причина такой скрытности могла состоять в том, что огласка неизбежно породила бы интерес к родословной рубля, а Зубов, возможно, был связан обязательством не называть имя предыдущего владельца. Чтобы раскрыть тайну происхождения зубовского экземпляра, следует, по-видимому, обратиться к детальному изучению данных о наборе раритетов, купленных вместе с ним, — не выявятся ли следы этих нумизматических редкостей в известных до 1897 г. коллекциях?

Кто знает, быть может, за этой таинственностью кроется нечто важное.

Второй существенный вопрос — какова судьба зубовского рубля? Был ли это экземпляр, позже оказавшийся у Л. Х. Иозефа? Или у Ф. Ф. Рихтера, если его экземпляр и экземпляр Иозефа — разные монеты? Или рубль Зубова — это до сих пор неизвестный экземпляр? Догадки на этот счет можно строить разные, но доказательного ответа пока нет. Конечно, соблазнительно выдвинуть версию, что рубль П. В. Зубова — это рубль Л. Х. Иозефа, а позднее Ф. Ф. Рихтера: в этом случае все становится на свое место и не возникает никаких проблем. Однако стремление умозрительно соединять новые данные со сведениями об известных уже экземплярах чревато опасностями. Торопиться с выводами поэтому не стоит, целесообразнее продолжить поиск.

Будем надеяться, что в будущем тайны зубовского рубля раскроются полностью.

Константиновский рубль медленно и «неохотно» раскрывает свои тайны. Было бы ошибкой думать, что находки и публикации последнего времени уменьшают возможность дальнейшего обнаружения новых сведений. Напротив, именно находки послед-

них лет показали, что уточняющие данные как о самой акции Е. Ф. Канкрина, так и о судьбе отдельных экземпляров рубля могут быть неожиданно обнаружены в самых различных архивных фондах и что возможности таких разысканий далеко не исчерпаны. Не полностью изучены еще информативные возможности фондов ЦГИА СССР, особенно Министерства финансов и отделившегося от него в 1874 г. Департамента горных и соляных дел. Весьма перспективным представляется более тщательное изучение фондов ОПИ ГИМ. Совершенно неожиданные результаты может дать изучение личных фондов, хранящихся в различных архивах страны и у потомков крупнейших нумизматов. Вполне понятно, что наибольший успех может быть достигнут, если поиски будет вести широкий круг исследователей.

1985 г.

1. Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. — М.-Л., 1926.
2. Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I. — 5-е изд. доп. (третье для публикации). — СПб., 1857.
3. Бартошевич В. В. Константиновский рубль // Вопросы истории. — 1976. — № 7.
4. Шильдер Н. К. Император Николай I, его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. I.
5. Розен А. Е. Записки декабриста. — Лейпциг, 1870.

6. Нечкина М. В. Движение декабристов. — М., 1955. — Т. П.
Подписывая 13 декабря манифест о своем воцарении, Николай датировал его 12 декабря днем, когда окончательно выяснилась непримиримость позиции Константина и принято было решение о проведении переприсяги без его содействия. В связи с этим в исторической литературе встречается утверждение, что Николай объявил себя вступившим на престол с 12 декабря. Но в манифесте во имя соблюдения принципа непрерывности самодержавной царской власти было сказано: «Время вступления нашего на престол считать с 19 ноября 1825 г.», т. е. со дня смерти Александра I. Понятно, что царствование Николая I с 19 ноября по 13 декабря 1825 г. нельзя назвать даже номинальным, его попросту не было, однако для Е. Ф. Канкрина формальное объявление начала царствования с 19 ноября имело чрезвычайно важное значение, так как уже одно это (не говоря о восстании декабристов) придавало затее с константиновским рублем одиозный характер.
7. Записки С. П. Трубецкого // Мемуары декабристов. Северное общество. — М., 1981.
8. Дивов П. Г. Из дневника // Русская старина. — 1897. — Т. 89.
9. Нечкина М. В. День 14 декабря 1825 года. — 2-е изд., — М., 1975.
10. Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. — М., 1951.
11. Восстание декабристов. Материалы. — М.-Л., 1925. — Т. I — С. 97 (показания С. П. Трубецкого). — С. 184 (показания К. Ф. Рылеева).
12. Воспоминания Е. П. Оболенского // Мемуары декабристов. Северное общество. — М., 1981.
13. Бартошевич В. В. Об одном спорном вопросе в истории константиновского рубля // Тр. ГИМ. — М., 1980. — Вып. 53.
14. Спасский И. Г. По следам одной редкой монеты. — Л.-М.: Советский художник, 1964.
15. ЦГИА СССР.
16. Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // Русская старина. — 1899. — Т. 99.

17. Никитенко А. В. Дневник. — Л., 1955. — Т. Ц
18. Божерянов И. Н. Граф Егор Францевич Канкрин. — СПб., 1897.
19. Русский архив, 1865. — Стлб. 1360—1373. В этой публикации проект был атрибутирован как предположительно принадлежавший Е. Ф. Канкрину и составленный по повелению Александра I. Однако вскоре было бесспорно установлено как авторство, так и тот факт, что Е. Ф. Канкрин составил и отправил проект царю по собственной инициативе.
20. Сементковский Р. И. Е. Ф. Канкрин, его жизнь и государственная деятельность. — СПб., 1893.
21. ЦГИА СССР. — Ф. 561. — Оп. 1. — Д. П. — Л. 1 — 19.
22. Сборник Русского исторического общества. СПб., 1896. — Т. 98.
23. Из дневника Т. Бернгарди. Беседы с принцем Евгением Вюртембергским // Русская Старина. — 1893. — Т. 79. Александр Вюртембергский с 1822 г. был главноуправляющим путями сообщений и по этой должности являлся членом Комитета министров.
24. Эйдельман Н. Я. Грань веков. — М., 1982.
25. Любопытно в этой связи сделанное Николаем I в 1848 г. замечание на полях рукописи книги М. А. Корфа о поведении Александра Вюртембергского и его сыновей во время подавления восстания 14 декабря: «Дядя герцог Александр Вюртембергский все время сидел в бывшей голубой гостиной матушки и не дозволял сыновьям явиться, куда долг их требовал. Зачем — не догадываюсь» [1, с. 43]. Оба сына герцога были гвардейскими офицерами — один Кавалергардского, другой — лейб-гвардии Конного полка.
26. ЦГИА СССР. — Ф. 560. — Оп. 38. — Д. 1735. — Л. 238 об.
27. Там же. — Д. 1683. — Л. 615 об., 617 об., 629 об., 631, 634 об., 642, 692 об.
28. Всего Монетный двор изготовил и отпустил в марте — июне 1826 г. 103 золотые, 231 серебряную и 403 бронзовые медали (ЦГИА СССР. — Ф. 37. — Оп. 17. — Д. 1119. — Л. 69. 73 — 75; Там же. — Ф. 570. — Оп. 13. — Д. 48. — Л. 30).
29. Витте С. Ю. Воспоминания. — М., 1960.
30. Янин В. Л. К истории константиновского рубля//Вопросы истории. — 1978. — № 2.
31. Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X—XI веков. — Л., 1983.
32. Веселовский Н. И. История имп. Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846 — 1896. — СПб., 1900.
33. Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864 — 1914 гг.). — М., 1915. — Т. 2.
34. Новый энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. — Б.г. — Т. 3.
35. Врангель Н. Дар великой княгини Елизаветы Федоровны Русскому музею императора Александра III/Старые годы. — 1909. — Январь.
36. Фелькерзам А. Дар великой княгини Елизаветы Федоровны в императорский Эрмитаж//Старые годы. — 1909. — Январь.
37. Государственный Русский музей. Живопись. XVIII — начало XX века. Каталог — Л., 1980.
38. ЦГИА СССР. — Ф. 696. — Оп. 1. — Д. 523. — Л. 1.
39. Сведения о миниатюрах из собрания Сергея Александровича получены от старшего научного сотрудника Государственного Эрмитажа Н. Б. Петрушевич, которой автор выражает глубокую признательность.
40. Каталог ...историко-художественной выставки русских портретов, устраиваемой в Таврическом дворце в пользу вдов и сирот павших в бою воинов. — СПб., 1905. — Вып. VII.
41. Отдел нумизматики появился в Русском музее год спустя, когда управляющий этим музеем великий князь Георгий Михайлович на особых, им самим разработанных и утвержденных царем условиях передал музею свою огромную нумизматическую коллекцию, в составе которой был и константиновский рубль.
42. ОПИ ГИМ. — Ф. 136. — Ед. хр. 21. — Л. 129. Бумага без филиграней.
43. Зубов П. В. Материалы по русской нумизматике. — М., 1897.

44. «Справка» С. П. Фортинского — машинописный текст на пяти страницах. В ней указывается, что после смерти П. В. Зубова его нумизматическая библиотека была куплена известным московским антикваром В. Н. Морозовым, а после смерти последнего ту часть его библиотеки, которая относилась к русской нумизматике, в том числе и являвшиеся «каталогом коллекции П. В. Зубова» «Таблицы» Х. Х. Гиля, приобрел Фортинский. На титульном листе «Таблиц» имеются автографы П. В. Зубова и В. Н. Морозова.

45. ОПИ ГИМ. — Ф.281. — Оп. 3. — Ед. хр. 157. — Л. 76 об.

46. Очевидно, имеется в виду известный казанский нумизмат Ф. Т. Васильев, автор ряда статей по русской нумизматике.

47. ОПИ ГИМ. Ф. 136. — Ед. хр. 21.

48. Труды Московского нумизматического общества. — М., 1899. — Т. II. — Вып. I.

В. В. Бартошевич

**ПО ПОВОДУ ОДНОЙ
ПУБЛИКАЦИИ**

В опубликованной недавно статье В. А. Калинина [1] дана неожиданная и оригинальная версия причин чеканки константиновских рублей и той роли, которую их изготовление должно было сыграть в событиях междуцарствия 1825 г. Ее основные положения изложены в настоящем сборнике в статье А. С. Мельниковой «Константиновский рубль и история его изучения». Так как эта версия диаметрально противоположна взглядам, содержащимся в моих «Заметках о константиновском рубле», составители сборника предложили мне высказать о ней свое мнение.

Гипотеза В. А. Калинина, при всей ее внешней стройности и логичности, является, по нашему убеждению, ошибочной. Естественно, что при ее рассмотрении особое внимание следует уделить тому «фундаменту», на котором она построена, — весьма далекому от нумизматики, но чрезвычайно важному для понимания событий междуцарствия — вопросу о том, имел ли Александр I право и возможность при жизни объявить наследником престола Николая. Вообще говоря, применительно к русскому импе-

ратору сама постановка вопроса «Имел ли он право?» представляет собой нонсенс, поскольку суть неограниченного самодержавия как раз и заключалась в праве монарха на ничем не стесняемое единоличное законотворчество. Царствующий император вправе был не только вводить законы, отменять их, видоизменять, вносить к ним поправки или дополнения, но и, не трогая действующий закон и даже не упоминая его, предписать своим указом действия, противоречащие ему. В таком случае считалось, что указ отменяет закон только по данному делу.

Конечно, неограниченное право на власть само по себе не обеспечивало неограниченных возможностей его осуществления. Были вопросы, по которым ввести какие-либо законодательные новшества, не рискуя тем самым вызвать потрясение основ существующего строя, представлялось либо чрезвычайно трудным, либо даже невозможным (вопрос о крепостном праве и некоторые др.). Однако вопрос о престолонаследии к числу «взрывоопасных» отнюдь не относился. Как раз наоборот. По давней традиции не только сами Романовы, но и вся сановная верхушка империи рассматривали его как внутрисемейное дело царствующей династии, подлежащее ведению главы рода, т. е. императора. В этой связи необходимо вспомнить, как был разработан и введен Павлом I новый порядок престолонаследия и как он до 1825 г. выполнялся.

В. А. Калинин считает, что новый порядок наследования российского престола был введен объявленным в день коронации Павла I 5 апреля 1797 г. «Учреждением об императорской фамилии». Это неверно. Огромное по объему «Учреждение...», мелочно регламентировавшее «ранжировку» родственников царствующего монарха (присвоение им титулов и гербов, «внутренний распорядок» между ними, наделение их именами и доходами и т. д. и т. п.), начиналось с фразы о том, что оно включает в себе вопросы, касающиеся членов императорской фамилии, «сверх учреждения наследства к престолу, о котором особо изданным манифестом всяк извещен будет» [2, № 17906, с. 525].

Обещанный манифест почему-то не появился, но вместо него 14 апреля 1797 г. Сенат по указанию императора опубликовал странный документ, которым и был определен новый порядок престолонаследия. Составил его Павел в глубокой тайне от царствовавшей матери за девять лет до своего воцарения, в 1788 г. Поводом для его составления послужило то, что мать собиралась отправить цесаревича в действующую армию, и он, не обладая избытком мужества, стал лихорадочно разрабатывать меры на случай своей смерти. Предметом его особой заботы было стремление предотвратить возможность вступления в будущем на престол своей жены. С этой целью он разработал письменный договор с ней

и заставил ее этот договор 4 января 1788 г. вместе с ним подписать. Никакого названия этот документ в момент подписания не имел [3], а его основной смысл раскрывался в начальных фразах: «Мы, Павел, наследник, цесаревич и великий князь, и мы, супруга его, Мария, великая княгиня... общим нашим добровольным и взаимным согласиём... постановили сей акт наш общий, которым... избираем наследником, по праву естественному, после смерти моей, Павла, сына нашего большого, Александра, а по нем все его мужское поколение». Далее в общей, не персонифицированной форме рассматривались всевозможные варианты престолонаследия в случае пресечения мужского потомства Александра. При этом восшествие на престол женщины допускалось лишь «по пресечении последнего мужского поколения» сыновей Павла. Странный по форме, этот акт и утвержден был странной, никогда не употреблявшейся при утверждении законов формулой: «Верно, Павел». Фактически это был не закон, а так называемый династический семейный договор, но по воле Павла он был включен в число государственных законов [2, № 17910, с. 587 — 589].

Объявляя закон о престолонаследии, Павел преследовал, разумеется, ту же самую ближайшую цель, что и в 1788 г., — ни при каких условиях не дать возможности жене занять русский престол. Вместе с тем сам он не считал этот закон связывающим его

самодержавную волю. В возможности его нарушения не сомневались и в придворных кругах, особенно после того, как игнорирование логически примыкающего к нему «Учреждения об императорской фамилии» Павел продемонстрировал в 1799 г. без всяких колебаний [4]. Известно, что в конце царствования Павел I вынашивал планы отстранения от прав на наследование престола Александра и Константина, испорченных якобы бабушкиным влиянием. Одно время был слух, что он хочет передать права на трон малолетнему Николаю, потом он воспылил любовью к Евгению Вюртембергскому, задумал женить его на своей дочери Екатерине, а затем объявить наследником престола. Слухи об этих планах воспринимались вполне серьезно, и никто при этом не сомневался, что император сможет их осуществить. Вопреки надеждам Павла, не склонна была считаться с подписанным ею договором и императрица Мария Федоровна: известно, что после убийства мужа она в истерике кричала: «Я хочу царствовать». И на трон она не взойшла не из-за закона, а потому, что у нее не было сильных сторонников (это же обрекло на неудачу и вторую ее попытку воцариться — в 1825 г.).

Без всякого почтения относился к отцовскому закону о престолонаследии и Александр I. Проявилось это уже в ночь убийства Павла. После того как Александр около 2 часов ночи перебрался из Михай-

ловского замка в Зимний дворец, туда стали доставляться наиболее крупные чиновники для принесения ему присяги. Среди них оказался и видный чиновник при генерал-прокуроре П. Х. Безак. Руководитель заговора санкт-петербургский генерал-губернатор П. А. Пален предложил ему подписать рукописный присяжный акт, уже подписанный всеми важнейшими сановниками. К удивлению Палена, Безак подписывать его отказался: «Я его не подписываю. В нем нет существенной статьи по Генеральному регламенту.

— А какой?

— «И высочайшего престола его наследнику, который от его величества назначен будет».

— Правда, — отвечал Пален, — а мы все подписали. Хороши же мы!

Он отнес в кабинет, и государь самостоятельно вписал пропущенные слова между строками. Безак, подписав присягу, вошел в комнату государя» [5, с. 335].

Генеральный регламент был введен Петром I в 1720 г. В нем содержался текст присяги императору, включавший клятву верности и «его царского величества высоким законным наследникам, которые по изволению и самодержавной его царского величества власти определены, и впредь определяемы и к восприятию престола удостоены будут...» [6, с. 140—141].

Итак, увидев, что в тексте присяги ничего не сказано о наследнике, Безак вспомнил

отнюдь не павловский закон, а петровский. Пален не только соглашается с этим, но и спохватывается, что допущена оплошность («Хороши же мы!»), а Александр своей рукой вписывает в присяжный акт петровскую формулу.

В ту же ночь был подписан Александром I манифест о его восшествии на престол, содержащий и текст присяги, которую должны были принести все верноподданные ему «и наследнику, который назначен будет» [7, № 19779, с. 583]. Выходит, что, присягая Александру, вместе с тем присягали его наследнику, имени которого не знали. Это противоречило павловскому закону о престолонаследии, но зато вполне согласовывалось с обещанием того же манифеста управлять «по законам и по сердцу в бозе почитающей августейшей бабки нашей государыни императрицы Екатерины Великая».

Через полгода, 12 сентября 1801 г., законодательно закрепляя присоединение к Российской империи Грузии, Александр I издал «Манифест к грузинскому народу» с текстом присяги, которую должны были принести грузины. В ней повторялась та же формула клятвы в верности «наследнику, который назначен будет» [7, № 20007, с. 784].

Обещанный наследник не назначался более 22 лет. Причину этого объяснил сам Александр в манифесте от 16 августа 1823 г.: «Мы не могли ... рано провозгласить его по имени, оставаясь в ожидании, будет ли

благоугодно ... судьбам Божиим даровать нам наследника престола в прямой линии» [8, № 1, с. 4]. Став императором в 23 года, Александр лишь много лет спустя стал примиряться с мыслью, что сложные обстоятельства его личной жизни не оставляют ему надежд на собственного законного потомка.

Между тем павловский закон о престолонаследии хотя и нарушался, но отменен не был. Это означало, что если Александр II умрет, не назначив наследника, то на престол вступит Константин. Но по мере того как становилось ясным, что у Александра I законного потомства не будет, столь же очевидным становилось и то, что его не будет и у Константина, который почти 20 лет жил в разрыве со своей женой великой княгиней Анной Федоровной. Правда, в 1820 г. он добился развода с ней, но лишь затем, чтобы еще больше осложнить свое положение вступлением в «неравнородный» брак с польской дворянкой Иоанной Грудзинской. Не могли, по-видимому, Александра, не беспокоить и особенности необузданного характера Константина, напоминающего характер их отца.

Все это привело к постепенному формированию у Александра I намерения назначить наконец обещанного наследника и I сделать им Николая. Важную роль здесь сыграло появление у Николая в 1818 г. сына Александра (будущего Александра II).

Первыми практическими шагами в осуществлении задуманного стали два мани-

феста Александра I — от 20 марта 1820 г. в связи с решением Синода о расторжении первого брака Константина и от 8 июля того же года в связи с его новой женитьбой. Первый из них устанавливал, что член императорской фамилии, вступивший в брак с лицом, «не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному дому», не может сообщить этому лицу прав, принадлежащих членам императорской фамилии, а «рождаемые от такого союза дети не имеют права на наследование престола» (это правило было включено в «Учреждение об императорской фамилии», что, очевидно, и породило неверное мнение, будто «Учреждение...» является общим законом о престолонаследии). Вторым манифестом Иоанне Грудзинской жаловался титул княгини Ловичской, но вместе с тем указывалось, что свой великокняжеский титул Константин не вправе передать ни супруге, ни детям, которые могут появиться от этого брака. Самого Константина оба узаконения прав на престол не лишали, а в случае воцарения он мог бы их и отменить. Однако «неэтичность» такого поступка выглядела бы столь явной, что он вынужден был согласиться на официальное отречение от своих прав стать наследником, которое ранее в устной форме обещал Александру I, добываясь от него разрешения на развод и вторую женитьбу.

В результате «семейной сделки» в начале 1822 г. Константин написал Александру

письмо (отредактированное самим Александром) с просьбой освободить его от прав, которые он «по рождению своему иметь может» (важная деталь: Константин отрекался не от имеющихся у него прав, а от прав, которые он «иметь может»), обосновав это тем, что «не чувствует в себе ни тех дарований, ни тех сил, ни того духа», которые нужны, чтобы быть когда бы то ни было на троне. Александр в ответном письме сообщил, что «нам обоим (т.е. ему и императрице-матери, вместе с ним прочитавшей просьбу Константина. — *В. Б.*) остается, уважив причины, Вами изъятые, дать полную свободу Вам следовать непоколебимому решению Вашему...» [8, № 1, с. 3 — 4].

Более полутора лет Александр не принимал в связи с этими письмами никаких дальнейших шагов, а затем 16 августа 1823 г. подписал известный манифест о назначении престолонаследником Николая, который решил почему-то хранить в глубокой тайне даже от Константина.

Назначению Николая в тексте манифеста было дано правовое обоснование, которое состояло в простой ссылке на то, что решение принято «по дошедшему до нас наследственно верховному праву главы императорской фамилии и по врученной нам от бога самодержавной власти». Этим, казалось бы, можно было и ограничиться. Но так как павловский закон о престолонаследии никто не отменял (отменять его

не имело смысла: ведь сначала он обеспечивал права ожидаемого Александром собственного наследника, а в будущем, после воцарения Николая, должен был обеспечить права потомства последнего), Александр счел необходимым указать, что по порядку наследования престола у имеющих на него право не отъемлют свободы отрешиться от сего права», то назначение Николая делается «на точном основании акта о наследовании престола» [8, № 1, с. 5].

О причинах странной и непонятной засекреченности манифеста многими и очень известными и малоизвестными историками (Н. К. Шильдер, А. Е. Пресняков, Е. П. Карнович, В. В. Барятинский, Г. Василич и др.) высказывались самые различные суждения (вплоть до утверждения, что «последние годы жизни Александровой можно назвать продолжительным затмением» [9, с. 14], т. е. попросту говоря, что он был не совсем психически здоров). Однако никогда до сих пор не выдвигалась версия, которую выдвинул В. А. Калинин, — будто манифест о назначении наследника являлся противоправным и потому во избежание великой смуты не мог быть опубликован. Все недомыслие и догадки историков основывались как раз на обратном убеждении, т. е. на уверенности в том, что Александр I мог и должен был объявить о назначении наследником Николая и никаких осложнений это не вызвало бы, неопубликование манифес-

та привело к династическому кризису, которым воспользовались революционеры.

Убежденность В. А. Калинина в неизбежности в случае опубликования Александром I манифеста 1823 г. вмешательства в дела престолонаследия придворных, прavitельственных и военных кругов, политической борьбы сановного дворянства, а затем и восстания революционеров базируется, как нам представляется, на том, что он не делает различия между прижизненным и «загробным» решением вопроса о престолонаследии. Между тем это различие весьма существенно для понимания механизма возникновения и развития династического кризиса 1825 г.

События междоусобицы рассматриваются чаще всего в аспекте борьбы между сторонниками Константина и сторонниками Николая. Такая борьба, разумеется, была и в какой-то мере носила беспринципный характер. Но нельзя вместе с тем не учитывать ее связь с общественным (прежде всего, конечно, дворянским) правосознанием того времени. В данном случае оно проявилось в том, что, хотя право самодержца назначать при жизни наследника никто не оспаривал, в вопросе, может ли император делать это манифестом «с того света» (а речь шла именно об этом, поскольку никакой манифест не может вступить в силу до его опубликования), мнения даже среди ярых адептов самодержавия разошлись. Константин настаивал на том,

чтобы подданные выполняли завещание монарха без всяких рассуждений. Примерно такой же точки зрения придерживался д. Н. Голицын и некоторые другие сановники. Однако большая часть сановной верхушки либо колебалась, либо считала манифест Александра I не имеющим силы. Судя по всему, здесь просто боялись прецедента. В данном случае острога проблемы несколько сглаживалась тем, что речь шла только о назначении наследника. Но если признать данный манифест, то в будущем, возможно, пришлось бы признавать и более «увесистые» загробные манифесты. Живой император может опасаться «удавки» или просто недовольства «первенствующего сословия», а ведь с мертвого взятки гладки. Александр I ограничился назначением Николая, а если бы не ограничился, даже оставаясь в рамках «семейного вопроса» о престолонаследии? Известно ведь, что Константин мечтал о польской короне и надеялся ее получить. А если бы Александр завещал российскую корону Николаю, а польскую — Константину? Под угрозой оказалась бы целостность империи. Подобные опасения приходили, по-видимому, в голову многим. В этой связи следует заметить, что знаменитая фраза Д. И. Лобанова-Ростовского «покойные государи не имеют воли», по нашему мнению, вовсе не являлась «циничной», как это считает В. А. Калинин [1, с. 105]; просто он, будучи министром юстиции, четко и ясно сформули-

ровал принципиальную позицию наиболее решительных сановников. Конечно, в выборе своей позиции немало было и таких, которые руководствовались чисто личными расчетами, симпатиями или антипатиями, но не бояться при этом обвинения в подрыве основ самодержавия они могли только потому, что вопрос с правовой точки зрения оказался спорным. Именно этим объясняется тот правильно отмеченный В. А. Калининым факт, что после оглашения 27 ноября манифеста Александра I на заседании государственного совета «различные предположения о будущем престола в тот же день распространились по Петербургу и взволнованно обсуждались во многих домах» [1, с. 103].

Таким образом, в общественном правосознании представителей наиболее влиятельных кругов дворянства не было единства. Отсюда опасность смуты даже в правительственной и придворной сферах, не говоря уже о настроениях в гвардии. Николай, который был больше всех заинтересован в признании манифеста Александра I, все это прекрасно понимал, не случайно о своей присяге Константину он на полях книги М. А. Корфа написал: «Ежели б я манифест и знал (он о нем, конечно, знал, поэтому и имел возможность обдумать свое поведение. — *В. Б.*), я бы и тогда сделал бы то же, ибо манифест не был опубликован при жизни государя...» [10, с. 40]. Этот довод был приведен Николаем и в

манифесте о восшествии на престол [8, № 1.с. 1-2].

В свете изложенного нам представляется бесспорным, что Александр I имел возможность, пользуясь своей властью самодержца, объявить о назначении наследником Николая даже без согласия Константина, и никакого «вмешательства влиятельных придворных, правительственных и военных кругов в дела престолонаследия» [1, с. 114] это не вызвало бы [11]. При наличии же отречения Константина (т. е. при реально сложившейся ситуации) назначение Николая точно вписывалось и в павловский закон о престолонаследии. Дворянские революционеры отчетливо понимали, что при таком ходе событий у них не было бы повода для выступления. Отмечая это, В. О. Ключевский писал: «...никогда не было бы 14 декабря, если бы ...манифест о престолонаследии был заявлен заранее» [12, с. 253].

Неопубликование Александром I манифеста было столь алогичным и странным, что, по мнению В. О. Ключевского, «ничем разумным нельзя объяснить таинственность, в какую облечено было распоряжение о престолонаследии» [12, с. 253], а А. Е. Пресняков, анализирувавший проблематику междоусарствия, заявил о своем отказе «как-нибудь осмыслить то, что было явно иррациональным» [13, с. 59]. В. А. Калинин эту «иррациональность» начисто отвергает; напротив, в действиях Александра I он

видит некий «тактический замысел», «расчет опытного политика», не имеющий «ничего общего с состоянием моральной депрессии и мистическими умонастроениями, в которых он якобы пребывал в последние годы своего царствования» [1, с. 113—114]. Между тем, даже если ограничиться рамками вопроса о престолонаследии, то ведь «иррациональность» поведения Александра I проявилась не только в том, что он не опубликовал свой манифест и не позаботился поставить в известность о нем Константина, но и в том, что, задумав передать престол Николаю, он ничего не сделал для того, чтобы хоть как-то подготовить его к делам государственного управления, в результате чего на троне оказался дивизионный начальник с девятидесятилетним стажем командования.

Гипотеза В. А. Калинина о существовании «хитроумного плана» имеет и другие уязвимые места. Представляется, например, совершенно невероятным, чтобы болезненно самолюбивый Александр I мог разработать план, важнейшей частью которого должно было стать неисполнение его собственного манифеста, и предписать к тому же после своей смерти предать этот манифест огласке «прежде всякого другого действия». Далее. Если бы задумали развитие событий по схеме: присяга Константину — отречение Константина I — присяга Николаю, то зачем вообще нужен был манифест о назначении престолонаследником

Николая, который не облегчал, а затруднял действия по такой схеме?

И еще. В. А. Калинин отмечает, что Александр не опасался коварства Константина [1, с. 113—114]. Действительно, цесаревич превыше всего ставил самодержавную волю и непритворно почитал своего венценосного брата. Но тогда невозможно понять, почему он не был посвящен в тайный план, осуществление которого в решающей степени зависело от его действий. От участия в выполнении такого плана он ничего не потерял бы, наоборот, признав принесенную ему присягу и издав манифест об отречении от имени Константина I, он приобрел бы титул «величества», который остался бы за ним пожизненно, возвышая его среди других членов императорской фамилии.

Отрицая существование некоего «хитроумного плана», мы, естественно, тем самым отрицаем, что изготовление константиновских рублей являлось составной частью его выполнения. Но против утверждения В. А. Калинина, что акция чеканки рублей была инспирирована Николаем и императрицей Марией Федоровной, можно привести и другие возражения.

1. Если допустить, что инициатива чеканки рублей исходила из дворца и вызвана была тем, что «несколько десятков отчеканенных образцовых рублей с портретом отрекшегося от престола императора могли бы создать иллюзию его кратковре-

менного царствования», чего «так добивались в дни междуцарствия Николай и Мария Федоровна», то возникает следующая неразрешимая проблема. Создать указанную иллюзию несколько десятков рублей могли бы лишь в том случае, если бы они были «опубликованы», т. е. распространены в качестве монеты нового типа в придворных и сановных кругах. Но утверждение нового монетного типа и санкция на выпуск его в обращение — это одна из незыблемых прерогатив императора. Как же могли Николай или Мария Федоровна, которые, как справедливо указывает сам В.А. Калинин, с первых дней междуцарствия «при каждом удобном случае демонстративно подчеркивали права Константина на престол» [1, с. 117], пойти на прямое и явное присвоение себе императорских прав, да еще в условиях, когда смена монетного типа вовсе не была неизбежной, поскольку при Александре I все монеты были «безликими»? Ведь одно дело — не подлежащее широкой огласке изготовление по распоряжению министра финансов монетных проб, которые могли быть либо утверждены, либо отвергнуты новым самодержцем, и совсем другое — дать указание, официально не имея на это никаких прав, об изготовлении монет нового типа с целью выпуска их (хотя бы и в малых масштабах) в обращение.

2. Е. Ф. Канкрин был человеком с характером и вместе с тем большим формалистом и педантом. Ничьей власти над собой,

кроме власти императора, он не признавал. А так как после принесения присяги Константину императором по всеобщему убеждению формально стал он, то до разрешения династического кризиса только его повеления должны были в глазах министра финансов иметь законную силу. Поэтому наверняка, чтобы Е. Ф. Канкрин согласился на выпуск за пределы Монетного двора монет, которые не были официально утверждены (не забудем, что выпуск монет нового типа объявлялся особым царским манифестом или указом). В его глазах это выглядело бы как должностное преступление (да оно таковым и было бы на самом деле). В силу своего характера Е. Ф. Канкрин способен был открыто заявить о необходимости высочайшего повеления, но у него был и веский довод, чтобы предотвратить такую опасную акцию под благовидным предлогом: Монетное отделение в то время не функционировало, поэтому он мог сослаться на то, что монеты чеканить негде.

3. Рассматривая в своей статье один из побочных сюжетов, В. А. Калинин справедливо заметил, что опубликованный в 1926 г. дневник Николая за период с 21 ноября по 13 декабря 1825 г. «интересен тем, что в нем педантично перечислены фамилии и имена лиц, с которыми встречался и беседовал великий князь в каждый из этих дней» [1, с. 109 — 110]. Прав В. А. Калинин и в том, что эти дневниковые записи существенно важны для выяснения подроб-

ностей тех или иных действий Николая в период междоусобия. Но если это так, то можно ли игнорировать тот факт, что среди огромного количества названных в дневнике лиц ни разу не фигурирует Е. Ф. Канкрин?

4. Чтобы доказать, что Канкрин не был инициатором чеканки константиновских рублей, В. А. Калинин указывает на то, что «начавшиеся на Монетном дворе работы были доведены до конца, и за день до воцарения Николая I Е. Ф. Канкрин получил два образцовых рубля», в то время как, если бы инициатива исходила от него, «он мог в любой момент прекратить и скрыть все следы работы над пробной монетой, убедившись в крушении своих честолюбивых замыслов» [1, с. 103]. Такой довод представляется более чем странным. Наше убеждение, что Канкрин лишь в ночь с 13 на 14 декабря на чрезвычайном заседании Государственного совета узнал, что ни царствующего, ни бывшего императора Константина не будет, имеет веские основания, поскольку принципиальная позиция Николая и Марии Федоровны состояла в том, чтобы в «семейное дело» посвящать как можно меньше посторонних (содержание переписки с Константином они скрывали даже от своего близкого родственника Евгения Вюртембергского). Но как ответить на вопрос: почему Николай и Мария Федоровна, если допустить, что инициаторами изготовления рублей были они, не остановили работы на

Монетном дворе, когда убедились в крушении своих надежд добиться от Константина издания манифеста, т. е. 7 или 8 декабря? Ответ, по-видимому, может быть только один: они об этих работах ничего не знали, а потому и не могли их своевременно остановить.

Чтобы подкрепить свою версию косвенными данными, В. А. Калинин, не приводя доказательств, дает новую интерпретацию известного сюжета с изготовлением и раздариванием новодельных медалей на рождение Константина и Александра: «Не может быть сомнений, — пишет он, — что заказ на их чеканку последовал из дворца, а не был предпринят по личной инициативе Е. Ф. Канкрин» [1, с. 118]. При всей категоричности этого утверждения оно вызывает даже не сомнения, а вполне конкретные возражения. Прежде всего нельзя, как это делает В. А. Калинин, игнорировать тот факт, что в найденных до сих пор документах об этих медалях (а их шесть) нет ни малейшего намека на то, что они чеканились по указанию «из дворца» (хотя изготовление и распространение новодельных медалей ничего криминального в себе не заключало, и поэтому какая-либо конспирация в данном случае не имела бы смысла), зато имеются ясные указания на роль в этой затее Канкрин. Так, в письме управляющего Департаментом горных и соляных дел Е. В. Карнеева князю А. Б. Куракину от 10 декабря 1825 г. прямо сказано, что полученная им медаль

в память рождения Константина «приготовлена на Монетном дворе по приказанию г. министра финансов собственно для Вашего сиятельства» [14, с. 209].

Нам представлялось, что документальные свидетельства достаточно убедительны, но если это не так, то в дополнение к ним можно привести и другие соображения. Новодельные медали, о которых идет речь, чеканились только в бронзе. Почему? Объясняется это просто. Е. Ф. Канкрин не был (во всяком случае в 1825 г.) особенно богат: он не владел наследственными именьями, не занимался казнокрадством, не брал взятки, жил, имея шестерых детей, на министерский оклад и высочайшие пожалования. Отсюда его ставшая для современников притчей во языцех бытовая скупость (которую он, между прочим, не без успеха переносил и на расходование государственного бюджета). Поэтому раздавание им за свой счет бронзовых медалей никого не могло шокировать. Но невозможно вообразить, чтобы задача раздача высшим сановникам империи бронзовых медалей происходила по повелению «из дворца». Когда в марте — июне 1826 г. по повелению «из дворца» раздавались памятные медали на смерть Александра I, то бронзовые медали давали только нижним чинам, которые несли караул у гроба; офицеры, чиновники и даже «ближайшая прислуга» покойного получили медали в серебре, а высшие сановники (в их числе и А. Б. Куракин) — в золоте [15].

Еще одним доводом «в пользу» Канкрина является та оплошность, которая была допущена при раздавании злополучных медалей на рождение Константина и Александра: сначала чеканились и раздавались медали только на рождение Константина, потом обнаружилось, что допускается бесптактность, и к ним стали прибавлять медали на рождение Александра. Николай или Мария Федоровна никогда такую оплошность не допустили бы, а неуклюжий в придворных делах Канкрин мог.

В соответствии со своей гипотезой В. А. Калинин дает новую трактовку вопроса о судьбе шестого экземпляра рубля с гуртовой надписью, которого не оказалось в министерстве финансов при рассекречивании рублей в 1878 г. Как известно, есть две версии по этому вопросу: версия академика Академии наук СССР В. Л. Янина, согласно которой пропавший экземпляр присвоил сам Е. Ф. Канкрин, и версия автора данных строк, считающего более вероятным присвоение этого экземпляра Д. Ф. Кобеко. Отвергая обе версии, В. А. Калинин против приводившихся в их обоснование доводов возражений фактически не выдвигает, ограничившись замечанием, что во второй версии «не совсем понятны мотивы похищения константиновского рубля... выходит, что Д. Ф. Кобеко ...похитил константиновский рубль ... только для того, чтобы через два десятилетия не без труда избавиться от этой слишком известной монеты» [1, с. 102].

Это замечание вызывает некоторое недоумение, потому что мотивы, которыми мог руководствоваться Кобеко, понять не так уж и трудно: будучи собирателем различных раритетов [16], он мог стремиться к обладанию засекреченным рублем вовсе не для того, чтобы избавиться от него (сделать это его могли заставить лишь позднейшие обстоятельства), а чтобы иметь в своем собрании редкий исторический памятник. Иначе говоря, он мог руководствоваться теми же мотивами, что и Я. Я. Рейхель, который более 30 лет владел своим экземпляром тайно, не осмеливаясь его никому показывать.

Рассмотрим, однако, собственную версию В. А. Калинина. Он считает, что один экземпляр рубля «Е. Ф. Канкрин должен был представить инициаторам поспешных «приготовлений» — Николаю или Марии Федоровне, чтобы отчитаться о выполнении порученного ему важного задания. Такой отчет мог состояться 13 декабря, когда во дворце ожидалось чрезвычайное заседание Государственного совета, на котором Николай провозгласил себя императором. Может быть, вопрос о Константиновском рубле был затронут ... во время первого официального доклада министра финансов новому императору 16 декабря» [1, с. 120—121]

Само по себе предположение, что Канкрин мог отдать один экземпляр рубля Николаю, представляется интересным и заслуживающим внимания. Конечно, ни о каков

докладе Николаю перед заседанием Государственного совета 13 декабря не может быть и речи: Николай в эти часы с величайшим нетерпением ожидал приезда великого князя Михаила, который мог оказать ему существенную помощь в воцарении, лихорадочно раздумывал, выходить ли в Совет без Михаила, затем, решившись идти, «добрых полчаса», как свидетельствует Мария Федоровна, в страхе божьем вместе с матерью и женой молился [10, с. 21, 87, 95]. Тут не до заслушивания каких бы то ни было докладов Канкрин. Но 16 декабря министр финансов делал первый доклад Николаю, во время которого представил образцы находящихся в обращении золотой и серебряных монет и испрашивал повеления, чеканить ли впредь монеты в прежнем виде или с портретом императора [17]. Разве не мог он в ходе этого доклада показать Николаю один экземпляр константиновского рубля не в качестве отчета о выполнении «важного задания», как считает В. А. Калинин, а в плане покаяния в своем непредвиденном «прегрешении»? И разве нельзя предположить, что Николай оставил эту монету у себя? Абстрактно рассуждая, это, по-видимому, вполне могло быть. Но чтобы такая версия превратилась в предположение более или менее вероятное, нужно ответить по крайней мере на два вопроса.

Во-первых, почему педантичный Е. Ф. Канкрин не оставил в пакете с пятью засекреченными рублями никакого документа

о передаче одного экземпляра императору? В ходе рассекречивания рублей министр финансов С.А. Грейг оставил записи о выданных по указанию Александра II экземплярах, в том числе и оставленном императором для себя. Но если это делалось при рассекречивании, то почему не было сделано при засекречивании? Позднейшее хищение такого документа следует исключить, так как лица, имевшие доступ к секретному архиву, никакой выгоды из этого извлечь не могли. Ответа на этот вопрос в статье нет.

Во-вторых, куда же могла деться эта монета? Оговорившись, что «следствие об этом исчезнувшем экземпляре нельзя считать законченным», В. А. Калинин тем не менее считает возможным «пунктиром обозначить вероятный путь» этой монеты: «Медальная палата Монетного двора — Министерство финансов — Зимний дворец — Варшава — ? — аукцион 1898 г. во Франкфурте-на-Майне» [1, с. 121]. Так как никаких объяснений при этом не дается, вопросительный знак напрашивается не только между Варшавой и аукционом 1898 г., но и применительно к самой Варшаве. В самом деле, зачем Николаю потребовалось отправлять рубль в Варшаву, нанося этим обиду Константину? Это совершенно не вяжется со всем стилем лицемерных взаимоотношений в царской семье, а особенно — отношением Николая к Константину. Кроме того, появляется масса других вопросов. Выдвигая эту версию, В. А. Калинин счел

возможным, впрочем, не подавать ее как достоверный факт: «Детальное обоснование такой версии, — замечает он, — нуждается, естественно, в дополнительном исследовании». В этом он прав.

Нам представляется, что в своей статье В. А. Калинин пошел не от анализа конкретной ситуации каждого дня междоусарствия, а от гипотетически выстроенной логической схемы, выборочно подкрепляя ее всем, что могло бы, по его мнению, работать на нее, и оставляя без внимания все, что ей не соответствует, включая документальные данные, свидетельства современников и мнения многих авторитетных историков. С таким методическим подходом согласиться трудно.

1. Калинин В. А. Константиновский рубль и междоусарствие 1825 г. // Нумизматика в Эрмитаже. Сборник научных трудов. — Л., 1987

2. ПСЗ (1). — Т. 24.

3. В 1797 г. Сенат опубликовал его под длинным и неопределенным названием: «Акт, высочайше утвержденный в день священной коронации его императорского величества, и положенный для хранения на престоле Успенского собора».

4. Хотя в «Учреждении...» совершенно ясно было определено, что титул цесаревича «принадлежит одному, объявленному всенародно, престолу наследнику»^{6*}

(в соответствии с этим его носил Александр), в 1799 г Павел издал манифест, которым «во мзду и вящее отличие» пожаловал титул цесаревича Константину не найдя нужным при этом даже упомянуть об «Учреждении...». Историк Е. П. Карнович считал, что тем самым император Павел Петрович как бы отменял изданное и прочитанное им при коронации. 5-го апреля 1797 года, «Учреждение об императорской фамилии»...» (Карнович Е. П. Цесаревич Константин Павлович. — СПб., 1899. — С. 74). По-видимому, «как бы отменял» это слишком сильно сказано, но что Павел продемонстрировал тем самым свою решимость не считаться с им же изданными законами — это бесспорно.

5. Эйдельман Н. Я. Грань веков. — М., 1982.

6. ПСЗ (1). — Т. 6. — № 3534.

7. ПСЗ (1). — Т. 26. Характерно, что в 1825 г. Константин, узнав о принесении ему присяги, послал 3 декабря отношение председателю Государственного совета князю П. В. Лопухину, в котором в самых резких выражениях обвинил его и весь Совет в нарушении присяги Александру I, ибо они клялись в верности наследнику, который будет назначен, а из манифеста Александра от 16 августа 1823 г. стало известно, что наследником назначен Николай (Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I. — 3-е изд. — СПб., 1857. — С. 207 — 210). Это же обвинение содержалось в тот же день отправленном письме Константина министру юстиции Д. И. Лобанову-Ростовскому.

8. ПСЗ (2). — Т. 1.

9. Василич Г. Император Александр I и старец Федор Кузьмич. — 2-е изд. — М., 1910.

10. Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов в переписках и мемуарах членов царской семьи. — М.-Л., 1926.

11. Сложившееся позднее обманчивое представление о неизбежности павловского закона о престолонаследии сформировалось под влиянием того, что Николай I включил его принципы (а также право наследника на отречение) в «Свод основных государственных законов» (Свод законов Российской империи, 1857 г. — Т. I. — Ч. I. — С. 2 — 4), а также в связи тем, что начиная с Николая I ни у кого из самодержцев длительное время не было ни желания, ни необходимости эти принципы нарушать, в результате чего трон спокойно переходил от отца к старшему сыну (воцарение Александра II, Александра III и Николая II). Однако убежденность в своем праве не считаться с этими принципами русские цари сохранили за собой до конца. Когда представители Государственной думы А. И. Гучков и В. В. Шульгин ехали принимать отречение Николая II, они везли с собой проект манифеста об отречении в пользу законного наследника цесаревича Алексея. Император заявил им, что до трех часов дня думал передать престол сыну, но потом решил отречься в пользу брата Михаила, что и было сделано (Шульгин В. В. Дни. — Л., 1925. — С. 177).

12. Ключевский В. О. Сочинения. — М., 1958. — Т. 5.

13. Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года. — М.-Л., 1926.

14. Бартошевич В. В. Константиновский рубль// Вопросы истории. — 1976. — № 7.

15. ЦГИА СССР. — Ф. 37. — Оп. 17. — Д.1119. — Л. 74 — 75.

16. В исследовании Т. О. Соколовой «Капитул

Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778— 1822 гг.)» приведены интересные фотографии масонских реликвий, находившихся в собрании Д. Ф. Кобеко (Вестник императорского общества ревнителей истории. Пг., 1915. Вып. II. С. 248, 253). Заметим попутно, что цесаревич Константин до запрещения лож в 1822 г. был масоном.

17. Подробнее об этом: Бартошевич В. В. Об одном спорном вопросе в истории константиновского рубля//Тр. ГИМ. — М., 1980. — Вып. 53. — С. 88—89.

В.А.Калинин

**ИЗ ИСТОРИИ
СОЗДАНИЯ
ШТЕМПЕЛЕЙ
КОНСТАНТИНОВСКОГО
РУБЛЯ**

В Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа сосредоточена большая часть «архива» константиновского рубля [1, с. 64 — 65]. Сохранилась переписка дирекции музея с Министерством финансов, представляющая некоторый интерес для истории создания этого «архива». Так, 6 июня 1879 г. директор Эрмитажа А. В. Васильчиков обратился к министру финансов С. А. Грейгу с просьбой о передаче обнаруженных в канцелярии министра пробных монет: «...Вашему Высокопревосходительству известно, что при Императорском Эрмитаже имеется замечательный Нумизматический отдел. Особенно богато собрание Русских медалей и монет, но к сожалению многого в нем не достает. Так например у нас не имеется в подлиннике известного Константиновского рубля, а только оловянный отпечаток с онаго, а также подделанный в Париже серебряный экземпляр. Известно, что после кончины Государя императора Александра Павловича было 6 рублей с изображением Цесаревича Константина Павловича. Один из этих рублей попал в собрание покойного нумизмата Шуберта, а

от него перешел к графу Ивану Ивановичу Толстому, — другие пять хранятся в вверенном Вашему Высокопревосходительству Министерстве. Так как существование этих пяти рублей не представляет уже тайны ибо о них знают не только Русские, но и иностранные нумизматы, и так как один экземпляр имеется даже в частной коллекции, то решаюсь обратиться к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшею просьбою испросить Высочайшее разрешение о передаче имеющихся в Министерстве финансов 5-ти Константиновских рублей в Нумизматический отдел Императорского Эрмитажа» [2, л. 1 — 22].

В ответном письме от 19 июля С. А. Грейг сообщил А. В. Васильчикову о решении царя: «...Я имел счастье поверить на Высочайшее Государя Императора благоусмотрение ходатайство Вашего Превосходительства, изложенное в письме ко мне... Его Величество разрешить соизволил передать в Нумизматический отдел Императорского Эрмитажа один экземпляр Константиновского рубля... Препровождая Вам экземпляр означенного, прошу о получении онаго уведомить». На письме Грейга имеется расписка хранителя коллекции русских монет и медалей: «Константиновский рубль принял. А. Куник. 23 Июня 1879 г.» [2, л. 17].

Приведенные нами письма любопытны во многих отношениях. Во-первых, они свидетельствуют о некоторой таинственности;

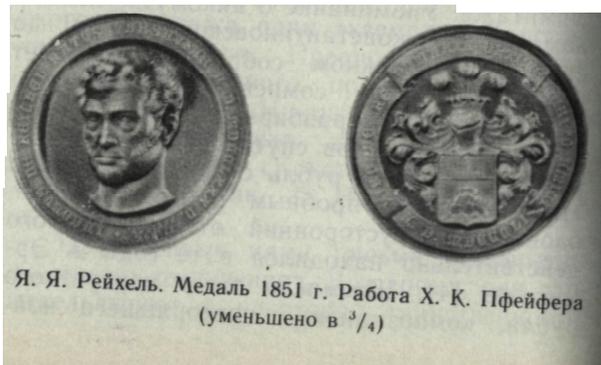
под покровом которой произошло рассекречивание материалов константиновского рубля. В самом деле, ведь даже такой высокопоставленный чиновник, как директор Эрмитажа, ничего не знал о том, что к тому времени четыре экземпляра константиновских рублей покинули навсегда Канцелярию министра финансов. Во-вторых, в письме директора Эрмитажа уже достаточно четко отражено представление, сложившееся в кругу крупнейших петербургских нумизматов за несколько лет до публикации книги великого князя Георгия Михайловича (1886 г.), о чеканке в декабре 1825 г. шести константиновских рублей, один из которых каким-то образом избежал конфискации на Монетном дворе и длительного пленения в Министерстве финансов [3, с. 25].

И, наконец, последнее: в письме А. В. Васильчикова говорится об оловянном отпечатке, якобы хранившемся в собрании Эрмитажа. Упоминание о никому не известном оттиске константиновского рубля, да еще в эрмитажном собрании, вызывает вполне понятное сомнение. Видимо, не очень-то хорошо разбиравшийся в нумизматике Васильчиков спутал в своем письме константиновский рубль с так называемым «рейхелевским» пробным рублем 1827 г., оловянный двусторонний оттиск которого действительно находился в те годы в Эрмитаже [4]. Штемпели этого портретного рубля, композиционно повторявшего кон-

«Рейхелевский» рубль Николая I 1827 г.

стантиновский рубль 1825 г., еще до закалки были отвергнуты Николаем I и хранились в штемпельном архиве Петербургского монетного двора, пока в начале 70-х годов ими не началась чеканка новоделов для коллекционеров. Кстати сказать, в том же 1879 г. по заказу А. В. Васильчикова для собрания Эрмитажа на Монетном дворе было отчеканено шесть новоделов этого пробного рубля [2, л. 15].

Я. Я. Рейхель. Медаль 1851 г. Работа Х. К. Пфейфера
(уменьшено в $\frac{3}{4}$)

В 1884 г. директор Эрмитажа вновь обратился с просьбой о передаче в музей штемпелей константиновского рубля, все еще оставшихся в Министерстве финансов. Свое ходатайство он мотивировал следующими соображениями: «В 1879 г. вследствие моего представления, с высочайшего соизволения, передан был из Министерства финансов в Нумизматический кабинет Императорского Эрмитажа один из 5-ти экземпляров Константиновского рубля, хранившихся в архиве означенного министерства. В архиве до сих пор хранятся железные штемпели, которыми выбиты были эти рубли, и несомненно может быть подтверждена подлинность могущих еще оказаться рублей. В виду особенной редкости и важности, которую таким образом представляют эти штемпели, я считаю долгом почтительнейше просить... об исходатайствовании Высочайшего соизволения на передачу оных в Нумизматический кабинет Императорского Эрмитажа». Новый император, Александр III, благожелательно отнесся к просьбе А. В. Васильчикова, и 6 октября 1884 г. штемпели константиновского рубля были доставлены в Эрмитаж. На сопроводительном письме канцелярии министра финансов хранитель Отдела нумизматики расписался: «Два dokonченных и четыре начатых штемпеля получил, Ю. Иверсен» [2, 1884, д. № 25, л. 1—3].

Министерский комплекс, поступивший в музей по частям, не оставил почти никаких следов в документации Отдела нумизматики. В книге поступлений эрмитажного мюнц-

кабинета за 1870 — 1880 г. отсутствует даже запись о поступлении в собрание русских монет константиновского рубля, не говоря уже о штемпелях. Впервые эта редчайшая монета фигурирует в рукописном каталоге монет конца XVIII — первой четверти XIX в., составленном В. Я. Криваксиным после публикации соответствующего тома фундаментального каталога русских монет императорского периода. Здесь были описаны все известные к тому времени экземпляры константиновского рубля. Много позднее, уже в советское время, на чистой стороне листа каталога Криваксина А. А. Ильин записал под литерными номерами находившиеся в собрании подделок рубль Трубецкого и оловянные оттиски, а И. Г. Спасский включил штемпели и проектные рисунки [5].

Хранящийся ныне в Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа комплекс включает следующие материалы:

проектные рисунки обеих сторон пробной монеты;

три пары штемпелей разной степени готовности;

семнадцать оловянных оттисков, полученных в процессе работы над штемпелями; эрмитажный экземпляр константиновского рубля.

Без особого преувеличения этот комплекс можно назвать уникальным. Не будь он конфискован в чрезвычайных обстоятельствах декабря 1825 г., едва ли что-нибудь подобное сохранилось бы даже в богатом штемпельном архиве Петербургского монет-

ного двора. Между тем сколько-нибудь полной публикации указанных материалов по настоящему времени не предпринималось, хотя потребность в ней назрела давно. рассматриваемый комплекс дает редкую возможность проследить почти все этапы работы медальеров над штемпелями пробной монеты, а также выявить некоторые технические особенности в чеканке константиновских рублей. Все это вызывает особый интерес в связи с публикацией В. В. Бартошевича, разыскавшего в фондах бывшего Департамента горных и соляных дел новые, неизвестные ранее исследователям архивные документы, позволившие заполнить многие белые пятна в истории константиновского рубля [6, с. 206 — 213]. Кроме того, полное издание материалов константиновского рубля поможет разобраться с многочисленными подделками этой раритетной монеты, время от времени появляющимися на антикварном рынке как в нашей стране, так и за рубежом [7].

Проектный рисунок константиновского рубля лицевой и оборотной сторон.

Рассмотрение эрмитажного комплекса следует начать с описания проектных рисунков константиновского рубля. Проектные рисунки портретной и гербовой сторон вычерчены в натуральную величину на отдельных листах пергамента размером 130 X 100 и 122 X 111 мм. Рисунок портретной стороны имеет традиционную для крупных серебряных монет XVIII — XIX в. композицию — развернутое вправо профильное изображение императора в сопровождении круговой надписи: «Б. М. КОНСТАНТИН I ИМПЕРАТ. И САМ. ВСЕРОСС». Поле монетного кружка обрамлено «рантиком» из городков, переходящим в сплошной выпуклый ободок. Левая часть рисунка, начиная от затылка Константина и до переднего обреза шеи, покрыта легкой штриховкой. Более выразительна композиция оборотной стороны, на которой государственный герб России, — двуглавый орел с буквами С.П.Б. под хвостом, вписан в круглый лавровый венки, перехваченный по всем осям перекрещивающимися лентами. В пространстве между венком и ободком из городков начертана круговая надпись: «РУБЛЬ ЧИСТАГО СЕРЕБРА 4 ЗОЛОТИ: 21 ДОЛЯ.». Номинал пробной монеты — слово «РУБЛЬ» — выделен более крупными буквами. Ободок из городков над этим словом разорван.

При достаточно профессиональном исполнении проектных рисунков удивление вызывают ошибки, допущенные художником в надписях на лицевой и оборотной сторонах.

Так, имя императора «КОНСТАНТИН» написано без полагавшегося по орфографии того времени твердого знака (Ъ) после конечной согласной «Н», зато твердым знаком почему-то заканчивается слово «РУБЛЬ». Подобная ошибка встречается в надписях на некоторых проектных рисунках новой серии монет, представленной Министерством финансов в 1826 г. на утверждение Николаю I [8, с. 186—187].

Автором проектных рисунков константиновского рубля издавна и не без основания считается медальер Петербургского монетного двора Я. Я- Рейхель. Ему же приписывалось и создание единственной законченной пары штемпелей константиновского рубля. Документы из архива Петербургского монетного двора подтверждают, что Рейхеля действительно часто привлекали к работе, связанной с подготовкой проектных рисунков новых русских монет. Например, в 1829 г. он выполнил рисунок шестирублевой платиновой монеты (к «двойному платиннику»), в 1831 г. — рисунки «серебряной и золотой монеты с изображением орла, как на платиновой». Позднее Рейхель консультировал художников Петербургского монетного двора, разрабатывавших проектные рисунки новых серий монет [9, с. 260 — 263].

И. Г. Спасский обратил внимание на любопытный факт, правда, лишь косвенно подтверждающий причастность Рейхеля к работе по созданию рисунков константиновского рубля. Как уже указывалось,

проектные рисунки константиновского рубля выполнены на двух разных по размеру листах пергамента, тогда как обычно подобные рисунки выполнялись на плотной чертежной бумаге и, как правило, по несколько рисунков на одном листе. На пергаменте же в первой половине XIX в. печатались марки Российско-американской компании. Печатала их, как известно, Экспедиция заготовления государственных бумаг, техническим руководителем которой с 1819 г. являлся Рейхель [10, с. 159—168; 11, с. 193 — 202; 12, с. 10—18]. Выполняя срочный заказ министра финансов Е. Ф. Канкрин, он вполне мог воспользоваться более или менее подходящими для этой цели обрезками пергамента у себя в экспедиции. Наспех выполненные и еще не совсем законченные Рейхелем рисунки представляли собой лишь эскизы пробной монеты. Для представления министру финансов их следовало перенести на бумагу и раскрасить, однако в спешке тех дней на эту работу, видимо, уже не осталось времени.

Утверждавший проектные рисунки Е. Ф. Канкрин, вероятно, распорядился внести в них необходимые поправки, хотя, может быть, окончательную «редакцию» они получили в Медальерной палате. Но как бы там ни было, на двух портретных штемпелях надписи вырезаны совершенно одинаково — в несколько сокращенном по сравнению с проектным рисунком виде и, разумеется, без ошибок: «Б. М. КОНСТАНТИНЪ I ИМП.

И САМ. ВСЕРОСС». В нижней части монетного кружка, под обрезом шеи императора, вырезана отсутствующая в проектном рисунке дата — «1825». Некоторые изменения были внесены в композицию оборотной стороны: круговая легенда развернута так, что слово «РУБЛЬ», расположенное в проектном рисунке в верхней части монетного кружка, над императорской короной, на штемпелях оказалось в самой его нижней части — под хвостом двуглавого орла.

Штемпели константиновского рубля представляют собой стальные массивные болванки весом до 3 кг и приблизительно одинаковой формы. Выкованные в фигурной кузнечной форме, они имеют в основании восьмигранное сечение, причем четыре широких грани чередуются с четырьмя более узкими. Верхняя часть каждой штемпельной болванки срезана на конус таким образом, что при переходе от боковых граней к рабочим поверхностям штемпелей образуется откос под углом 35 — 40 градусов. Основания, откосы и рабочие поверхности штемпельных болванок обработаны на токарном станке. Боковые грани штемпельных болванок сохранили фактуру поковки.

Конструктивно штемпели константиновского рубля состоят из следующих основных деталей.

1. Собственно штемпеля, выточенного на верхнем торце штемпельной болванки и

возвышающегося над ним на 4 — 5 мм. На его рабочей поверхности медальер вырезал элементы монетной композиции.

2. Шейки штемпеля — хорошо отполированной боковой окружности штемпеля. В процессе чеканки шейки верхнего и нижнего штемпелей с минимальным зазором входили в печатное кольцо, внутренняя полированная поверхность которого окончательно формировала гурт будущей монеты.

3. Плечиков штемпеля — широкой кольцевой площадки между шейкой штемпеля и откосом штемпельной болванки. При нажиме верхнего штемпеля на монетный кружок плечико служило упором для печатного кольца, ограничивая таким образом силу давления штемпелей.

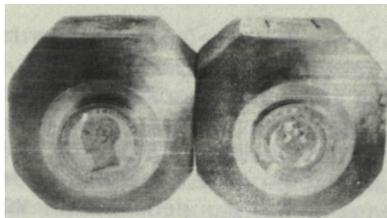
4. Откосов штемпельной болванки, облегчающих любые манипуляции с печатным кольцом — его установку и выемку в процессе чеканки.

5. Самой штемпельной болванки, нижняя часть которой крепилась в коробке монетного пресса.

Забегая вперед, отметим немаловажную конструктивную особенность штемпелей константиновского рубля. Дело в том, что портретные и гербовые штемпели этой монеты имеют совершенно одинаковую высоту шеек — не более 4 или 5 мм, тогда как обычно в паре монетных штемпелей высота шейки нижнего (гербового) почти в два раза

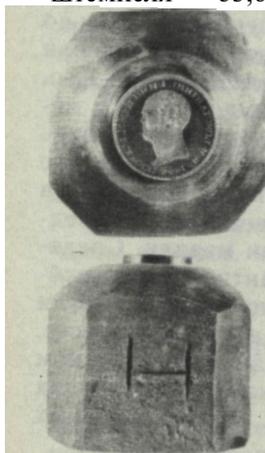
превышает высоту шейки верхнего (портретного). В сказанном легко убедиться, сравнив штемпели константиновского рубля со штемпелями, например пробной полтины 1845 г. с портретом Николая I из собрания ОН ГИМ, не говоря уже о серийных монетных штемпелях XIX в., небольшая коллекция которых сохранилась в ведомственном музее Ленинградского монетного двора [13]. Причина различной высоты шеек монетных штемпелей заключается в том, что прессы для чеканки монет с начала XIX в. оснащались специальным пружинным механизмом, автоматически поднимающим и опускающим скользившее по более длинной шейке нижнего штемпеля печатное кольцо любой конструкции — гладкое, рифленое или разъемное, как у прессов Болтона-Дро. Одинаковую высоту шеек имели только медальные штемпели, которые устанавливались в ручных прессах; в этом случае печатное кольцо всякий раз вручную надевалось на нижний штемпель перед чеканкой очередного экземпляра монеты или медали. Следовательно, штемпели константиновского рубля, судя по одинаковой высоте шеек, могли быть установлены только в ручном прессе, который использовался на Петербургском монетном дворе для чеканки небольших серий медалей, пробных и новодельных монет [14, с. 118—120].

Ниже дается подробное описание штемпелей константиновского рубля (все размеры указаны в мм).

Здесь и далее все изображения штемпелей уменьшены в 2 раза.

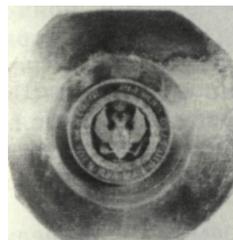
Портретный штемпель первой пары: общая высота — 76, высота штемпеля — 4, высота откоса — 15; размеры основания — 80X80, диаметр плечика — 63, диаметр шейки штемпеля — 35,6; ширина боковых граней — 47 (широкой) и 27 (узкой).

На одной из широких граней, нижней по отношению к портрету, с помощью зубила начертана довольно крупная буква «Н». Слева от портрета, на ребре откоса и широкой боковой грани, вероятно, тем же зубилом нанесена глубокая зарубка. На всех широких гранях видны косо расположенные глубокие вмятины — следы крепления штемпельных болванок либо в патроне токарного станка,

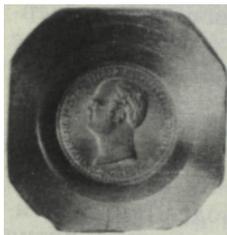
либо в гнезде коробки пресса. Кроме того, на двух широких гранях просматриваются вмятины характерного сетчатого рисунка,

оставленные губками слесарных тисков. Сохранность штемпеля довольно удовлетворительная, за исключением небольших пятен коррозии на матовой поверхности заглубленных участков на щеке и на подбородке портрета Константина, появившихся вследствие неблагоприятных условий хранения в годы эвакуации эрмитажного собрания. К слову сказать, этот «благоприобретенный» признак начисто исключает возможность когда-либо отчеканить новодел константиновского рубля, поскольку «родимые» пятна коррозии непременно проявятся на монетном кружке.

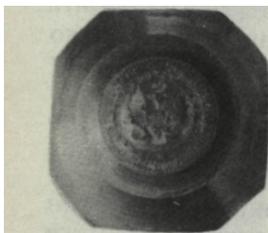

Гербовый штемпель первой пары: общие размеры штемпельной болванки полностью соответствуют размерам вышеописанного штемпеля с той лишь разницей, что диаметр шейки составляет 35,5 мм. Буква «Н» выбита на верхней широкой грани относительно двуглавого орла, а справа от него, на закраине откоса, зубилом нанесены две метки. Следы крепления штемпеля заметны только на одной широкой грани, зато на двух узких гранях хорошо просматриваются неглубокие кольцевые вмятины. Полированный фон штемпеля слегка коррозирован на участке около императорской короны. Необходимо отметить, что оба штемпеля первой пары — портретный и гербовый — до сих пор сохра-

няют отчетливые следы термической обработки, которой они подверглись в процессе закалки.

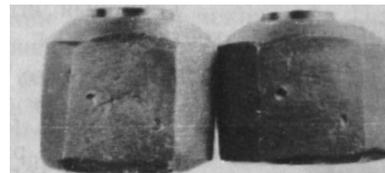
Портретный штемпель второй пары: общая высота — 67, высота штемпе-ля — 4, высота откоса — 10; основание штемпель-ной болванки — 72 X 71, диаметр плечика — 50, шейки штемпе-ля — 35,8; ширина боковых граней — 41—40 (широкой) и 22—20 (узкой). Буква «Н» выбита на широкой грани справа от портрета. Внизу под портретом прямо на поверхности откоса процарапаны три длинных, но неглубоких риски. Косо поставленные вмятины хорошо видны на всех четырех широких гранях штемпельной болванки. Фон штемпе-ля отшлифован, повреж-дений и коррозии на его рабочей поверх-ности нет.

Гербовый штемпель второй пары: общая высо-та — 63, высота штемпе-ля — 3,7, высота откоса — 7—10; размеры основания и ширина граней штем-пельной болванки — такие же, как и у портретного штемпе-ля; диаметр от-коса — 49, диаметр шейки штемпе-ля — 35,9. Буква «Н» выбита на широкой грани под орлом. Справа от него, на ребре

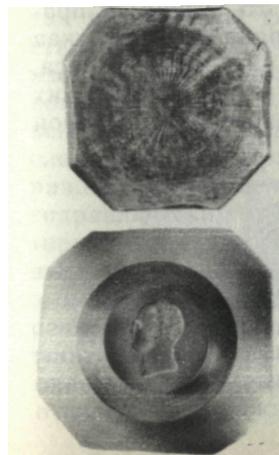

откоса, зубилом нанесено шесть глубоких зарубок. На всех широких гранях сохрани-лись глубокие косо расположенные вмятины.

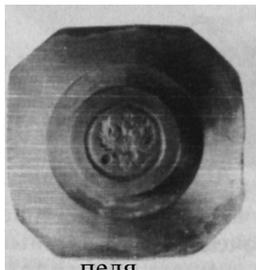

Штемпель полностью не закончен — на рабочем поле видны, впрочем, едва заметные риски квадратной сетки, сделанные медаль-ером для разметки штем-пе-ля. Отсутствует также прямая штриховка на щитке Московского гер-ба с изображением Ге-оргия Победоносца.

Портретный штем-пель третьей пары: об-щая высота — 68, высо-та штемпе-ля — 3,9, вы-сота откоса — 7 — 12; размеры оснований — 83 X 83, диаметр плечи-ка — 55, диаметр шейки штемпе-ля — 35,6; боко-

вые грани — 49 (широкая) и 23 (узкая). Под портретом, на ребре откоса, имеются четыре глубокие зарубки, сделанные зубилом. Буква «Н» и вмятины на широких гранях отсутствуют, зато на всех узких гранях хорошо заметны кольцевые вмятины. На штемпеле вырезан только портрет, сохранилась разметочная сетка. Нижняя часть рабочего поля штемпеля отмечена небольшим пятном коррозии.

пеля

Гербовый штемпель третьей пары: общая высота — 76, высота штемпеля — 4, откоса штемпельной болванки — 10—12; размеры основания — 85 X 81, диаметр откоса — 51, диаметр шейки штемпеля — 35,7; боковые

грани — 49 (широкая) и 25 (узкая). Справа от орла, на широкой грани, выбита буква «Н». Слева от орла, на ребре откоса, имеется пять нанесенных зубилом глубоких зарубок. На боковых гранях штемпельной

болванки видны только кольцевые вмятины (на узких гранях). На штемпеле вырезано лишенное деталей изображение двуглавого

орла и только намечен заглубленный валик для лаврового венка. Хорошо заметна разметка рабочего поля штемпеля, особенно — глубокие осевые линии.

Рассматривая штемпели константиновского рубля, следует сразу оговорить, что речь идет о штемпелях пробной — «образцовой» — монеты, которые отличаются некоторыми существенными особенностями от обычных монетных штемпелей, употреблявшихся при массовой чеканке на Петербургском монетном дворе. В этой связи представляется целесообразным затронуть вопрос о технологии изготовления монетных штемпелей в интересующее нас время. Достаточно полное представление о ней дает статья горного инженера А. Белозерова «О приготовлении на С.-Петербургском монетном дворе монетных и медальных штемпелей» [15, с. 333—342]. Сначала медальер готовил так называемую форму, вырезая на торце стального стержня заглубленное зеркальное изображение наиболее крупной детали монетной композиции — портрета правителя или вензеля, государственного герба и т. п. На следующем этапе работы заглубленное изображение с закаленной формы под мощным гидравлическим прессом переводилось в торец маточника, где оно выдавливалось в виде выпуклого позитивного оттиска. При этом рабочая поверхность маточника намеренно вытачивалась слегка сферической для того, чтобы форма плотно обжимала выпуклые участки рабочего поля маточника. Этот

довольно простой технический прием заметно облегчал перевод изображения с формы на маточник, препятствуя излишней деформации металла на рабочей поверхности последнего. После правки и закалки маточника его рельефное изображение опять-таки с помощью гидравлического пресса переводилось на штемпели, оставляя на их рабочих поверхностях заглубленные негативные оттиски. Затем медальер уже вручную набивал литерными и цифровыми пунсонами надписи, дату и прочие необходимые обозначения на каждом тиражированном штемпеле. Последняя операция заключалась в шлифовке, закалке и полировке, после которых готовые штемпели поступали в монетный отдел [16, с. 34—35]. Подобная комбинированная технология, сочетавшая в себе тиражирование основных элементов монетной композиции с ручными операциями по их доводке, значительно упрощала и удешевляла массовое производство монетных штемпелей [17].

Совершенно иначе изготавливались штемпели медалей и монет, выпускавшиеся небольшими сериями. До начала 1860-х годов, когда на Петербургском монетном дворе были освоены специальные копировальные станки, штемпели медалей, новодельных и пробных монет от начала и до конца вырезались вручную [18, с. 67—75].

Технология производства монетных и медальных штемпелей, а также организация труда медальеров подробно отражены в документах Медальерной палаты Петер-

бургского монетного двора, подборка которых за 1819—1820 гг. хранится в библиотеке Отдела нумизматики Эрмитажа [19]. Судя по отчетным ведомостям за 1819—1820 гг., в штате Медальерной палаты официально числилось 29—30 человек: 10 медальеров, 4 художника, 5 подмастерьев и 8 учеников. Но фактически в ней насчитывалось не более 25 человек, исключая давно не работавшего главного медальера К. А. Леберехта, а также только номинально состоявших в штате Ф. П. Толстого и Я. Я. Рейхеля, откомандированного на длительный срок Ф. Лялина, часто и подолгу болевших И. Шилова и П. Скобина.

По отчетам можно проследить, какими именно конкретными работами был занят персонал Медальерной палаты на протяжении двух указанных лет. Разумеется, самые ответственные задания, требовавшие высокой квалификации и опыта, выполняли медальеры и художники. Так, медальер В. Алексеев в январе 1819 г. «занимался монетными формами и матошниками», в марте того же года делал «для золотой монеты формы и матошники», в апреле изготовил «форму для десятикопеечного словесника», а в ноябре—декабре «был занят по особенному делу» — вырезал штемпели для чеканки «лобанчиков». В январе все того же 1819 г. медальер Н. Акорчев «занимался монетными штемпелями и набивкою катков для вереек», т. е. изготовлением инструмента для гурчения монет-

ных кружков. Художники И. Гайдуков, Г. Ни-
коленко, Д. Бехтер в течение почти всего 1819 г.
регулярно занимались вырезанием «истори-
ческих штемпелей на место поврежденных».

Вспомогательной, чисто технической ра-
ботой были заняты не имевшие чинов
«нижние служители» Медальерной палаты.
В их обязанности входило выполнение тру-
доемких операций по переводу изображений
с маточников на штемпели, набиванию пунсо-
нами заглубленных надписей и дат, на-
бивке на медальных и монетных штемпелях
«рантов», т. е. заглубленных ободков по ок-
ружности штемпеля. Окончательная отдел-
ка готовых штемпелей (шлифовка и полиров-
ка после закаливания) возлагалась на учени-
ков. Подмастерья и ученики занимались так-
же изготовлением несложного инструмента
для медальеров и художников — выре-
занием литерных, цифровых и мелких фи-
гурных пунсонов. В частности, в отчетах
за февраль—март 1819 г. указано, что ученик
Казин «был занят переводом штемпелей и
деланием литер», а ученик Блюм «приучался
делать литеры».

Как можно убедиться, персонал Медаль-
ерной палаты выполнял самые разнообразные
заказы — от изготовления штемпелей
медалей, новодельных монет и медалей,
наградных знаков до вырезания пробирных
клейм и печатей по заказам различных
правительственных учреждений. Однако
главная задача занятых в палате медаль-
еров, художников и мастеров заключалась

в своевременном и бесперебойном обеспече-
нии всем необходимым инструментом золо-
того и серебряного переделов Петербург-
ского монетного двора. Объем производства
серийных монетных штемпелей, судя по
месячным отчетам Медальерной палаты, во
много раз превышал все прочие заказы.
Так, только за один 1819 г. в Медальер-
ной палате было вырезано 2 формы, из-
готовлено 3 маточника и 281 штемпель
для чеканки золотой монеты. Итоги этого
же года для серебряного передела выгля-
дят еще более внушительно: форм было выре-
зано 2, маточников и штемпелей изготовлено
соответственно 12 и 2396 штук.

В отчетах Медальерной палаты в первую
очередь раскрывается производственная сто-
рона ее деятельности: в ведомостях приведен
перечень заказов, расписано задание меда-
льерам, художникам, мастерам и учени-
кам, указан также объем производства за
каждый текущий месяц. Значительно меньше
сведений содержат они об организации
производства и об условиях труда персо-
нала Медальерной палаты. Пожалуй, только
анализ ведомостей учета рабочего времени
позволяет заключить, что продолжительность
занятости и интенсивность работы служащих
Медальерной палаты прямо зависели от
объема и срочности поступавших на Пе-
тербургский монетный двор заказов.

В рассматриваемой нами подборке сох-
ранился довольно любопытный документ,
озаглавленный следующим образом: «Список

по которому иметь дежурство в Медальерной палате Г. Г. Медальерам, Мастерам, подмастерьям и ученикам; приходиться на дежурство утром в 7 часов, а выходить в 3 часа пополудни. Обязаны дежурные наблюдать, что приказано будет от Старшего — в чем состоит дежурство». Далее следует поименный график дежурств шести смен на вторую половину 1823 г., подписанный старшим медальером Павлом Лялиным [20]. Из этого списка выясняется, что в Медальерной палате Петербургского монетного двора ежедневно, включая выходные и праздничные дни, находилась смена медальеров и технического персонала, выполнявшая особо срочные заказы, а также следившая за состоянием рабочего инструмента в монетном переделе — исправностью штемпелей, печатных колец и гуртильных вереек. Продолжительность таких дежурств, как это следует из пояснений к расписанию, составляла 8 часов в день, общее же их количество не превышало пяти-шести в месяц.

Возвращаясь к нашей теме, заметим в этой связи, что число дежурных смен на месяц полностью соответствует количеству портретных и гербовых штемпелей константиновского рубля. Можно предположить, что над его штемпелями трудились шесть подобных же смен, укомплектованных лучшими медальерами Петербургского монетного двора. А всего штемпелями пробной монеты с портретом Константина, учитывая различные вспомогательные операции — набивку надпи-

сей, точечного ободка, шлифовку, закалку и полировку — занималось не менее половины состава Медальерной палаты.

Опубликованные В.В.Бартошевичем архивные документы хорошо осветили общую картину работы по чеканке пробной монеты, в спешке осуществлявшейся на Монетном дворе в период с 6 по 12 декабря 1825 г. Для темы настоящей статьи исключительную ценность представляет донесение Е. И. Еллерса, отправленное в Министерство финансов Е. В. Карнееву 7 декабря 1825 г. Среди прочего в нем говорится о начавшихся накануне в Медальерной палате работах: «...относительно скорейшего приготовления штемпелей для образцового рубля по данным рисункам сделано вчерашнего 6 декабря следующее распоряжение: на трех штемпелях начали онаго числа вырезать портреты и на трех же реверс (герб). Штемпели сии отданы в разные руки для большего соревнования с тем, чтобы занимались день и ночь» [6, с. 208—209]. Казалось бы, донесение вардейна Монетного двора следует понимать однозначно: выданные медальерам заготовки штемпелей предполагалось в дальнейшем, по мере их готовности, компоновать в пары, чтобы затем выбрать наиболее удавшиеся для чеканки образцовой монеты. Однако в действительности работа над штемпелями константиновского рубля протекала совершенно иначе.

Во-первых, можно с большей долей уверенности говорить о том, что заготовки штем-

пелей распределялись среди медальеров заранее подобранными парами (см. описание трех пар штемпелей, приведенное выше). Так, размеры и вес штемпелей в одной паре приблизительно одинаковы, тогда как штемпели разных пар заметно различаются между собой. В частности, разница в весе первого и второго комплектов штемпелей составляет более килограмма, отличаются они и по основным размерам общей высоты, ширине боковых граней и т. д. Вероятно, в «соревновании» участвовали специально подобранные пары медальеров, в которых один из медальеров резал портретный штемпель, а его партнер вырезал гербовый.

Во-вторых, работы, начавшиеся в декабре 1825 г. в Медальерной палате, велись не сразу на всех парах штемпелей, а с определенными временными интервалами, когда единственный имевшийся на Монетном дворе комплект проектных рисунков передавался от одной пары медальеров к другой и так далее. На это определенно указывает различная степень готовности трех пар штемпелей, с одной стороны, и почти одинаковая степень завершенности портретного и гербового штемпелей каждой пары. На наш взгляд, Е. И. Еллерс, получив 6 декабря срочное задание министра финансов, специально распорядился поручить работу трем парам медальеров, чтобы избежать каких-либо случайностей. Так, если бы один из штемпелей был поврежден при вырезывании или закалке, пробная монета была бы

отчеканена следующей парой штемпелей.

Штемпели константиновского рубля помечены рисками, которые нанесены на боковых откосах штемпельных болванок зубилом или процарапаны каким-то режущим инструментом. В порядке очередности и соотношения портретной и гербовой сторон на штемпелях константиновского рубля имеется следующее число рисок: 1-я пара — 1:2, 2-я пара — 3:6, 3-я пара — 4:5. О назначении меток нетрудно догадаться — ими зафиксировано распределение штемпелей между медальерами. К сожалению, фиксация эта, будучи анонимной, не раскрывает нам их имен. Однако возникает заманчивое предположение: нельзя ли соотнести количество пометок на штемпелях с последовательностью упоминания имен медальеров и художников в списках штатного расписания Медальерной палаты, составлявшихся, несомненно, с соблюдением чиновной иерархии? По мнению Е. С. Шукиной, изложенному в статье настоящего сборника, авторами первой пары штемпелей константиновского рубля предположительно были Павел Лялин и Владимир Алексеев. Именно их имена в списках «чиновников и низших служителей Медальерной палаты за 1819—1820 гг.» обычно идут вслед за фамилией давно не работавшего медальера Карла Леберехта. Между тем штемпели первой пары помечены одной и двумя зарубками.

Хранящиеся в настоящее время в Эрмитаже 17 оловянных оттисков соотносятся со следующими штемпелями:

портретный штемпель первой пары представлен девятью оттисками, гербовый штемпель этой же пары насчитывает пять оттисков;

портретный штемпель второй пары представлен всего одним оттиском, а гербовый — двумя;

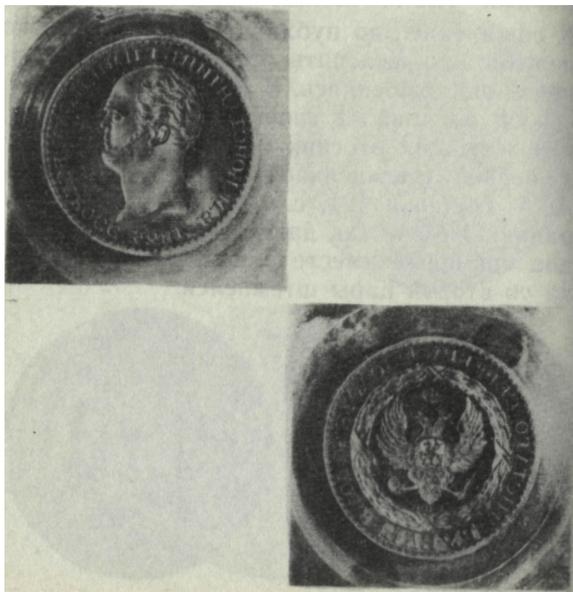
оттисков, снятых со штемпелей третьей пары, не обнаружено.

Кроме вышеперечисленных, несколько оловянных оттисков известно по упоминаниям в литературе. Прежде всего эта пара оттисков из числа 19 конфискованных на Монетном дворе в декабре 1825 г. и утерянных где-то между 1879 и 1917 г. К сожалению, по публикации Д. Ф. Кобеко невозможно выяснить, к какой паре штемпелей они относились. В 1874 г. Ю. Б. Иверсен опубликовал в своей работе о неизданных и редких русских медалях два оттиска к первой штемпельной паре из собрания А. А. Бычкова [21, с. 14]. Наконец, в собрании ГИМ не так давно были обнаружены два спаянных вместе односторонних оттиска со второй пары штемпелей.

Оттиски снимались медальерами в процессе работы над штемпелями для контроля над качеством работы. Естественно, первая законченная пара штемпелей дала наибольшее количество оттисков и лицевой (портретной) стороны, и оборотной (гербовой) — 9 и 5, а третья пара штемпелей, представляющая только начальный этап обработки, не оставила ни одного оттиска.

В заключение вниманию читателей предлагаются фотоизображения (в разном масштабе) портретных и гербовых сторон трех пар штемпелей константиновского рубля.

1. Спасский И. Г. По следам одной редкой монеты. — Л.-М., 1964.

2. Архив Эрмитажа. — Ф. 1. — Оп. 5. — 1879. — Д. № 8. — Л. 1—22.

3. Георгий Михайлович. Описание и изображение редких монет моего собрания. — СПб., 1886.

4. Двусторонний оловянный оттиск «рейхелевского» рубля был заново обнаружен И. Г. Спасским в 1947 г.

в одном из пустых шкафов Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. В настоящее время хранится в коллекции новоделов русских монет.

5. Русские монеты Павла I, Александра I и Константина I. Каталог собрания русских монет ГЭ. — № 2382. — Инв. № 11833 — 11851 и 17593 — 17598.

6. Бартошевич В. В. Константиновский рубль// Вопросы истории. — 1976. — № 7.

7. Fuchs Willy. Der Konstantin-Rubel von 1825, seine Geschichte und seine Falschungen.

8. Бартошевич В. В. Об одном спорном вопросе в истории константиновского рубля//Памятники русского денежного обращения XVIII—XX вв.//НС. — М., 1980. — 4.7.

9. Георгий Михайлович. Монеты царствования императора Николая. — СПб., 1890.

10. Шиканова И. С. Денежные знаки Российско-американской компании первой половины XIX в.// Памятники русского денежного обращения XVIII—XX вв.//НС. — М., 1980. — 4.7.

11. Ивочкина И. В. Марки Российско-американской компании//Тр. ГЭ. — XXI. — Л., 1981.

12. Гинзбург Г. И. Я. Я. Рейхель и каталог его коллекции//Нумизматика в Эрмитаже. — Л., 1987.

13. В музее Ленинградского монетного двора хранится несколько десятков штемпелей XIX — начала XX вв. Кроме того, небольшая коллекция медальных штемпелей второй половины XVIII — первой половины XIX в. имеется в собрании Эрмитажа.

14. Калинин В. А. Константиновский рубль и междущаствие 1825 г.//Нумизматика в Эрмитаже. — Л., 1987.

15. Горный журнал. — 1856. — Т. 12.

16. Спасский И. Г. Петербургский монетный двор от возникновения до начала XIX в. — Л., 1949.

17. Применение формы при изготовлении маточников и штемпелей прослеживается с середины 1740-х годов.

18. Фоллендорф Н. Ф. Современное состояние монетного двора в России и Западной Европе. — СПб. — 1883.

19. «Ведомость по Медальерной палате о приготвлении штемпелей медальных, монетных, крестов, клейм и прочаго». — Библиотека Отдела нумизматики ГЭ. — XV. — 1.5. — № 65285.

20. Хранится в конце подборки названных в примечании 20 документов. Выполнено на отдельном большом листе плотной бумаги.

21. Иверсен Ю. Б. Неизданные и редкие русские медали. — СПб., 1874.

Е.С.Щукина

**К ВОПРОСУ
О СОЗДАТЕЛЯХ
ШТЕМПЕЛЕЙ
КОНСТАНТИНОВСКОГО
РУБЛЯ**

В обширной литературе о константиновском рубле вопрос о резчиках, привлеченных к его созданию, не затрагивался. Цель настоящей статьи — определить круг лиц, участвовавших в срочном и секретном предприятии, сопоставляя дошедшие до нас документы и памятники медальерного искусства первой четверти XIX в., хранящиеся в Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа. В донесении Е. И. Еллерса Е. В. Карнееву упомянуто: «... на трех штемпелях начали онаго числа вырезывать портрет и на трех же реверс (герб). Штемпели сии отданы в разные руки, для большего соревнования с тем, чтобы занимались день и ночь» [1, с. 208]. Работа осуществлялась одновременно несколькими медальерами Петербургского монетного двора.

Создавая проектный рисунок рубля, Я. Я. Рейхель, несомненно, должен был прибегнуть к какому-то графическому оригиналу не только из-за спешки, но и из-за отсутствия перед глазами самого портретируемого. Иконография Константина Павловича сравнительно скромна; ближе всего к рисунку Рейхеля профильный портрет на гравюре

Ф. Линьона с Виньерона [2, с. 1105 (№ 39)], где великий князь изображен погрудно влево, в треуголке, закрывающей верхнюю часть головы, но позволяющей видеть характерные особенности его внешности. Современники отмечали: «Его лицо отличалось удивительной свежестью... Нос был сильно вздернут, отчего ноздри были совершенно открыты... Огромные белые брови, которые можно сравнить со щетками, придавали его лицу дикое и даже свирепое выражение, особенно, когда он горячился» [3, с. 79]. На рисунке Рейхеля хорошо передан вздернутый нос, но бакенбарды значительно тоньше, чем у Линьона. Не исключено, что Рейхель воспользовался гравюрой мадам Суайе, сделанной с гравюр Линьона, на которой Константин изображен без шляпы [4]. Форма головы могла быть восстановлена по другим портретам, а также по изображениям Александра I, имевшего значительное сходство с братом.

По сложившейся традиции авторами штемпелей, которыми был отчеканен константиновский рубль, считаются Я. Я. Рейхель (аверс) и В. А. Алексеев (реверс). Вопрос об авторстве двух других незавершенных пар штемпелей никогда не поднимался. Для определения круга возможных авторов следует прежде всего воссоздать состав служащих Медальерной палаты Петербургского монетного двора на рубеже 1825—1826 гг. К сожалению, далеко не все формулярные списки медальеров сохранились в

фонде Монетного двора в ЦГИА, кроме того, подобные документы на мастеров и подмастерьев просто не заводились. Большой интерес представляют рабочие табели и ежемесячные отчеты Медальерной палаты за 1818—1820 гг., хранящиеся в библиотеке Отдела нумизматики Эрмитажа [5]. Правда, эти документы относятся к более раннему периоду, но тем не менее они дают подробную картину всего объема работы палаты, ее распределения между служащими. Хранящиеся в той же папке ведомости за 1835 г. позволяют установить, кто из медальеров и мастеров работал в 1825 г. Сопоставление документов с материалами собрания медалей Эрмитажа — попытка определить имена создателей штемпелей.

Декабрьская ведомость Медальерной палаты 1820 г. выглядит следующим образом:

Имена	Кто чем занимались
Главный медальер, статский советник и кавалер К. А. Леберехт	
Старший медальер маркшейдер П. Лялин	
Титулярные советники Владимир Алексеев	занят историческим штемпелем наместо поврежденного откомандирован
Федор Лялин	
Медальеры Василий Безродный Коллежский ассессор Яков Рейхель	болен

Продолжение

Имена	Кто чем занимались
Отставного флота лейтенант граф Федор Толстой	—
Коллежские секретари	
Иван Сабуров	занят монетными штемпелями
Николай Акорчев	занят для серебряной монеты
Художники	
Иван Гайдуков	занят историческим штемпелем вместо поврежденного
Дмитрий Бетхер	занят на славные дела реверсом на коронацию Екатерины II
Герасим Николенко	занят в княжеской серии портретом вместо поврежденного
Николай Лялин	занят на славные дела реверсом вместо поврежденного штемпеля
Неимеющий чина Кристиан Юргенсон	занят на славные дела портретом Павла I
Мастера	
А. Невекин	занят матошниками и монетными штемпелями
В. Добрынин	занят монетными штемпелями
Подмастерья	
Е. Акинфьев	занят монетными штемпелями заняты медальными и монетными литерами и для пробирных палат клеймами
И. Лаврецов	
Г. Сабуров	
А. Федоров	
Ученики	
старший ученик Долгой	занят монетными штемпелями
А. Баклаков	занят приготовлением литер и шлифовкою штемпелей
К. Казин	приготовлением литер и переводом монетных штемпелей

Продолжение

Имена	Кто чем занимались
Я. Блюм	приготовлением литер и пилловкою штемпелей
Д. Морозов	приготовлением литер, пилловкою и шлифовкою штемпелей

Из отчетов палаты явствует, что помимо монет и памятных медалей ежемесячно производилось множество дополнительной продукции (пробирные клейма, печати и должностные знаки государственных учреждений). Большими тиражами изготовлялись орденские знаки и наградные медали. Вплоть до 1819 г. вырезались штемпели «для всевидящего ока» и кресты для духовенства, т. е. для участников Отечественной войны 1812 г. До середины века в обязанности Медальерной палаты входила разметка измерительных инструментов (в частности, аршинов). В зависимости от квалификации медальеры и мастера занимались работой разной сложности, но если какое-либо дело задерживалось, к нему привлекался любой член палаты. В записках Ф. П. Толстого есть строки о первых месяцах его работы на Монетном дворе, когда медальер был вынужден наряду с прочими мастерами исполнять штемпели для монетного передела [6, с. 99].

Разумеется, не все члены Медальерной палаты по ведомости 1820 г. могли быть

участниками создания константиновских штемпелей. Из их числа следует исключить Карла Леберехта; должность главного медальера в 1820-х годах была для него скорее всего почетным титулом, признанием его многолетних трудов. Из месяца в месяц против его имени стоят либо прочерки, либо указывается работа над штемпелем медали в честь Шереметева (кстати сказать, датированная 1804 г.). Последнее десятилетие своей жизни, до 1827 г., Леберехт практической работой не занимался. Видимо, из числа сотрудников палаты в конце 1820 или в начале 1821 г. выбыл Василий Безродный; в ведомости за 1835 г. его фамилия уже не значится. Маловероятно, чтобы к работе над константиновским рублем был привлечен Федор Толстой; в 20-е годы он занимался созданием медальонов в память Отечественной войны 1812 г. К тому же в декабре 1825 г. им был получен срочный заказ — изготовить штемпели на смерть Александра I для вручения присутствующим на церемонии погребения [7].

Приведем список служащих Медальерной палаты в 1835 г. В него не включен старший медальер Павел Александрович Лялин, но встречаются знакомые нам имена, а также новички, пришедшие на Монетный двор в 20—30-х годах.

Медальеры

1. Федор Лялин
2. Михаил Сизорский

Художники

3. Алексей Клепиков
4. Александр Лялин
5. Павел Уткин

Медальерные мастера

6. Василий Добрынин
7. Алексей Невекин
8. Иван Лаврецов
9. Григорий Сабуров
10. Алексей Федоров

Медальерные подмастерья

- И. Дмитрий Морозов
12. Яков Морозов
13. Петр Одинцов

Медальерные ученики

14. Ефим Морозов
15. Алексей Екимов
16. Петр Морозов

В издании «Монеты царствования имп. Николая I» приведен список одиннадцати медальеров, принимавших участие в создании монет [8]. Пятеро из них — В. Баранов, П. Брусницын, А. Губе, П. Кубли и М. Кучкин пришли на Монетный двор после 1825 г. и не имеют отношения к интересующему нас делу. Двое — А. Лялин и А. Клепиков были зачислены в Медальерную палату в самом конце 1824 г. по окончании курса в Академии художеств и вряд ли могли соперничать со старшими коллегами в навыках и скорости работы, что в данном случае играло решающую роль.

Круг возможных участников создания константиновских штемпелей сужается до по-

лутора десятков человек, включая мастеров и подмастерьев, осуществлявших техническую доводку готового штемпеля. Это — П. Лялин, Ф. Лялин, В. Алексеев, И. Лаврецов, Я. Рейхель, Г. Сабуров, И. Сабуров, М. Сизорский, А. Невекин, В. Добрынин, А. Федоров, Я. Морозов и Д. Морозов.

В легенде об исполнителях первой пары штемпелей (Рейхель — аверс, Алексеев — реверс) второе имя не вызывает сомнений. Владимир Ефремович Алексеев (1784—1832) поступил на Монетный двор в 1801 г. учеником к К. Леберехту. Уже в 1805 г. он становится медальером и до начала 30-х годов является одним из наиболее активных сотрудников Медальерной палаты [9, с. 98]. В делах 1818—1820 гг. он упоминается преимущественно в связи с монетным переделом, хотя нередко и копирует изношенные медальные штемпели. Воспроизведение государственного герба — двуглавого орла — повторялось им многократно. В июле 1820 г. ему поручена лепка формы государственного герба для печати, в отчете за ноябрь того же года указывается, что Алексеев изготовил 20 штемпелей для рублевиков. Как один из наиболее ответственных сотрудников Алексеев привлекался к делам, не «терпящим огласки». В январе—феврале 1820 г. он «занимался по особенному делу» (скорее всего штемпелями так называемых «лобанчиков» — полугальных подражаний голландским червонцам). Во время отсутствия П. Лялина Алек-

сеев замещал его на посту старшего медальера [10]. К 1825 г., прослужив двадцать лет, он зарекомендовал себя как опытный медальер, но исполнил всего лишь две портретные работы — автопортрет и лицевую сторону медали на проезд в Петербург прусского короля. Его деятельность как портретиста начинается с первого года царствования Николая I, после исполнения штемпелей коронационных медалей. В 1826 г. для изготовления медали в память Александра I выдвигается кандидатура Алексеева «по доказанному им на опыте отличному искусству» [10, л. 43; 11].

Общий силуэт государственного герба — двуглавого орла — на оборотной стороне константиновского рубля мало чем отличается от силуэта гербов на монетах и медалях конца XVIII — начала XIX в., например наградных медалях Екатерины II. Определить руку мастера в каноническом изображении герба почти невозможно. В. А. Калинин, сопоставляя три штемпеля константиновского рубля разной степени завершенности, высказал справедливое предположение о том, что общий контур орла мог быть выбит на штемпеле маточником, а затем эта основа подвергалась дальнейшей ручной отделке. Впрочем, не исключена возможность набивки пунсонами и отдельных деталей (например, звеньев орденской цепи). Как бы то ни было, при сравнительной простоте исполнения штемпеля оборотной стороны возможность определить индивидуальный почерк резчи-

ка в данном случае весьма сложна. Помимо Алексеева над штемпелями оборотной стороны могли работать И. Лаврецов, И. Сабуров, А. Невекин и В. Добрынин.

Если рисунок — проект константиновского рубля — бесспорная работа Рейхеля, то его авторство как резчика штемпеля лицевой стороны вызывает серьезные сомнения. В медальерном наследии Рейхеля почти нет портретных работ [12, с. 29]. Он был известен как миниатюрист, о чем в свое время писал Кене, отмечая его особенный успех у императрицы Марии Федоровны, заказывавшей ему портреты своих детей и свои собственные [13, S.2.]. В 1808 г. Рейхель получил звание академика за «портрет его величества в медальоне» [14].

Медальон с портретом Александра I. Работа Я. Я. Рейхеля около 1806 г.

В подробном и тщательно составленном труде С. И. Чижова нет произведений, подписанных Рейхелем [15]. Скорее всего с его именем можно связать погрудный, обращенный вправо портрет Александра I, с мелкими и заостренными чертами лица, заключенный в продолговатую восьмиугольную рамку с ушком [16, с. 18 (№ 134)].

Чижов относит эту анонимную работу ко времени не ранее 1806 г. Датировка, так же как оформление, близкое живописным миниатюрам, может подкрепить высказанное нами предложение об авторстве Рейхеля. Техника исполнения — литье с позднейшей расчеканкой — знак того, что медальон исполнен не на Монетном дворе, куда Рейхель поступил только в 1811 г. по возвращении из заграничной командировки. Второй опыт портретной медали Рейхеля — медаль в честь императрицы Марии Федоровны, которую он представил в 1809 г. на соискание звания академика, но был отвергнут Советом [17]. Как видим, успехи Рейхеля-портретиста были более чем скромны и вряд ли он мог быстро и квалифицированно вырезать портретный штемпель.

Кто же являлся создателем штемпеля лицевой стороны константиновского рубля? Вероятно, Павел Александрович Лялин (1775 — после 1835) [15, с. 49]. Поступив учеником на Монетный двор в 1787 г., к 1818 г. он стал старшим медальером, фактическим главой Медальерной палаты. С этого поста он ушел в 1835 г., передав дела сыну А. П. Лялину [18]. Административную деятельность П. А. Лялин сочетал с творческой работой. В 1819 г. он, как и Алексеев, был занят «по особенному делу», резал штемпели для печатей. Среди медалей, подписанных его именем, есть несколько портретных — копия лицевой стороны медали Вольно-экономического общества с портре-

том Екатерины, наградная медаль Московского общества сельского хозяйства и наградная медаль Финляндского сельскохозяйственного общества (с надписями на шведском языке) [19; 15, табл.IV, рис. 31,

Наградная медаль Финляндского сельскохозяйственного общества (с шведской легендой). Лицевая сторона. Работа П. А. Лялина.

32; 20, с. 13 (№ 12а)]. Портрет Александра на последней медали при сравнении с портретом константиновского рубля имеет много общего в высоте рельефа и компоновке силуэта. Есть известное сходство и в обработке поверхности, особой матовости фактуры кожи, которая явственно видна в портрете Екатерины и прослеживается в штемпеле константиновского рубля. К сожалению, сам экземпляр эрмитажного рубля уже не сохранил этого качества.

Помимо стилистических особенностей в пользу авторства П. А. Лялина говорят такие показатели, как большой стаж, опытность и занимаемый пост. Как старший медальер он не мог остаться непосвященным в любую работу, выполняемую в стенах палаты.

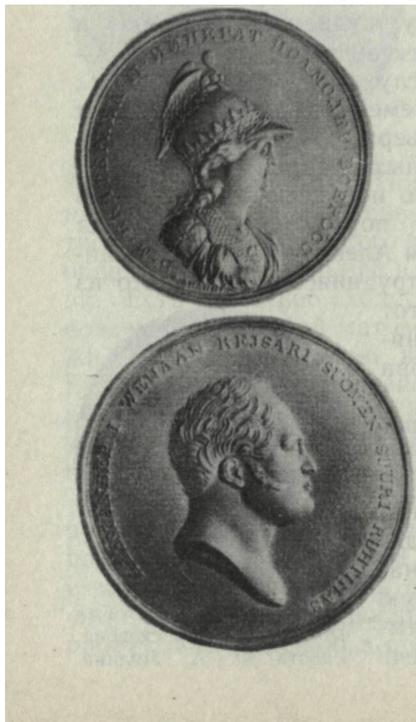
По сложившейся еще в XVIII в. традиции профессия медальера нередко становилась семейной. В 20-х годах XIX в. на Петербургском монетном дворе одновременно трудились четверо Лялиных — братья Павел и Федор, сын Павла Николай, а с 1824 г. и другой сын — Александр Павлович Лялин, о котором мы уже упоминали. П. А. Лялин, в обязанности которого входило распределение работы в Медальерной палате, несомненно, должен был привлечь своих ближайших родственников к делу, сулившему награды и отличия. Федор Александрович Лялин (1776—1848) начал свою службу учеником в 1791 г., а в 1805 г., одновременно с Алексеевым, был возведен в медальеры. Известно несколько копий коронационных медалей Александра I и Николая I за его подписью. С. И. Чижов упоминает пробу портретного рублевика 1810 г. с портретом Александра I, подписанным Лялиным, затрудняясь сказать, кто из братьев резал этот штемпель, и склоняясь в пользу Федора [15, с. 51].

В делах Монетного двора 1819—1820 гг. Ф. Лялин постоянно упоминается как откомандированный в Ассигнационную экспедицию для резания штампов. Очевидно, речь

Портретный рублевик 1810 г. Лицевая сторона. Работа Ф. А. Лялина.

идет о принятом после 1817 г. новом оформлении полей ассигнаций, с достаточно сложным орнаментом, с фигурой двуглавого орла [21; 22, с. 76]. Из самостоятельных работ Ф. Лялина известны сложный по рисунку и трудоемкий по обилию деталей портрет Екатерины II на медали из серии князей и царей, портрет М. И. Кутузова и медаль финляндского сельскохозяйственного общества (с надписями на финском языке) [20, с. 13, № 126; 23, № 59; 24]. Портрет Александра I

Екатерина II. Медаль из серии князей и царей. Работа Ф. А. Лялина.

Наградная медаль Финляндского сельскохозяйственного общества (с финской легендой). Лицевая сторона. Работа Ф. А. Лялина.

Копия лицевой стороны ранних наградных медалей Александра I. Работа Г. Сабурова с оригинала К. Леберехта (уменьшено в $\frac{6}{10}$).

на последней медали настолько близок портрету работы П. А. Лялина на медали того же общества, что исследователь финляндских медалей А. Левенстим не обратил внимания на разные подписи медальеров. Тем не менее различия налицо. Рельеф Ф. Лялина несколько массивнее, щеки императора более округлы, сильнее намечена припухлость под глазами, резче обозначены и по-иному расположены пряди волос. Теоретически можно предположить участие Ф. Лялина в создании второго, почти завершенного штемпеля лицевой стороны константиновского рубля с особенно резко обозначенной бровью.

Что касается Николая Павловича, то это самая малоизвестная фигура из всего семейства Лялиных. Иверсен упоминает единственный раз монограмму «К.Н.Л.» (копировал

Николай Лялин) на оборотной стороне коронационной медали Николая I [12, с. 24]. В ведомостях Медальерной палаты 1819 — 1820 гг. художник Н. П. Лялин назван последним — в 1819 г. — как канцелярист, а в 1820 — как коллежский регистратор. В ведомости 1835 г. его имени уже нет. Чаще всего Н. П. Лялин был занят в работе над крестами для духовенства — штемпелями «для всевидящего ока», в золотом переделе и иногда медальерными штемпелями «наместо поврежденных». По всей вероятности, ему поручались сравнительно несложные работы, но не исключено, что и его труд использовалась в создании штемпелей константиновского рубля.

Замечание в донесении Е. И. Еллерса относительно занятий медальеров «день и ночь» отнюдь не предполагало, чтобы один и тот же мастер трудился круглосуточно. В практике колыванских камнерезов приблизительно того же времени бывало, когда два мастера работали над одним и тем же произведением днем и ночью, сменяя друг друга [25].

Труднее всего определить автора третьего штемпеля лицевой стороны, готового лишь наполовину. Черты лица Константина мелки и смазаны, лишены присущей ему гротескности. Он больше похож на шаржированный портрет Александра I. Нос вздернут лишь слегка, почти не отгнана характерная бровь, искажена вдавленная линия подбородка. Резчик явно с трудом справлялся с переводением в рельеф проектного рисунка и,

вынужденный обращаться за помощью к медальным портретам Александра, «сбивался» на черты покойного императора. Не исключено, что в резьбе этого штемпеля мог принимать участие Г. Сабуров (?—1856). Сын резчика монетных штемпелей Ивана Сабурова, он поступил на Монетный двор в 1809 г. учеником, а к 1835 г. дослужился до медальерного мастера. Умер он в 1856 г., будучи в отставке [12, с. 30]. В делах Медальерной палаты 1819, 1820 и 1835 гг. отмечены самые разнообразные занятия Сабурова по монетному переделу, копированию штемпелей, резанию клейм. Среди его медальерных работ копия лицевой стороны ранних наградных медалей Александра I, сделанная с работы К. Леберехта [23, №411; ОН ГЭ, рус. мед., № 7840]. Ее отличают некоторая тяжеловесность пропорций, небрежность в передаче волос, неряшливость формы расплющенного уха.

Почти равные шансы с Сабуровым на авторство имеет и другой медальер — Михаил Сизорский (1800—1848), поступивший на Петербургский монетный двор в 1822 г. [12, с. 30]. По своему профессиональному уровню он был равен Г. Сабурову; оба медальера нередко одновременно упоминаются в документах. Так, в 1836 г. они получили прибавку к жалованию «за отличное усердие к службе» [26].

Резюмируя высказанные предположения об авторстве штемпелей константиновских рублей, можно считать наиболее вероятны-

ми исполнителями первой пары П. А. Лялина (лицевая сторона) и В. Е. Алексеева (оборотная). Автором штемпелей лицевой стороны второй пары мог быть Ф. А. Лялин, третьей — Г. Сабуров и М. Сизорский. В резьбе штемпелей оборотных сторон могли принять участие И. Лаврецов, И. Сабуров, А. Небекин и В. Добрынин.

Константиновский рубль как памятник возник в исключительных условиях, окруженных загадками. До сих пор исследователи занимали в основном количество отчеканенных экземпляров и их движение от владельца к владельцу. Мы попробовали рассмотреть рубль как произведение медальерного искусства, воплотившее мастерство русских монетчиков. В орбиту крупной политической игры у подножия российского трона были втянуты художники и мастеровые Петербургского монетного двора. На их долю достался тяжелый, не получивший вознаграждения труд, а окружавшая дело тайна сделала его плоды анонимными. Первая попытка узнать имена создателей штемпелей константиновского рубля ограничилась в основном определением возможного круга сотрудников Медальерной палаты на рубеже 1825—1826 гг.

1. Бартошевич В. В. Константиновский рубль// Вопросы истории. — 1976. — № 7.

2. Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. — СПб., 1887. — Т. II.

3. Записки графа Мориоля//Исторический вестник. — 1904. — Т. IV.

4. ГРМ. Отделение гравюр. — Инв. № 16068.

5. Ведомости Медальерной палаты Петербургского

монетного двора за 1819—1820 гг. Библиотека ОН ГЭ. — Инв. № 65285

6. Записки графа Толстого Ф. П. товарища президента имп. Академии художеств//Русская старина. — 1873. — Т. VII.

7. В делах Монетного двора за апрель 1826 г. сохранился документ о дополнительной чеканке серебряных и медных медалей на смерть Александра I для раздачи офицерам и нижним чинам, находившимся «при гробе» и в траурном шествии (ЦГИА. — Ф. 570. — Оп. 13. — Д. 48. — Л. 30).

8. Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствования имп. Николая I. — СПб., 1890. — Стб. VI.

9. Собко И. П. Словарь русских художников. — СПб., 1893. — Т. I. — Вып. 1. — Буква «А».

10. ЦГИА. — Ф. 570. — Оп. 13. — Д. 48 — Л. 69.

11. Занятость Алексеева и обилие срочных дел заставили изготовление штемпелей этой медали до 1836 г. Работу осуществил А. Клепиков. См.: ЦГИА. — Ф. 570. — Оп. 13. — Д. 58. — Л. 34.

12. Иверсен Ю. Б. Словарь медальеров и других лиц, имена которых встречаются на русских медалях. — СПб., 1872.

13. Kohne B. Jakob von Reichel. «Zeitschrift für Munz-Siegel-und Wappenkunde». Neu Folge. — Bd. I. Berlin. 1859.

14. ЦГИА. — Ф. 789. Оп. 1. — Д. 2067. — 1808. — Л. 1.

15. Чижов С. И. Иконография Александра I по медалям. — М., 1912.

16. Чижов С. И. Дополнение к иконографии Александра I по медалям. Оттиск из III тома Нумизматического сборника. — М., 1914. ОН ГЭ, рус. мед., № 2617.

17. ЦГИА. — Ф. 789. — Оп. 1. — Д. 2102. — Л. 12. Автору, к сожалению, неизвестен портрет Марии Федоровны работы Рейхеля.

18. ЦГИА. — Ф. 570. — Оп. 13. — Д. 55. — Л. 30.

19. Прозоровский Д. И. Каталог русским и западноевропейским медалям и монетам, хранящимся в музее-кабинете Академии художеств. — СПб., 1868. № 488. ОН ГЭ, рус. мед. № 1305.

20. Левенстим А. Финляндския медали. — М., 1914.
 21. Ведомости Медальерной палаты Петербургского монетного двора за 1819—1820 гг. Библиотека ОН ГЭ. — Инв. № 65285.
 22. Дьячков А. Н., Уздеников В. В. Монеты России и СССР. — М., 1978.
 23. Смирнов В. П. Описание русских медалей. — СПб., 1908. — № 59.
 24. Иверсен Ю. Б. Неизданные и редкие медали. — СПб., 1874. — Т. IV. — № 20. — СРМ. — № 280.
 25. Сообщение Ю. О. Каган, хранителя глиптики Государственного Эрмитажа.
 26. ЦГИА. — Ф. 570. — Оп. 13. — Д. 58. — Л. 65.

И. Г. Спасский

**НОВОЕ О РУБЛЕ
 КОНСТАНТИНА 1825 г.
 И ЕГО ПОДДЕЛКАХ**

Мишло более 20 лет после выхода моей книги «По следам одной редкой монеты» — первой попытки критически разобраться в доставшихся советской нумизматике от прошлого представлениях о рубле Константина Павловича 1825 г. [1]. Эта работа вместе с сохранившейся в рукописи последней статьей А. А. Ильина (1857—1942) послужила своего рода «станцией отправления» для настоящего издания. А. А. Ильин зафиксировал тему такую, какой она досталась нам от предреволюционной русской нумизматики. Статья явно удовлетворяла его, иначе он не давал бы ее читать и не позволял бы списывать друзьям — любителям нумизматики [2]; в ней ценные наблюдения знатока русских монет и первого признанного главы исследователей и любителей нумизматики Советской России.

Как ни стремился я в своей книге оставаться в границах достоверного, но не смог устоять перед «наследием прошлого». Как, например, было не поверить, что Я. Я. Рейхель, очевидный автор проекта монеты, был и исполнителем ее штемпелей? А это оказа-

лось выдумкой Б. В. Кене. Не оправдалась и моя догадка о том, что чеканка пяти пробных монет производилась на пресс-автомате Дро, который мог сохраниться на Монетном дворе со времени поставки английских механизмов в 1801—1805 гг. В. А. Калинин, мой коллега и автор одной из статей настоящего издания, обратил мое внимание на невозможную для автомата различную постановку гуртильного кольца у эрмитажного и московского экземпляров — в Эрмитаже по портретной стороне, в Историческом музее — по гербу. Отсюда следует, что чеканили, как и было принято в Петербурге, на заранее гурченных кружках и, конечно же, все: и пробные рубли с гуртовой надписью, и все пробы штемпелей без нее (на имевшемся в граверной мастерской ручном прессе и всегда в кольце, которое обусловило строго одинаковый диаметр и характерные повреждения гуртов — «затухание» частично «содранной» надписи и даже выжимаемые при этом заусеницы как результат небольшого начального перекоса грубо вдавливаемого в кольцо гурченого кружка). При этом на паре рублевиков оказалось даже смято ухо Константина, причем оба раза по-разному. Ведь при профильном портрете ухо — самая высокая точка рельефа и соответственно самая глубокая деталь резаного вглубь штемпеля; ей-то легче всего «смазаться», когда под давлением пресса кружок «ищет» правильное положение между сжимаемыми штемпелями.

Мною была изложена история одного из константиновских рублей, который вначале находился в коллекции гофмейстера двора Г. П. Алексеева, затем у видного собирателя П. М. Исаева (заодно исправляю свою ошибку в его имени — его звали Павел, а не Петр). Коллекция П. М. Исаева перешла затем к ленинградскому коллекционеру, действительному члену Академии медицинских наук профессору В. Г. Гаршину (1887—1956). В момент написания книги я выражал совершенно напрасную уверенность в том, что если найдется когда-нибудь рубль В. Г. Гаршина, он окажется рублем Трубецкого. Других подделок, кроме последнего, да варварского «Сухаревского» литья, я тогда не знал, а существование других проб с гладким гуртом сверх толстовского экземпляра и представить себе не мог. Однако нашлось и то, и другое. Когда дописывалась книга, муж дочери хорошего знакомого А. А. Ильину Ф. Ф. Рихтера принес мне показать второй экземпляр с гладким гуртом, но стоило мне подумать уже о семи «Константинах», как на мой стол лег пакет с фотографией такого же третьего рубля, присланный председателем франкфуртского *Gesellschaft für international Geldgeschichte* В. Фуксом*.

* В своей брошюре «Der Konstantin-Rubel von 1825, seine Geschichte und seine Fälschungen» В. Фукс сообщает следующие документальные сведения о трех экземплярах рублей с гладким гуртом.

Первый экземпляр, известный по работе И. Г. Спасского, как рубль Л. С. Иозефа-Ф. Рихтера, оказался

Знакомый с В. Г. Гаршиным еще в студенческие годы, когда ни он, ни я не предполагали стать нумизматами, мы встретились с ним вскоре после войны; я уже был хранителем всех сокровищ русской нумизматики, мировых коллекций медалей, а также чудесного собрания орденов в Эрмитаже. В. Г. Гаршин захотел подарить нам свою коллекцию орденов. Принимая ее, я мельком видел и его рубль Константина, тогда не особенно интересуюсь им. Мною было замечено, что он отчеканен чище и наряднее эрмитажного и без гуртовой надписи, что и настроило меня предположить в нем впоследствии, когда пришло время задуматься над этим, рубль Трубецкого: ему ведь в изяществе исполнения не откажешь. В последний раз

за рубежом и 8 декабря 1981 г. продавался на аукционе Сотби в Нью-Йорке (№ 396). Этот рубль, имеющий царапину на аверсе и повреждение на гурте, оцененный в сумму от 80.000 до 100.000 долл., так и не был продан. Как пишет Фукс, его «владелец предпринял безуспешную попытку непосредственно продать монету по сходной цене» после аукциона. Эта монета, по последним данным, полученным в ГИМе, была все же продана владельцем американскому собирателю.

Второй экземпляр, принадлежавший В. Г. Гаршину, после его смерти в 1956 г. исчез, затем тоже оказался за границей и в 1981 г. был куплен в ФРГ «местным торговцем монетами» (т. е. самим автором брошюры).

Третий экземпляр, хорошо известный по литературе как рубль Рейхеля—Шуберта—Толстого, после появления его на аукционе 1913 г. во Франкфурте-на-Майне много раз менял своих владельцев и, наконец, осел в коллекции французского собирателя (он был приобретен на аукционе в Сан-Луи (№ 2955) за 122 500 долл.). (Примеч. ред.).

я видел В. Г. Гаршина в больнице. По словам К. Г. Гаршиной, когда его привезли домой, их часто навещали знакомые коллекционеры, которые беспрепятственно рылись в планшетах его монетного шкафа; некоторых из них она и называет в своих воспоминаниях [3]. После смерти Гаршина рубля в монетном шкафу не оказалось...

Теперь, благодаря находкам В. В. Бартошевича, можно представить гораздо конкретнее и достовернее, сколько разного люду — и на Монетном дворе, и вне его могло быть причастно к изготовлению пробных рублей для показа новому императору.

Накануне того, как загремели пушки у Зимнего и обагрился кровью снег на Сенатской площади, на Монетном дворе развевалась привычная для него суета, приятная и перспективная для чиновников и художников-граверов в смысле возможных наград: возвращались к отвергнутому непонятным и страшным, как дурной сон, Павлом традиционному типу рублевика с портретом. Работа ведется, конечно, без особой огласки, и начальству лучше знать, из-за чего такая спешка, однако в происходящем решительно нет ничего сомнительного и сколько-нибудь секретного! Зашевелились десятки людей — и на Монетном дворе, и вне его, в Канцелярии министра финансов, в Департаменте горных и соляных дел. А сколько совсем неведомых нам особ первого класса уже втянулись в игру: какие-то чиновные люди толкают под локти Канкрин, подсказывая свои выдумки;

уже подняты из кладовой давно забытые штемпели 1779 г. и тискаются и рассылаются избранным «персонам» придуманные когда-то «матушкой Екатериной» задиристые медали на рождение Константина (крест на Святую Софию, никак не меньше!).

В курсе дел Канкрин и его Канцелярия, директор Департамента горных и соляных дел Е. В. Карнеев, который мечется вздвигая через Неву между Монетным двором и Канцелярией министра на Дворцовой набережной, автор рисунка-проекта Я. Я. Рейхель, числящийся *honoris causa* в штате Медальерной палаты. Шесть медальеров — чуть ли не весь старший состав граверов палаты — засажены трудиться, будто бы «день и ночь», и два из них — настоящие авторы-исполнители принятых министром штемпелей! Старый служака, вардейн Еллерс, отвечающий за движение и учет драгоценного металла, никаких инструкций не нарушит, если «не заметит», что Рейхель или еще кто-нибудь из причастных к операции захочет пораньше обзавестись новинкой — портретным оттиском в серебре: всего то и дела — забить вместе с браком и излишком проб рублевиков из своего кошелька! Это уже потом Карнеев будет рапортовать, что «на Монетном дворе ничего не осталось...».

Итак, сначала было вместо шести семь, а затем вместо семи — восемь объектов: пять пробных рублевиков с гуртовой надписью и три пробных оттиска с гладким гуртом,

и кто знает, сколько их вынесено с Монетного двора? Было бы странно, если бы Рейхель, свой человек на Монетном дворе и в Медальерной палате, автор проектных рисунков и коллекционер, да еще и близкий друг самого министра, не обзавелся бы пробной: возможно, и не одною — для «превосходительных» знакомых и друзей, каких-нибудь зажившихся деятелей «времен Очакова и Крыма». Это касается и Канкринина, лично на Монетном дворе не показывавшегося, но ему полагалось одобрить или отвергнуть первую пробу штемпеля: значит, еще экземпляр или даже экземпляры...

Продолжим траектории «блуждающих» монет, обратившись к аукционным каталогам 1964—1980 гг., любезно присланным мне издателями или корреспондентами. Самый ранний из них печатался чуть раньше моей книги и уже отмечен ею. Аукцион, организованный совместно фирмами А. Хесса и Банк Леу, состоялся в октябре 1964 г. в Люцерне. Обложку аукционного каталога украшают фототипии обеих сторон сенсации аукциона — константиновского рубля с гуртовой надписью. На аверсе видно, что ушная раковина портрета Константина наполовину раздавлена. Монета описана под № 1568 и еще раз воспроизведена на таблице, вес не указан, и имеется отсылка к соответствующему разделу моей книги [4]. Отмечена и находившаяся при монете записка-автограф ее бывшего владельца; кстати, имя владельца не называлось — оно было указа-

но в моей книге — принц Александр Гессенский. Объявленная цена рубля — 50 000 швейцарских франков [5]. Как сообщил один из участников аукциона, владельца рубля Ораса Бранда представляла его племянница, а операцию вел ее поверенный Р. Фридберг. Монета досталась торговцу монетами из Цинциннати Солу Каплану, уплатившему 38 000 долл. плюс 5% аукционисту.

С Капланом (ныне покойным) в то время я уже был знаком: в письме, присланном с каталогом, он интересовался, нельзя ли обменять в Эрмитаже его рубль на дубликаты русских монет? Посещение Эрмитажа в первый раз незадолго до того произвело на него неизгладимое впечатление, о котором он сам потом вспоминал. Переступая порог Отдела нумизматики Эрмитажа, Каплан был в полной уверенности, что по крайней мере русская часть прославленного мюнц-кабинета давно опустошена: золото и серебро ее монет и медалей перелито в слитки и даже медные монеты с императорскими гербами давно истреблены и переделаны на подшипники для тракторов (так можно было читать в кое-каких, как будто бы даже серьезных изданиях...). Вскоре ему понадобился платок, чтобы утирать испарину с лица.

В руках Каплана тогда находилось бывшее собрание великого князя Георгия Михайловича, и первые его слова при нашем знакомстве были: «Я приехал помочь Эрмитажу восстановить его коллекцию!» Я привел его в кладовую драгоценностей Отдела нумизма-

тики. Тяжесть вынимаемых мною из шкафов планшетов с русскими золотыми медалями, с которых мы начали, несколько смутила гостя. Но может быть, я только делал вид, что они так тяжелы? Попросив разрешения приподнять показываемые мною вещи, он убедился, что никакого обмана нет и в шкафах действительно хранится немислимое количество, несомненно, золотых и платиновых медалей и монет. Расстались мы друзьями, хоть и оказалось, что ему нечего предложить Эрмитажу! Впоследствии П. Ф. Регенсбург из Гааги сообщил мне, что рубль, купленный Капланом, ушел в одну шюрихскую коллекцию.

В 1965 г. фирма Г. Ф. Шульмана продавала в Нью-Йорке коллекцию Е. Арлова из Новой Зеландии. Достопримечательностью этой коллекции был константиновский рубль (с гуртовой надписью), который оценивался в 35 000 долл. [6]. В декабре 1965 г. «Коин Ворлд» поместил репортаж с аукциона: Шульман открывает его константиновским рублем, называя цену 35 000 долл. Первым отзывается С. Ф. Дж. Бургдорф из Музея Эстери Нумизматик Ассошиэйшн; затем Берндт Альстром из Стокгольма предлагает 37 000 долл. Эта цена превышает рекордную для серебряных монет, уплаченную в 1963 г. за доллар 1804 г. ... Сол Каплан дает 38 000. В затихшем зале Шульман объявляет 39 000 от имени не названного клиента, но французский агент П. Р. предлагает рекордную сумму — 41 000 долл., и

монета продана. Присутствовавший на аукционе в качестве гостя Гарри Северин писал мне об очень наэлектризованной атмосфере, царившей при продаже константиновского рубля.

Как указывает каталог, в первые два дня аукциона его монеты были доступны обозрению в особом помещении, однако издатель каталога предпочел не фотографировать продававшийся рубль и воспользовался репродукцией с эрмитажного экземпляра, помещенной в моей книге [1, с. 30]*.

Но какой же экземпляр продавался? Выбор совсем невелик: из пяти монет исключаются музейные — Государственного Эрмитажа, Государственного Исторического музея и Смитсоновского собрания (бывший экземпляр великого князя Георгия Михайловича); следовательно, это могут быть только две монеты с гуртовой надписью — великого князя Сергея Александровича или продававшийся год назад рубль Александра Гессенского — Ораса Бранда. Сведения о первой обрывались для меня на аукционе

* Оригинал снимка выдает и знакомый мне дефект ободка лицевой стороны в левой верхней части. Однажды, вынимая второпях монету из ее коробочки, я до крови порезал палец острой пленкой серебра — и черное пятно на бакенбарде, и такая же чернота в контуре шеи. К особенностям подсветки при фотографировании относятся тень под глазом и над ключицей и даже отблеск металла на кончике носа. Для каталога снималась, следовательно, не монета, а вполне определенная фотография.

Гамбургера 1898 г., где только она и могла продаваться в составе собрания некоего Пниовера из Бреслау — единственная русская для всего каталога! Что касается второго рубля, то в момент его продажи в 1964 г. при монете находился упомянутый выше автограф бывшего знатного владельца; он повышал ценность монеты: кто упустил бы возможность отметить при продаже эту ее принадлежность?

Однако я склонен видеть в экземпляре, который фирма Г. Ф. Шульмана продавала в Нью-Йорке в 1965 г., залежавшийся с 1898 г. рубль с аукциона Гамбургера, т. е. рубль великого князя Сергея Александровича, хотя в каталоге Спинка 1974 г., к которому мы обратимся далее, сообщается, что Шульман в ноябре 1965 г. продавал бывший экземпляр Александра Гессенского. Но обе монеты легко спутать: на не очень четкой репродукции каталога 1898 г. хорошо видна характерная особенность монеты — раздавленное ухо, но не совсем такое, как на монете Александра Гессенского в каталоге Мерцбахера 1914 г. Другой признак монеты с фото 1898 г. — отсутствие четкости в прядях волос Константина; монета выглядит потертой, как будто ее годами носили в кошельке среди других монет. Не поэтому ли и произошла подмена ее лучшим экземпляром для обложки каталога?

В 1972 г. тронулся с места рубль без гуртовой надписи, получивший известность раньше других экземпляров Рейхеля—Толстого

с его уже достаточно богатым *curriculum vitae**. Последним известным нам владельцем был А. Е. Кельш, выходец из России, умерший в США в 1961 г. (В 1979 г. его вдова предлагала Министерству культуры СССР приобрести коллекцию умершего, но предложение было отклонено.) В присланном мне А. Крейсбергом каталоге рубль приведен под № 2013, и его прошлое описано со ссылкой на мою книгу: изображение монеты дано в увеличенном виде на обложке и на таблице [7]. Кроме того, Крейсберг прислал мне еще и отличный фотоснимок монеты. Индивидуальным признаком ее, впервые воспроизведенным не очень четко в каталоге Хесса 1913 г., являются помятые и утратившие четкость «городки» — зубчатые выступы ободка аверса, начиная от двойки даты и до буквы «Р» в слове «ВСЕРОСС». В каталоге Крейсберга-Когена кроме этого имеется еще один «благоприобретенный», но временный признак: на скуле между бакенбардой и глазом хорошо заметны два темных пятнышка (запомнило эти «родинки»).

Писавший мне об этом рубле В. Арефьев из Розевилля 1 октября 1972 г. сообщал, что по его данным, приобретенный Кельшем на аукционе монет короля Фарука рубль Константина представлял собою подделку, подлинный рубль оставался в чикагском собрании Брандов и куплен Кельшем в част-

* В брошюре В. Фукса — № 3 из числа рублей без гуртовой надписи (с. 8). (Примеч. ред.).

ном порядке — у Г. Д. Гиббса? Соображение веское, переключается и с моими сомнениями: как могло так получиться, что хорошо известная монета не выделена и даже включена в «сет» — набор монет средней и малой ценности, не говоря уже об отсутствии изображения в каталоге! Как увидим далее, подделок существует много и, может быть, достаточно старых. Но, рассуждал я, продажа осуществлялась в крайней спешке и при полной некомпетентности в тонкостях нумизматики и антиквариата. В таких условиях все представлялось возможным.

Остается во всяком случае несомненным то, что была у Фарука подлинная монета или нет, у Кельша монета, ранее принадлежавшая И. И. Толстому, побывала. «Коин Ворлд» от 28 октября 1979 г. излагал историю этой монеты, повторив приведенный мною список владельцев; вместе с тем им было отмечено, что в моей книге этот период истории монеты Рейхеля-Толстого излагается неточно, с чем я согласен.

В 1974 г. тот же экземпляр рубля без гуртовой надписи переходит в новые руки на аукционе фирмы «Спинк и Сын». Со своими «родинками» он красуется на обложке каталога вместе с восемью золотыми редкостями и на изображениях в натуральную величину и эффектным увеличении на всю страницу. За описанием под № 757 с оценкой в 200 000 долл. идет обширная историческая справка, и в ней есть первое для заграницы упоминание о существовании и второго экземпляра

без гуртовой надписи, принадлежавшего «неизвестному русскому коллекционеру» [8]. Это сообщение повторит в 1979 г. «Коин Ворлд».

Другой, давно знакомый нам рубль без гуртовой надписи вскоре опять меняет владельца и появляется в каталоге альбомного формата, который известен мне только по снимкам двух страниц (68 и 69). Их прислал мне в 1981 г. председатель Франкфуртского научного нумизматического общества В. Фукс, забыв сообщить выходные данные. Как я догадываюсь, это аукцион Американской нумизматической ассоциации (ANA) 1979 г., упомянутый в названной выше статье «Коин Ворлд». Снимок запечатлел карандашную пометку — «114 000 долларов», но он недостаточно четок, чтобы рассмотреть индивидуальные признаки монеты*.

Затем я получил присланный мне Р. Зандером прекрасно изданный каталог Сотби для следующего «константиновского» аукциона 1981 г. [9]. Продавалось собрание Дж. Р. Фарнелла и монеты еще нескольких владельцев. Константиновский рубль здесь новинка. Это еще один экземпляр без гуртовой надписи, собственность некоего частного лица. Он описан под № 396, при оценке в 80 000—100 000 долл., и изображен на обложке каталога с запомнившейся мне маленькой щербинкой внизу на безупречно

* В брошюре В. Фукса — это № 2 из числа рублей без гуртовой надписи. (Примеч. ред.).

ровном ободке. Еще одно увеличение рядом с изображением в натуральную величину находится подле пространного описания и исторической справки. В. Фукс писал мне, что после предложения 55 000 долл. монета была отозвана без объяснения причины...*

Вот так этот последний рубль Константина, подлинность которого я установил в 1962 г., примерив его к штемпелям [1, с. 79—80], ускользнул за границу, и мои попытки привлечь к нему внимание музейного ведомства и высокого начальства не увенчались успехом...

Итак, на нумизматическом рынке имеют хождение три экземпляра рублей без гуртовой надписи.

Обратимся теперь к новинкам в части подделывания константиновского рубля, начав со снискавшего такую незавидную славу А. В. Трубецкого. Он ведь клялся, что из «спасенных» им пяти уцелело лишь два рубля, а три покоятся на дне Атлантического океана. Вслед за поднесением «редкости» Трубецкого императорскому Эрмитажу второй экземпляр⁹ оказался в коллекции великого князя Георгия Михайловича [10, с. XII, 281—282]. В дальнейшем через руки Каплана прошла и эта подделка вместе с подлинным рублем как «второй экземпляр». Обе значатся на л. 119 описи Каплана,

* В брошюре В. Фукса — это № 1 из числа рублей без гуртовой надписи. (Примеч. ред.).

копии которой есть и в Эрмитаже. Но это не все. Еще один, т. е. уже третий, экземпляр Фукс недавно приобрел в Дюссельдорфе!* Как же не узнать его «французскую» пятерку в дате и искаженное русское «П» в слове «ИМП.»! Та же лишняя точка под лапой орла со скипетром; на превосходном по сохранности экземпляре повторяется даже маленькая вмятина на фоне справа от короны. Однако есть здесь и новое: стороны противопоставлены, как у подлинной монеты. Следовательно, при чеканке этого экземпляра учитывалась новейшая информация, а чеканка не была одноразовой!

Сохранилась моя запись 1972 г. о беседе с ленинградцем О. А. Савиновым, рассказавшем о виденном им в Москве лет за 15 до того розовом футлярчике, в гнезде которого лежал серебряный рубль Константина, и на гладком его гурте, как бывает на французских медалях, было выбито «argent». Напомнив ему об этом разговоре, я выяснил, что монету показывал ему известный московский собиратель, ныне покойный М. Д. Неронов. Не может ли это быть «вторая жизнь» штемпелей Трубецкого? Москвичи говорят, что розовый футлярчик больше у них не показывается.

В течение всего 1981 г. длилась моя оживленная переписка с Ю. Арсланом,

* В брошюре В. Фукса — это № 3 из числа фальшивых константиновских рублей (с. 9—10). (Примеч. ред.)

живущим в Новом Голливуде (США). Начало положила его просьба подтвердить подлинность одной монеты: серебряный рубль Константина 900-й пробы, весом 20,21 г, выполнен чеканкой на высоком техническом уровне, стороны противопоставлены, как у подлинной монеты (↑↓), имеется оттиснутая вглубь гуртовая надпись: «СЕР. 837з ПРОБЫ 4 ЗОЛ. 82¹⁴/₂₅ ДОЛИ». По содержанию она соответствует типу рублей 1810—1885 гг., но ее начертание как раз и доказывает подделку. Вместо старомодных, сравнительно неглубоких и не очень тонких углубленных букв первой половины века мы видим как бы нанесенные тонким пером, спокойные буквы надписи, заменившей прежнюю в 1850 г.

По словам владельца, монета получена им от брата, живущего в Аргентине, куда он переселился в 1928 г. из Ливана, где жили их родители, бежавшие в 1914 г. из турецкой Армении. Г. Арслан писал, что монета находилась в их семье издавна, но наличие гуртовой надписи, ставшей известной на рублях Константина лишь в 1879 г., и исключительно редкая для русской нумизматики противопоставленность сторон убеждают, что подделка не могла быть выполнена ранее 1880 г., когда открылась «тайна» этой пробной монеты.

Еще в 1976 г. я узнал, что Фукс стал обладателем константиновского рубля, привезенного во Франкфурт-на-Майне из Ленинграда неким «израильтянином». Оказалось,

что это — не упоминавшийся выше подлинный рубль без гуртовой надписи, ни тем паче, не проблематический шестой гурченный. Когда у меня уже были фото и слепки голиливудской монеты, Фукс, готовивший для журнала своего общества статью о подделках константиновских рублей [11], прислал мне слепок, хорошо передающий гуртовую надпись, фотографии, а также гальвано своего рубля. После этого я убедился, что оба фальсификата идентичны!* На подлинном рубле 1825 г. очевидно единство стиля портрета с его нарочитой, романтической «непричесанностью»; в повторении исчезло единство движения свободно лежащей массы волос, куафюра «уложена» прядь к пряди, а на месте свободно начесанных вперед висков оказывается будто приклеенная курчавая «котлетка». Итак, перед нами высший класс подделки, с использованием обжатых обыкновенных рублевиков XIX в.

Начиная с 1966 г. приходившие в Эрмитаж письма советских любителей постепенно познакомили меня с рядом образцов тиснения почти профессионально выполненными штемпелями, но преимущественно на податливом, мягком металле типа типографского гарта или какого-то белого, используемого зубными врачами. Эти оттиски ближайшим образом подобны по штемпелям рублям Арслана-Фук-

* В брошюре В. Фукса — это № 4 из числа фальшивых константиновских рублей (с. 10). (Примеч. ред.).

са. Протирки, с которых обычно начиналось знакомство, долго затрудняли и дразнили меня, пока О. А. Савинов, узнав о моей заинтересованности, не предложил в дар Эрмитажу свой экземпляр, случайно приобретенный им около 1970 г. у любителя с Урала. Этот экземпляр отлично сохранился, чеканен из темно-серого металла, вроде типографского гарта в кольце; подобная подделка есть и в Государственном Историческом музее, но последний чеканен из мягкого белого металла. Обе монеты ближе всего к протирке, полученной еще в 1966 г. из Уфы от Н. Н. Леонтьева. В таком же роде и вторая протирка 1979 г. с кружка «серого металла», за которым последовало и фото — из Арзамаса от С. А. Смирнова.

Если бы не в меру острое и высокое «Л» в слове «золот.» на реверсе последней, я бы признал их все чеканенными одной парой штемпелей — той самой, которой чеканены рубли Арслана и Фукса. Во всех них доминирует некое «чуть-чуть»: чуть-чуть не совсем профессионально выглядят литеры; чуть-чуть лишнего в «наклеенных» бровях Константина; чуть-чуть больше, чем нужно, «провален» вздернутый нос; губы-щелочки; подбородку позавидовал бы и сам Муссолини, а угол между шеей и грудью приводит на память выражение «грудь колесом». На обороте очень жирная последняя точка у «С. П. Б.», а ободки из «городков» всюду одинаково далеки от оригинала, хотя, наверное, нанесены даже по счету. Соотно-

шение сторон у всех экземпляров, как у подлинного рубля.

И. В. Викторов из Челябинска прислал фото серебряной отливки подобного рубля: его оригинал отличается прямой постановкой сторон и большим «благообразием» портрета.

Большое количество оттисков в дешевом металле рассчитано на не очень взыскательного любителя. Но вся «стая» этой дешевки вспорхнула более или менее одновременно на довольно-таки определенной части территории СССР, по обе стороны Уральского хребта. Сравним помещаемые рядом пары снимков — серебряного экземпляра Фукса и монеты из «серого металла» О. А. Савинова: перед нами оттиски одной и той же пары штемпелей! Сомнительную честь первого толчка к созданию этих штемпелей, пожалуй, придется отдать моей книге [1].

Приглашаю владельца штемпелей последовать примеру «раскаявшегося разбойника», отдавшего в Эрмитаж свой штемпель для выделки фальшивых ефимков после моей разоблачительной публикации...

В заключение не миновать обращения к концепции В. В. Бартошевича, истолковавшего свою превосходную находку с позиций версии о шести, а не пяти «образцовых» монетах — вопреки наличию нашего материала. Без спору, не разделяя эту концепцию в целом, принял это прочтение и В. Л. Янин. Однако в любом случае шесть монет — лишь одно из возможных формально, но отнюдь не лучшее по конкретности прочтение

слов «к прежним двум еще четыре образцовых». Оно игнорирует специфику и непременные условия производства, на котором разыгрывается история чеканки константиновских рублей, и несет в себе соблазн пойти слишком далеко в поисках «виновных».

Вардейн — хранитель ценностей Монетного двора, составляя адресуемый самому высокому начальству рапорт, непременно говорит о шести совершенно одинаковых монетах, конечном результате операции, скорее как заправский коллекционер, а не как ответственный за казенные ценности чиновник! Но хранимое им серебро на определенном этапе производства начинают учитывать в рабочем порядке штучно, в монетных кружках, а в данном случае — в рублевых. Обработанные в ходе контролируемой самим министром операции, все они еще не настоящие, законные рубли, а только пробы, разной степени готовности образцы предполагаемых монет, выполненные в серебре, а оно подлежит строжайшему учету при отпуске с Монетного двора. Уж тут вардейн маху не даст! А они еще идут прямо в руки министра! Проследим же, когда, в какой последовательности и с какими «образцовыми монетами» имел дело в интересующие нас дни января 1826 г. Еллерс, вдохновляемый служебным рвением и возможностью блеснуть перед начальством.

Документ В. В. Бартошевича открывает занимательную картину того, как в целях

скорейшего выполнения одобренного и кем-то подправленного рейхелевского проекта, вернее всего по инициативе руководителя Департамента горных и соляных дел Карнеева, в работу был включен чуть ли не весь старший состав граверов немногочисленной Медальерной палаты Монетного двора: «...на трех штемпелях начали... вырезать портрет и на трех же реверс... Штемпели сии отданы в разные руки для большего соревнования». Наши материальные памятники — сами штемпели разной степени готовности рассказывают то же самое: в мастерстве и скорости соревновались в изготовлении портрета три гравера и, скорее всего, столько же занималось и менее ответственной и трудоемкой гербовой стороной, хоть и едва ли следует принимать всерьез «день и ночь» рапорта. А спешка была такая, что как только готова первая пара, а точнее первый портрет к уже готовому гербовому штемпелю, министр удовлетворился ею и остановил соревнование.

Стало быть, первый гравер мог объявить о завершении своего портрета если не 11-го, в пятницу к концу дня, то по крайней мере утром в субботу. Но вырезанный штемпель еще не «инструмент». Естественно, что первым побуждением руководителей операции было закалить так страстно ожидаемую пару и испытать ее уже не на олове, а в деле на ручном винтовом прессе — неперменной принадлежности Медальерной палаты — чтобы убедиться, что штемпели не имеют

скрытых дефектов, а главное поскорее утилить нетерпение начальства! Ни Карнеев, ни Еллерс и помыслить не посмели бы, чтобы остановить конкурс при выходе к финишу первого гравера. Это оставалось прерогативой одного только министра, и требовалось как можно скорее показать ему оттиск — конечно, на серебре. Сам Карнеев, допускаемый в кабинет министра, помчался к нему с оттиском, и проба сразу получила одобрение, после чего последовало указание остановить работу над другими парами и готовить комплект гурченных пробных рублевиков.

Первый пробный оттиск, еще с гладким гуртом, естественно, остался у министра: кто осмелится требовать его обратно? Может быть, министру еще нужно согласовать его с кем-либо? И вардейн Еллерс спешит записать в расход первый рублевый кружок. И пока ожидали Карнеева с ответом, можно было в Медальерной палате уничтожить путем забивки лишние кружки, оставшиеся после выбора лучшего на показ министру. При этой okazji вхожому в Медальерную палату автору проектных рисунков куда как удобно было бы принять участие в забивке и получше заколотить вынутый из кармана хотя бы один обыкновенный рублевик, чтобы Еллерс не заметил убыли отпущенных для испытания кружков при подсчете забитых лепех. Так в субботу ушел с Монетного двора самый первый константиновский рубль (проба без гурта) — для нас, интересующихся им, и первый «образцовый» рубль — для Еллерса.

А тайно, вне всякого учета, но и без ущерба для казначейства Монетного двора, именно тогда могли последовать за ним и второй — рейхелевский, и третий...

После одобрения министром штемпелей оставалось лишь отчеканить требующееся количество пробных монет на гурченных кружках. С 1810 г. для рублевой монеты была узаконена гуртовая надпись: «СЕР. 83 $\frac{1}{3}$ ПРОБЫ 2 ЗОЛ. $\frac{7}{25}$ ДОЛ.» (существует вариант последней дроби, но он не имеет для нас значения). Гуртильный станок работал безупречно, в чем можно убедиться, просматривая в любом количестве рублевых: выпуклые буквы, цифры и точки наносившего их инструмента впивались в кромку посылаемых на него кружков, оставляя на них четкую надпись, а последняя операция — чеканка — производилась в кольце, которое при натиске верхнего штемпеля равномерно обжимало поверхность гурта, нисколько не ухудшая надпись. Но и здесь ожидала руководителей Монетного двора неприятность: в медальном винтовом прессе кольцо вело себя по-другому. Монета в кольце перекосилась и на экземпляре Эрмитажа едва видна не совсем заглаженная часть надписи «СЕР 83 $\frac{1}{3}$ ПРОБ»: ее буквы и цифры будто процарапаны тонкой иглой. На перекокс указывает и то, что первое «С» стоит между «строками» — гранями, а «ОБ» — уже на грани вплотную. Над верхней частью портретной стороны и под противоположной стороной кружка нажим штемпеля

выдавил вверх над ободками острые заусеницы (поэтому-то я и предположил было чеканку на прессе Дро, имевшемся на Монетном дворе). А куда годится ухо Константина на двух монетах, смятое и раздавленное?

Досконально зная свое дело и привыкшим отвечать за отличное качество продукции мастерам становится страшно: как можно показать министру и тем более самому царю такой брак! Но время еще есть — и сам Карнеев спешит в министерство с гурченым «образцовым» рублем и застревает там на весь день... День субботний идет к концу и, не дождавшись указаний, Еллерс все, что получше из напечатанного, откладывает до понедельника и записывает в расход еще один рублевый кружок. Для него итог дня по «образцовой» монете составляет отпуск двух кружков. В понедельник к общему удивлению оказывается, что министра нисколько не расстраивает качество пробных монет; он удовлетворен и готов поскорее принять заказанный комплект, какой бы он ни был! Еллерс отбирает из оставленного запаса еще четыре кружка, а остальные забивает для сплавки.

Так могут быть прочтены слова рапорта «к прежним двум еще четыре образцовых рубля», если ориентироваться на представленную накануне одну пробу штемпелей и известные нам в натуре пять «образцовых» монет. Тогда Е. Ф. Канкрин был прав, высказываясь о шести рублях, — пяти «образ-

цовых», сохранявшихся в его канцелярии, и одном пробном, доставленном лично ему раньше. Он не знал или не хотел знать об экземпляре (экземплярах?) Рейхеля, а мы не знаем, какова была участь оставшегося у министра пробного оттиска, пока он не обнаруживается в Петрограде, скажем, в коллекции известного собирателя Л. Х. Иозефа.

Мнение В. В. Бартошевича о шести «образцовых» (гурченных) монетах принято с доверием В. Л. Яниным, который, однако, предположил возможного владельца продававшегося в 1898 г. рубля А. Ф. Бычкова, исходя из того, что у него оказалась и пара оловянных оттисков штемпелей; как раз этой пары и недоставало, когда в 1917 г. причастный к хранению редкостей, собравшихся в Канцелярии министра финансов, С. Н. Смирнов решил отдать их в музей. (По моему предположению, он вместе со всем константиновским комплектом тогда отдал в Эрмитаж и замечательный картон с оттисками «иностраннных» штемпелей Монетного двора — лобанчики, турецкие куруши начала XIX в. и проч.) [12, с. 27]. Не тогда ли недостававшаяся пара слепков пошла в Государственный Исторический музей? Вообще можно ли поручиться, что во время протекавшего в Медальерной палате «конкурса» на портрет предполагаемого нового царя не представляющие никакой материальной и отчетной ценности «отбросы производства» — оловянные слепки, по которым

граверы контролировали себя, не уносились из любопытства многими причастными и не причастными к этой работе?

Предположение В. Л. Янина о возможной принадлежности рубля А. Ф. Бычкову, составшемуся перед смертью со своим собранием, не подтверждается; будь А. Ф. Бычков собирателем монет, странным было бы сохранение им до смерти одного константиновского рубля, когда гораздо более близкий его научным интересам сребреник Владимира он сохранить не сумел [13, с. 10—12]. Если считать, что рублей с гуртовой надписью было только пять, то в 1898 г. мог продаваться только экземпляр совершенно равнодушного к нумизматике и не уберегшего семейный сувенир великого князя Сергея Александровича.

Экземпляр Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. Вес монеты 20,63 г. Передан в ОН ГЭ из Министерства финансов 19 июня 1879 г.

Экземпляр Александра II. Получен 15 июня 1879 г. из Министерства финансов. В 1927 г. попал в ОН ГЭ вместе с коллекцией монет императора. 18 января 1930 г. передан в Отдел нумизматики Государственного Исторического музея. Вес монеты 20,55 г.

Экземпляр великого князя Георгия Михайловича. Передан 16 июня 1879 г. из Министерства финансов. В 1909 г. вместе с коллекцией передан на вечное хранение в Музей Александра III (ныне Государственный Русский музей). В 1919 г. эвакуированная из Петрограда коллекция попала за границу. Продавался на аукционе в Лондоне в 1950 г. Был в руках Сола Каплана (США). В 1959 г. куплен В. Г. дю-Понтом и в 1959—1960 гг. передан в Национальный музей США — Смитсоновский институт. Вес монеты 18,52 г.

Экземпляр великого князя Сергея Александровича. Передан из Министерства финансов между 15 июля — 8 февраля 1879 г. Предположительно продавался на аукционе фирмы Гамбургера в Франкфурте-на-Майне в 1898 г., затем в составе коллекции Е. Арлова (Новая Зеландия) вновь объявился на аукционе фирмы Г. Ф. Шульмана в Нью-Йорке в декабре 1965 г. Владелец монеты неизвестен. Вес монеты неизвестен.

Экземпляр принца Александра Гессенского. Получен от Александра II, видимо, 18 февраля 1880 г. Продавался на аукционе в Мюнхене, проведенном фирмой наследников Е. Мерцбахер 7 января 1914 г. Монета была куплена В. Брандом (США), после его смерти в 1926 г. перешла к его брату О. Бранду. После смерти О. Бранда продавалась в 1964 г. на аукционе в Люцерне, организованном фирмами А. Хесса и Банк Леу. Монета досталась Солу Каплану (США), затем перешла в шорихскую коллекцию. Вес монеты 20,61 г.

Пробный оттиск штемпелей рубля Константина на негурченом кружке. Экземпляр Рейхеля-Шуберта Толстого. Вес монеты 20,75 г.

Третий рубль Константина без гуртовой надписи. Бывший экземпляр В. Г. Гаршина. Коллекция В. Фукса (ФРГ). Вес монеты 20,89 г.

Пробный оттиск штемпелей рубля Константина на негурченом кружке. Экземпляр Канкрин⁽⁵⁾ - Иозефа Рихтера. Вес монеты 20,57 г.

Новый, уже третий экземпляр парижского рубля Трубецкого из коллекции В. Фукса (ФРГ). Вес монеты 21,48 г.

Поддельный рубль Константина из Нового Голливуда.
Коллекция Ю. Арслана (США).

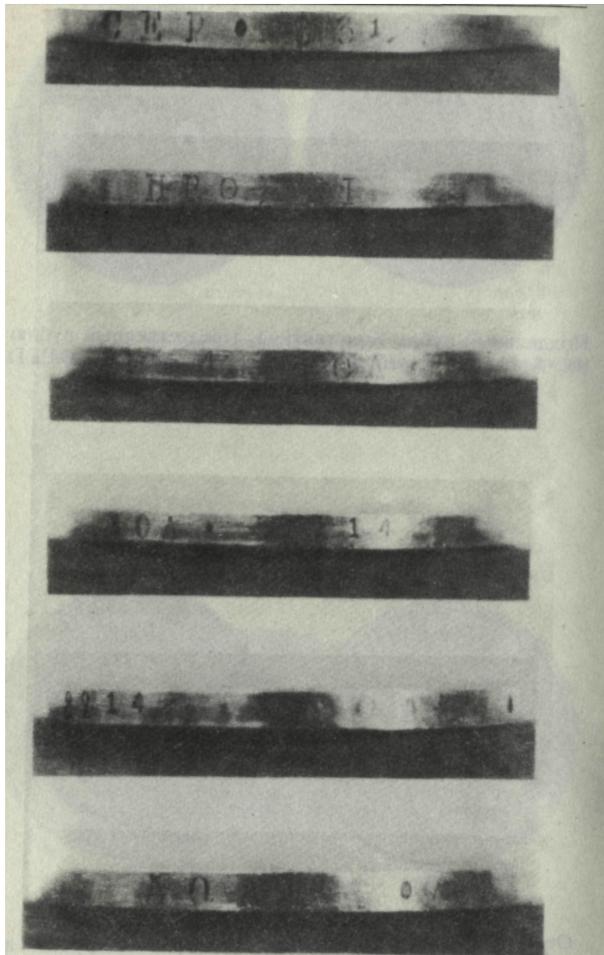
Поддельный рубль Константина, тождественный рублю
Ю. Арслана. Серебро. Коллекция В. Фукса (ФРГ).

Поддельный рубль Константина, чеканенный на обжатом, гурченом кружке. Коллекция В. Фукса (ФРГ).

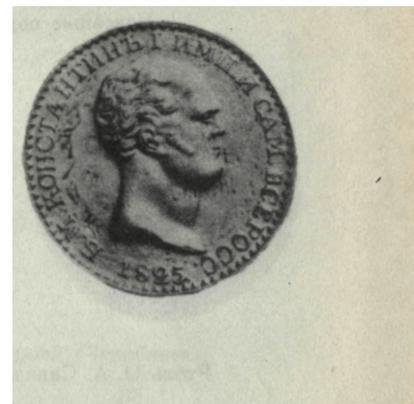

Оттиск штемпелей того же поддельного рубля из
серого металла. Собрание Эрмитажа, дар О. А. Савинова
(СССР).

Гуртовая надпись поддельного рубля Константина, принадлежащего Ю. Арслану (США).

Новейшая подделка константиновского рубля, появившаяся в ФРГ. Коллекция В. Фукса (ФРГ). Пробный экземпляр, чеканенный на плохо сглаженном рубле 1820 г.

Новейшая подделка из ФРГ. Такой же поддельный рубль, чеканен на хорошо подготовленном рубле. Коллекция В. Фукса (ФРГ).

Новейшие подделки из СССР:

Рубль О. А. Савинова. Серый металл.

Рубль В. П. Викторова (Челябинск).

Рубль С. А. Смирнова (Арзамас).

1. Спасский И. Г. По следам одной редкой монеты. — Л.-М., Советский художник, 1964.
2. В Библиотеке Отдела нумизматики Эрмитажа имеется такой список, сделанный с разрешения А. А. Ильина незадолго до начала войны 1941 г. Ю. В. Богдановичем.
3. Волкова К. Г., Гаршин А. Б. Владимир Георгиевич Гаршин. Дополнения к историко-биографическому очерку Ю. И. Будыко.—Л., 1983 (машинопись). Хранится в Библиотеке ОН ГЭ.
4. Спасский И. Г. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. — 4-е изд. — Л., Аврора, 1970.
5. Europäische Munzen. Auktion 27 am 14., 15 und 16. Oktober 1964 in Luzern. A. Hess A.G. Luzern, Bank Leu & Co AG Zurich, n°. 1568, Taf. LX11.
6. Hans F. Schulman, New York. Coin auction. The Arlow collection. November. 18—20. 1965, n°. 2374.
7. Abner Kreisberg — Jerry Cohen, Beverly Hills, Ca. Auction Catalogue, November 27, 1972, n°. 2013. «Quality sales» corp.
8. Spink & Son Ltd., London — Galerie des Monnaies SA, Geneve. Coins of the World, Geneve 16—17 Oktober 1974, n°. 757.
9. Sotheby's Ancient and Modern World Coins; The John R. Farnell Collection, Part I. Public auction. December 8, 1981.
10. В. кн. Георгий Михайлович. Монеты царствования имп. Николая I. — СПб., 1890. — С. XII и 281—282.
11. Geldgeschichtliche Nachrichten. Herausgeber Gesellschaft für Internationale Geldgeschichte Gemeinnützige Forschungsgesellschaft et V. Frankfurt-am-Main.
12. Спасский И. Г. Когда и для чего впервые чеканились в Петербурге голландские дукаты?//Вспомогательные исторические дисциплины. — X вып., 1978.
13. Ivan Spasskiy. Staroruska moneta z kolekcii Kazimierza Stronczynskiego w zbiorze Ermitazu. Lodzki Numizmatyk. Numer specjalny. — Lodz, 1973.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антошевский И. К. Константиновский рубль 1825 г. — СПб., 1904; рец. — Исторический вестник. — Май. — 1904. — С. 696—697.
2. Бартошевич В. В. Константиновский рубль//Вопросы истории. — 1976. — № 6. — С. 206—209.
3. Бартошевич В. В. Об одном спорном вопросе в истории константиновского рубля//Памятники русского денежного обращения XVIII—XX вв. — Тр. ГИМ. — М., 1980. — Вып. 53. — С. 85—108.
4. Волкова К. Г., Гаршин А. Б. Владимир Георгиевич Гаршин. Дополнения к историко-биографическому очерку Ю. И. Будыко. — Л., 1983 (машинопись*).
5. В. кн. Георгий Михайлович. Описание и изображение некоторых редких монет моего собрания. — СПб., 1886.
6. В. кн. Георгий Михайлович. Монеты царствования имп. Николая I. — СПб., 1890. — С. 260—263. — № 681—683.
7. Гиль Х. Х. Таблицы русских монет двух последних столетий. — СПб., 1883.
8. Иверсен Ю. Б. Неизданные и редкие русские медали. — СПб., 1874. № С. 14.

9. Ильин А. А. Рубль Константина. Приложение к книге И. Г. Спасского «По следам одной редкой монеты». — Л., 1964. — С. 101-103.

10. Калинин В. А. Константиновский рубль и междоусобица 1825 г.//Нумизматика в Эрмитаже. — Л., 1987. — С. 99—124.

11. Кобекко Д. Ф. Рубль императора Константина Павловича//Русская старина. — 1880. — Т. 27. — С. 187—189.

12. Константиновский рубль//Всемирная иллюстрация. — 1878. — Т. 19. — С. 327.

13. Необыкновенный рубль 1825 г. — СПб., 1904; рец. — Исторический вестник. — Май. — 1909. — С. 731—732.

14. Пылаев Н. Рубль не царствующего царя//Советский коллекционер. — 1926. — Декабрь. — С. 6—7.

15. Спасский И. Г. По следам одной редкой монеты. — Л.-М.: Советский художник, 1964.

16. Янин В. Л. К истории константиновского рубля//Вопросы истории. — 1978. — № 2. — С. 213—220.

17. A. Hess Nachf. Russische Munzen des 19. Jahrhunderts. Sammlung Graf J. J. Tolstoi, F. a M., 1913, n°. 987; «Frankfurter Munzeitung», n. 149, 1913. — S. 78.

18. Abner Kreisberg — Jerry Cohen, Beverly Hills, Ca. Auction Catalogue, November 27, 1972, n°. 2013. «Quality sales» corp.

19. Europäische Munzen. Auktion 27 am 14., 15 und 16. Oktober 1964 in Luzern. A. Hess A. G. Luzern, Bank Leu & Co AG Zurich, n°. 1568, Taf. LXII.

20. Fuchs Willy. Der Konstantin-Rubel von 1825, seine Geschichte und seine Falschungen.

21. Geldgeschichtliche Nachrichten. Herausgeber Gesellschaft für Internationale Geldgeschichte Gemeinnützige Forschungsgesellschaft. V. — Frankfurt-am-Main.

22. Hans F. Schulman, New York. Coin auktion. The Arlow collection. November 18—20 1965 n°. 2374.

23. Koehne B. Der Konstantin-Rubel. «Berliner Blätter für Münz-Siegel-und Wappenkunde» — B III — Berlin, 1866. — S. 206—213.

24. B. de Koehne. Le rouble de l'empereur Constantin de Russie. Revue Beige de numismatique — V. XXXVII, 1879.

25. Munzkabinet des Prinzen Alexander von Hessen//Numismatisch-genealogische Serien — S. 1 1889. — S. 209.

26. Munzen und Medaillen alien Lander aus verschiedenen Besitz. Dr. E. Merzbacher Nachf. — München, 7 Januar 1914 u. folgende Tage. №. 337, Taf. 6.

27. Prinze Alexandre Troubezkoj. Rouble de Konstantin cesarewitch grand duk de Russie. — Marseille 1873.

28. Prince Alexandre Troubezkoj. Supplement a la brochure sur le rouble de Constantin cesarewitch grand-duc de Russie. — SPb., 1879.

29. T. F. de Schubert. Catalogue du cabinet de monnaies et de medailles russes. I partie. Carlsruhe, 1857, n. 3805. Аутентичное издание с несколько

измененным названием было выпущено в следующем году в Лейпциге: *Monnaies et medallies russes d'apres l'etat donne par le cabinet du general d'infanterie T. F. de Schubert. I partie.* — Leipzig, 1858.

30. F. de Schubert. *Monnaies russes des dernieres trois siecles depuis le czar Ioann Wasilieviz Grosnyi, jusgu'a l'empereur Alexandre II, 1547—1855. Avec une atlas.* — Leipzig, 1857. — N. 680.

31. Sotheby's Ancient and Modern World Coins. The John R. Farnell Collection, Part I. Public auction. December 8, 1981.

32. Spink & Son Ltd., London — Galerie des Monnaies SA, Geneve. *Coins of the World*, Geneve 16—17 oktober 1974, N. 757.

33. Z. R. (Zander Rendolf). The Smithsonian's Constantin Rubles//*Journal of the Russian Numismatic Society.* — n°. 14. — Spring 1984. — Alexandria. — USA. — P. 34—39.

Константиновский рубль. Новые материалы и исследования/А. С. Мельникова, В. В. Бартошевич, В. А. Калинин и др.; Под ред. А. С. Мельниковой. — М.: Финансы и статистика, 1991. 272 с: ил.

ISBN 5-279-00490-1.

Речь идет об истории самой редкой монеты — рубля Константина I, чеканенной в период междоусобия в ноябре — декабре 1825 г. Окруженные тайной обстоятельства появления константиновского рубля, его последующая судьба, загадочное исчезновение одного из законченных рублей делают сюжет о чеканке этих монет крайне занимательным и привлекут внимание не только специалистов, но и самых широких кругов читателей, интересующихся историей денежного обращения России.

Научное издание

Мельникова Алла Сергеевна
Бартошевич Виталий Владимирович
Калинин Виталий Александрович
Щукина Евгения Семеновна
Спасский Иван Георгиевич

**КОНСТАНТИНОВСКИЙ РУБЛЬ.
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ**

Редактор *Е. А. Хмелинина*
Мл. редактор *Т. В. Бушагина*
Худож. редактор *Ю. И. Артюхов*
Техн. редактор *И. В. Юдинцева*
Корректоры *Т. М. Колпакова, Е. М. Смирнова*
Переплет художника *М. А. Вакарчука*

ИБ № 2609

Сдано в набор 5; 07. 90. Подписано в печать 28.01.91.
Формат 70 X 90¹/₃₂- Бум. офс. № 1. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. п. л. 9,95. Усл.кр.-отт. 17,11. Уч.-изд. л. 9,17. Тираж 100 000 экз., 1-й завод 1—50000. Заказ 558. Цена 6 р.
Издательство «Финансы и статистика», 101000, Москва, ул. Чернышевского, 7
Типография им. Котлякова издательства «Финансы и статистика» Государственного комитета СССР по печати
195273, Ленинград, ул. Руставели, 13.